

Русская речь

Научно-популярный журнал
Института русского языка Академии наук СССР
Основан в 1967 году. Выходит 6 раз в год
Издательство «Наука». Москва

№ 5, 1974 сентябрь — октябрь

В номере:

К 250-летию Академии наук СССР

Ф. П. Сороколетов. Русская академическая лексикография советского времени 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

К 160-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова

А. Д. Жижина. Призыв к борьбе («Дума» Лермонтова) 12

А. И. Журавлева. Поэтическая проза Лермонтова 21

В. И. Митрохина. «Грушницкого страсть была декламировать...» 28

Т. А. Недосекина. Поэма «Последний сын Вольности» 31

В. С. Краснокутский. «Арзамасский язык» в письмах Пушкина 35

М. П. Тоболова. Ударение в стихах 42

Т. М. Колядич, В. В. Удонова. Язык и стиль Николая Островского 48

Интервью с режиссером Марком Донским и актером Алексеем Локтевым 53

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Р. И. Аванесов. Беседы о русском произношении 60

И. Ф. Протченко, В. В. Лопатин. Новые олимпиады 64

И. С. Улуханов. Словообразование путем замены морфем 74

И. С. Козырев. О названиях жителей 81

СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА

О. Д. Кузнецова. Словарь олонекского наречия Г. И. Куликовского 86

ХРОНИКА

К. В. Горшкова. Второй Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы . . .	90
Ю. Ф. Хаустова. Встреча в Доме ученых	143

ОБЛАСТНЫЕ ГОВОРЫ

Г. М. Левина. Народные названия курицы	95
--	----

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Е. Н. Борисова. Женщина	101
М. М. Маковский. Парадоксы языка	110

СТАРАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ

Л. Ю. Астахина. По страницам сельскохозяйственных книг XVI—XVII веков	116
---	-----

ПУБЛИКАЦИИ «РУССКОЙ РЕЧИ»

Письмо А. А. Шахматова А. А. Буслаеву	122
---	-----

ШКОЛА

И. С. Ильинская. Синонимы	124
Т. А. Рыжик. Пробный учебник по русскому языку для VII класса	134

КОНСУЛЬТАЦИИ

Грамматическая правильность русской речи	140
--	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Заочное образование и заочное обучение; Челобитная, прошение, заявление; Хожалый; Курчавый; «Пралиновая» начинка; Делу время, потехе час; Погон	145
---	-----

*На обложке: М. Ю. Лермонтов «Ицъри»
Рисунок Ю. Космынина*

К 250-летию
Академии
наук
СССР

РУССКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Составление словарей и потребность в них общества является одним из важных показателей культуры народа. В словарях фиксируется лексическое богатство языка, которое отражает всю сложность действительности, ее прошлое, настоящее и будущее. Словари — не только справочники, необходимые культурному человеку, но и его советчики, руководители в безбрежном мире слов. Этим объясняется, что во всех странах происходит своеобразная «лексикографическая революция», наблюдается стремительный рост словарной работы. В нашей стране ежегодно публикуются и подготавливаются сотни словарей самых различных типов и назначений. Заметное место среди них занимают словари русского языка. В одном только Институте русского языка АН СССР ведется работа по составлению и изданию более чем двадцати словарей, среди которых есть словари массового назначения и словари, рассчитанные на специалистов.

Сердцевину лексикографии, ее основу составляют толковые словари современного литературного языка. Толковые словари — это универсальные справочники по семантике слов, по стилистике, грамматике, фразеологии. Хорошие толковые словари должны, по мнению В. И. Ленина, быть пособиями для «пользования и (учения) всех» (Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 192).

Русская лексикография советского времени накопила значительный опыт в составлении толковых словарей. Четыре слова-

ря: «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, семнадцатитомный «Словарь современного русского литературного языка», четырехтомный «Словарь русского языка», подготовленные Словарным сектором Института русского языка АН СССР, и «Словарь русского языка» С. И. Ожегова — важные вехи в изучении словарного состава русского языка. Каждый из этих словарей вносил новое в давнюю русскую лексикографическую традицию.

У истоков русской советской лексикографии стоял В. И. Ленин, придававший огромное значение культурному строительству молодой Советской республики. В известных записках В. И. Ленина А. В. Луначарскому, М. Н. Покровскому и Е. А. Литкенсу он поставил вопрос о создании словаря русского языка для широких кругов читателей и настойчиво добивался воплощения этой идеи в жизнь. Так, обращаясь к А. В. Луначарскому, он писал: «Тов. Луначарский! Недавно мне пришлось — к сожалению и к стыду моему, впервые, — ознакомиться с знаменитым словарем Даля. Великолепная вещь, но ведь это *областнический* словарь и устарел. Не пора ли создать словарь *настоящего* русского языка, скажем, словарь слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького. Что, если посадить за сие 30 ученых, дав им красноармейский паек? Как бы Вы отнеслись к этой мысли? Словарь классического русского языка? Не делая шума, поговорите с знатоками, ежели не затруднит и сообщите мне Ваше мнение» (Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 121—122).

В этом и других документах В. И. Ленин не только высказывает мысль о необходимости словаря, но и в общих чертах определяет его характер, цели и задачи. Ленина, по-видимому, не удовлетворял словарь русского языка, издаваемый Академией наук по плану, предложенному А. А. Шахматовым — словарь *thesaurus* 'сокровищница', в котором областная лексика не была отделена от лексики литературной. В этом отношении «шахматовский» словарь приближался к Словарю В. Даля, которым В. И. Ленин восхищался, но в то же время называл его «областническим». Выдвигалась новая задача — создать «словарь *настоящего* русского языка», словарь «слов, употребляемых *теперь* и *классиками*, от Пушкина до Горького» (Полное собрание сочинений. Т. 51, стр. 122). Новый словарь должен быть словарем образцового, классического языка, словарем нормативным, рассчитанным на самые широкие слои русского общества. Кроме всего, этот словарь должен быть кратким (в качестве образца Ленин называет знаменитый французский словарь малый «Лярус»).

Именно такой словарь — краткий, но показывающий правила употребления основного лексического состава языка, необходим был русскому обществу 20-х годов нашего века. Создание такого словаря было признано и своевременным, и насущно необходимым по ряду причин: 1) в русской литературе за революционные и послереволюционные годы произошли заметные изменения, которые отразились на составе литературного языка; 2) за это время появился новый читатель, который стремился овладеть всеми достижениями культуры. Академический словарь русского языка был далек от учета этих обстоятельств, он не мог полностью удовлетворить культурные потребности нового общества. Составление словаря, удовлетворяющего запросы нового читателя, таким образом, становилось делом государственной важности.

Вскоре более 30 ученых Москвы и Ленинграда И. И. Гливенко, Д. Н. Ушаков, Н. Н. Дурново, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский, А. А. Буслаев и другие приступили к подготовке материалов и к составлению текста словаря. Хорошо организованное и успешно начатое составление словаря из-за материальных и технических трудностей, которые переживала страна в начале 20-х годов, приостанавливается и к концу 1923 года полностью прекращается. Составление словаря, начатого по идее В. И. Ленина, так и не было закончено.

Однако идея В. И. Ленина о создании словаря для самого широкого читателя не погибла. В значительной мере она воплощена в подготовленном позднее и в новых условиях «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Благодаря энергии и настойчивости профессора Д. Н. Ушакова в 1927 году начинается подготовка толкового словаря русского языка, рассчитанного на широкого читателя.

В направленности Словаря Д. Н. Ушакова на массового читателя сказывается воздействие замысла В. И. Ленина. В предисловии к Словарю составители писали, что они «старались, поскольку это было в их силах, придать словарю характер, отвечающий тем требованиям, которые предъявлял В. И. Ленин к образцовому толковому словарю современного русского литературного языка». И далее: «Составители старались придать словарю характер образцового, в том смысле, чтобы он помогал усвоить образцовый, правильный язык, а именно, большое внимание обращено в нем на нормативную сторону: правописание, произношение, ударение слов, грамматические указания, полезные для русских и нерусских, указания на сферу употребления слов, имеющие практическое значение для ищущих стилистического руководства... Кроме того, самый анализ значений и оттенков значений слов... дает материал не только для теоретиче-

ского изучения русской лексики, но главное, для практического — с целью сознательного употребления в речи того или другого слова».

«Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова вышел в свет в 1934—1940 годах. Как первый опыт нормативного словаря современного русского литературного языка, он представляет собой крупное явление в истории русской лексикографии. В нем представлена лексика художественной литературы от Пушкина до Горького, специальная научная, техническая, общественно-политическая и производственная терминология, получившая широкое распространение. Относительно широко отражены изменения в словарном составе русского языка после Великой Октябрьской революции. Это был первый словарь, описавший более 85 000 слов современного русского литературного языка. В нем впервые в русской лексикографии широко и последовательно применяется система стилистических помет, указывающих на сферу употребления слова, на историческую перспективу, на его стилистическую природу, на выразительные, эмоционально-экспрессивные оттенки слов: книжное, торжественное, разговорное, просторечное, вульгарное, бранное, ироническое, неодобрительное, шутивное, презрительное, новое, старинное, устарелое, дореволюционное, научное, техническое, канцелярское, поэтическое, областное, народно-поэтическое и другие. Ни в одном русском словаре до Словаря Д. Н. Ушакова и после него не было такой детальной шкалы стилистических помет.

Словарь подвел итоги предшествующей длительной работе над словарями русского языка в Академии наук. Поэтому Словарь Д. Н. Ушакова с полным правом называется академическим, хотя создан он вне стен Академии наук. Он является большим событием в советской лексикографии и в культурной жизни всей страны. Толковый словарь сыграл огромную роль в упорядочении орфографии 30-х годов; это был первый большой словарь русского языка, в котором слова давались по новой орфографии.

Об исключительно большой роли Словаря Д. Н. Ушакова свидетельствует его влияние на всю советскую лексикографию: он лежит в основе большинства двуязычных русско-национальных и национально-русских словарей, на его основе создан популярный однотомный «Словарь русского языка» С. И. Ожегова (Словарь предназначен для массового читателя и выдержал уже 10 изданий). Влияние Словаря заметно и в новых толковых словарях русского языка, подготовленных в Академии наук.

Но Толковый словарь Д. Н. Ушакова отражает состояние лексики русского языка 20—30-х годов и в наше время не может в полной мере служить справочником по современному словоупотреблению. Это стало очевидным уже в конце 40-х годов, когда Словарь был переиздан без всяких изменений (1947—1948). Стало ощущаться отсутствие в нем новых слов и выражений, пришедших в язык в последние годы; изменилась стилистическая тональность многих слов, многие слова с пометой «новое» перестали восприниматься как новые, а другие выпали из словарного состава языка и т. д. Однотомный Словарь С. И. Ожегова из-за небольшого объема не мог выполнить полностью задачу описания современного словарного состава русского языка. Все это требовало создания нового полного словаря современного литературного языка.

Создание нормативного словаря современного русского литературного языка по-прежнему являлось первоочередной задачей Академии наук.

Президиум АН СССР в августе 1937 года принял решение о прекращении затянувшейся работы по составлению словаря русского языка «шахматовской» редакции, решительно отказавшись от принципа нормативности. Было решено начать подготовку толкового нормативного словаря современного русского языка. Результатом напряженной работы большого коллектива лексикографов явилось создание семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка», изданного в 1950—1965 годах. Семнадцатитомный (Большой академический) словарь занимает особое место среди толковых словарей русского языка. Это самый полный, самый богатый по словнику словарь русского литературного языка. В нем объяснено более 120 000 слов.

Большой академический словарь был задуман как толково-исторический и нормативный, совмещающий в себе принципы исторического словаря, характеризующего эволюцию русского словоупотребления со времен Пушкина (первоначально даже предполагалось привлекать материалы второй половины XVIII века), и принципы нормативного словаря современной эпохи. Словарь, по замыслу составителей, должен был «охватить все богатство русского литературного языка с его лексикой и семантикой в пределах его развития от эпохи Пушкина и до наших дней... он должен явиться руководством к общепринятому употреблению слов и оборотов речи в их значениях и формах» (Постановление Президиума АН СССР от 5 августа 1937 г.). Словарь создавался на основе фактического материала, извлеченного из наиболее важных литературно-художественных, публицистиче-

ских, научно-популярных и научных произведений XIX—XX веков.

Перед составителями Словаря стояла труднейшая задача отбора слов по принципу современного литературного употребления, по принципу необходимости их в современном русском языке. В огромном лексическом запасе русского языка надо было взвесить и оценить каждое слово, чтобы признать его права на внесение в словарь или найти основания для исключения его из словаря. Эта задача осложнялась и тем, что ее решение не имело под собой хорошо разработанной теоретической основы.

Один из зачинателей Большого словаря В. И. Чернышев, говоря о характере и особенностях этого труда, писал: «Вносимые нами в Словарь слова получают значение общепринятых, необходимых, рекомендованных к употреблению; не внесенные — остаются на положении слов устарелых или редких, употребляемых в специальных нуждах, в особых стилях речи, не относящихся к общему широкому словарному обороту» («Русский язык в школе», 1939, № 2). В этих словах настойчиво подчеркивается принцип нормативности словаря. В то же время В. И. Чернышев говорит и о том, что словарь должен быть историческим.

В семнадцатитомный Словарь включалась только общеупотребительная лексика от Пушкина до наших дней, за его пределами остались слова специальные и областные, устарелые и жаргонные. Однако определенные разряды этих слов нашли место в Словаре. Оказались включенными в Словарь слова устаревшие (котерия, кошница, млат, рдяный, рядчик, зело), слова, обозначающие явления старой жизни, старого быта (оброк, общинник, околоточный, однодворец, стряпчий), термины исторического характера (полюдье, посадник, правда 'свод законов', смерд, тиун), областные слова (казан, зелена, курень, козюля, скородить, верх 'овраг'), многочисленные научные, технические и производственные термины, вошедшие в широкое употребление, просторечные и разговорные слова, общепринятые неологизмы.

Важной особенностью Большого словаря, отличающей его от предшествующих словарей, является широкое включение в его состав производных слов, которые засвидетельствованы в письменных источниках или широко употребляются в живой разговорной речи. В Словаре нашли место также значения и употребления слов, не включенные в другие лексикографические издания из-за небольшого объема последних. Впервые в истории русской лексикографии (если не считать так и оставшегося незавершенным словаря «шахматовской» редакции) в Большом словаре широко и последовательно показываются разного рода сочетания слов, варианты грамматических форм и ударений. По богатст-

ву фразеологических сочетаний и оборотов, по детальности их разработки он превосходит все предшествующие словари русского языка.

Слова в Словаре получили филологическое толкование значений, грамматическую характеристику, указание на ударение и стилистическую квалификацию, связанную со сферой употребления или эмоционально-экспрессивной тональностью. Большой интерес представляют сведения, содержащиеся в справочном отделе, где отмечается наиболее ранняя лексикографическая фиксация слова, источник заимствования и некоторые другие сведения.

Особое место занимает иллюстративный материал, сопровождающий каждую словарную статью. Каждое значение, каждое употребление слова подтверждается рядом цитат, взятых из авторитетных источников. Цитаты выполняют двойную функцию: с одной стороны, они подтверждают наличие в языке того или иного слова, показывают, как устойчивое значение проявляется в связной речи, в конкретном применении, как оно ведет себя в словесном окружении; с другой стороны, — цитаты помогают раскрыть смысл слова. Нередко удачная иллюстрация раскрывает содержание слова гораздо полнее и точнее, чем толкование. Недаром один из виднейших русских языковедов Л. В. Щерба, обращаясь к составителям словаря, говорил им: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше примеров» («Известия Академии наук СССР. Серия Отделения литературы и языка», 1940, № 3).

Оценивая значение Большого словаря, академик В. В. Виноградов писал: «Завершение работы над многотомным обширным словарем родного языка — всегда огромное событие как для его авторов и составителей, так и для всего народа, говорящего на этом языке, для всего общества. Это — важное национальное дело, особенно если такой словарь не только большой, но и ценный по своим высоким качествам» («Вопросы языкознания», 1966, № 6). Семнадцатитомный академический Словарь является таким словарем. Он подводит итог исканиям и попыткам прошлого осмыслить «сокровищницу родного слова» и открывает перспективы исследований в этой области. Значение Словаря состоит и в том, что он своим содержанием и организацией работы над ним оказал огромное воздействие на многонациональную лексикографию Страны Советов.

Работа большого коллектива словарников отмечена высокой правительственной наградой. В 1970 году за участие в работе над Большим словарем С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, В. И. Чернышев, Е. С. Истрина и А. М. Бабкин были удостоены Ленинской премии.

Учитывая, что «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова при всех его достоинствах к пятидесятым годам уже во многих своих рекомендациях устарел, а потребность в справочнике, отражающем состояние лексики нашего времени, постоянно растет, Президиум АН СССР принял в 1952 году Постановление о составлении нового толкового словаря среднего типа. Такой словарь был создан в Словарном секторе Института русского языка и в 1957—1961 годах издан в четырех томах. Это так называемый Малый академический «Словарь русского языка». Он, как и все академические словари, создан на материалах многомиллионной картотеки, на тех же материалах, что и Большой словарь. По своему типу Малый словарь близок к Словарю Д. Н. Ушакова, хотя и имеет много отличительных черт.

Словарь содержит общеупотребительную лексику и фразеологию современного русского литературного языка. Малый академический словарь более строго, чем Большой академический, придерживается принципа нормативности.

В настоящее время готовится второе, исправленное и дополненное издание четырехтомного «Словаря русского языка». В этом издании будут отражены изменения в словарном составе русского языка в шестидесятые — семидесятые годы, улучшится семантическая, грамматическая и стилистическая квалификация слов.

Большой и Малый академические словари русского языка явились необходимой базой для создания целой серии специальных словарей — фразеологических, синонимических, словарей новых слов, словарей трудностей словоупотребления, инверсионных и словообразовательных. Работа над многими из них была начата сразу же после издания Малого и Большого словарей.

В 1970—1971 годах вышел в свет двухтомный «Словарь синонимов русского языка», подготовленный Словарным сектором Института русского языка. Словарь представляет собой первый в отечественном языкознании опыт полного описания синонимов русского языка. Материалы Словаря отражают реально существующие в языке системные отношения между словами, объединенными в синонимические ряды. Под синонимами понимаются близкие или тождественные по значению слова, обозначающие одно и то же понятие, но отличающиеся друг от друга оттенками значения, стилистической окраской или обоими этими признаками одновременно.

Большинство синонимических рядов сопровождается подробным и тщательно сделанным комментарием и продуманным набором цитат. В комментариях показываются различия в содержании (значении) синонимов, условия и сфера их употребления. Начинается ряд опорным словом — наиболее точным и прямым названием

предмета, явления, действия без дополнительных экспрессивных, эмоциональных, стилистических оттенков. Пометы, употребляемые в Словаре, указывают на различные стилистические функции, выполняемые синонимами в языке.

На основе двухтомного «Словаря синонимов русского языка» подготовлен однотомный синонимический словарь, который должен выйти из печати в 1975 году.

Хорошим пособием по культуре речи является вышедший в 1973 году словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка».

Этот Словарь охватывает не всю лексику современного русского языка; в него включаются лишь те факты, которые допускают вариативность, вызывают колебания и трудности или являются отклонением от нормы, ведут к нарушению нормы литературного словоупотребления. справочник показывает и оценивает акцентологические, формально-грамматические, формообразовательные варианты, предупреждает от типичных, распространенных в речи ошибок — семантических, стилистических, в управлении.

В Словаре проявилось осторожное, хорошо продуманное и опирающееся на объективные процессы в современном словоупотреблении отношение к квалификации различного рода трудностей и колебаний нормы, к оценке тех явлений, которые связаны с нарушением нормы или представляют собой различного рода ошибки и отклонения.

Одной из особенностей Словаря является стремление отразить новые явления, появившиеся в языке нашего времени.

В 1971 году вышел в свет словарь-справочник «Новые слова и значения», который содержит около 4000 новых, не вошедших в толковые словари русского литературного языка слов и значений, появившихся в 50—60-е годы XX века. Этот словарь предназначен для филологов, преподавателей русского языка, переводчиков, писателей — для всех, кто изучает русский язык.

Словари, созданные в Академии наук, определили и определяют основные пути развития многонациональной советской лексикографии. Словарь Д. Н. Ушакова, Большой и Малый академические словари русского языка представляют собой крупное явление не только в истории русской филологии, но и в истории всей русской культуры. Они отражают успехи развития науки, техники, искусства и форм общественной жизни русской нации. Толковые словари русского языка — могучее орудие культуры речи. Вот почему составление толковых словарей родного языка всегда было важным национальным делом.

Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ

ПРИЗЫВ К БОРЬБЕ

«Дума» Лермонтова

Среди лирических стихотворений М. Ю. Лермонтова «Дума» 1838 года выделяется широтой авторского замысла. О ком поведал Лермонтов в своей «Думе»? Кого клеймит? К кому обращает свой призыв?

Обычно отвечают на этот вопрос вполне определенно: «... К числу представителей поколения поэт относит и самого себя» (Д. Е. Максимов. Поэзия Лермонтова); «Лермонтов не противопоставляет себя своему „поколению“, как бы признавая и над собой власть истории или „судьбы“» (Б. М. Эйхенбаум. Литературная позиция Лермонтова).

Может быть, критикуя своих современников, Лермонтов не щадит и себя вместе с ними? Однако обвинения в «Думе» слишком серьезны и не соответствуют всему духовному облику поэта. Вот почему позицию Лермонтова невозможно объяснить повышенной требовательностью к самому себе. Произнося «мы», он вовсе не причисляет себя к обвиняемым.

Местоимение *мы* появляется в стихотворении не сразу. Вначале поэт старается отмежеваться от обреченного историей поколения, смотрит на него со стороны, противопоставив друг другу два центра: «я» и «оно». Такое несовпадение дает Лермонтову право высказать свое отношение к современникам, предрекая их судьбу:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно,

К 160-летию
со дня
рождения
М. Ю. Лермонтова

М. Ю. Лермонтов.
С автопортрета. 1837

Но уже в следующей строке оба начала, сохраняя противоречивость, умещаются в одном слове — *мы*: «Богаты *мы*... ошибками отцов»; «*Мы* вянем без борьбы»; «И ненавидим *мы* и любим *мы* случайно»... И так до конца произведения.

Поэт будто перевоплощается в тех, кого обличает. Он проникает в их внутренний мир, вбирает в себя всю их душевную боль, всю немощь, чтобы затем изнутри взорвать зло. Он пришел к ним не как посторонний, бесстрастный обвинитель, которому так легко бичевать страдальцев. Напротив, Лермонтов готов взять на себя вину этого поколения, если уж им суждено жить в одно время. Повторяя слово *мы*, поэт хочет сказать, что он и себя не пощадил бы. Вот откуда потрясающая сила его обвинений. Дорогой ценой куплено им право на беспощадность.

Может зародиться сомнение в абсолютной справедливости лермонтовской оценки, ведь почти его сверстниками были Белинский, Герцен, Гоголь. Лермонтов говорит об участии, а вовсе не о позиции, подчас противоположной у разных представителей одного поколения. Участие же была одинаковой: в 30-е годы все в равной мере подвергались гнету реакции. Действительность, иссушая души людей, не давала возможности достойно приложить свои силы. Это знакомое всем современникам Лермонтова состояние, с такой силой отраженное в «Думе», и занимало внимание Белинского, когда он писал о лермонтовском стихотворении: «... Кто же из людей нового поколения не найдет в нем разгадки собст-

венного уныния, душевной апатии, пустоты внутренней и не откликнется на него своим воплем, своим стоном?..» (В. Г. Белинский. Стихотворения М. Лермонтова).

«Пустота внутренняя», о которой говорит критик,— вовсе не признак мелкой и ничемной души; она означает лишь, что жизнь не наполнена той положительной деятельностью, какая возможна в иные эпохи. Опустошенность, угнетающее звучание не свойственны «Думе», вышедшей, по словам Белинского, из глубины «оскорбленного духа», «исполненной благородного негодования, могучей жизни...».

Нередко проводят параллель между стихотворением «Дума» и высказыванием Герцена: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования,— а между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье... О, пусть они останутся с мыслью и с грустью перед камнями, под которыми мы уснем, мы заслужили их грусть» (А. И. Герцен. Дневник 1842—1845 гг.).

«Заслужили... грусть», то есть сочувствие,— утверждает Герцен. «Заслужили презрение»,— словно спорит с ним автор «Думы». Их суждения не совпадают. Кто же из них прав? Очевидно, и тот, и другой. Дело в том, что Герцен говорит о себе, об участи себе подобных. Лермонтов же гневно осуждает ту часть поколения, которая бездействует, старится в бездействии.

Кто же эти «герои» «Думы», чья позиция заслуживает презрения? Это та часть образованного дворянства, которая в недавнем времени попоныла ряды декабристов. Но какая противоположность! Нет борьбы, нет прежнего самопожертвования и героизма. Новая смена проигрывает в сравнении с предшественниками. Но разве старшее, декабристское поколение в свою очередь не уступает в чем-то более позднему, хотя и рожденному безвременьем?

Когда поколение «Думы» вступало в жизнь, были и у него «юные силы», «надежды лучшие и голос благородный... страстей», да и теперь еще «огонь кипит в крови» и оно «жадно берет в груди остаток чувства».

Родись эти люди чуть раньше, возможно, они примкнули бы к декабристам. Во всяком случае, у них хватило бы на это и мужества, и благородства. Но теперь все лучшее в незаурядных натурах «неверием осмеяно», превратилось в «беспольный клад». Они бездействуют потому, что у них нет целей, нет былых надежд, былой веры. И в том ли дело, что новое поколение не способно возвыситься до идеалов, привлекавших декабристов? Причина не только в нем самом: мечты и надежды «отцов» не оправдали себя. При всем своем великом историческом

значении декабристское движение страдало известной ограниченностью, которая обнаружилась после его разгрома. И представители новой дворянской смены говорят о себе с горькой иронией:

Богаты мы, едва из колыбели,
Ошибками отцов и поздним их умом,
И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели,
Как пир на празднике чужом.

И к гробу мы спешим без счастья и без славы,
Глядя насмешливо назад...

Вот все, что осталось этому поколению. Развивая далее эту мысль, Лермонтов утверждает:

Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.

Выступает ли здесь поэт против «познания и сомненья»? Осуждает ли своих современников за то, что они во многом сомневаются? Легко заметить, что всегда и везде поэт прославляет силу человеческого разума. Он ставит рядом такие равноценные для него слова-символы, слова-призывы, как «познание» и «свобода».

Так, его Демон заявляет о себе: «Я царь познания и свободы» (Демон). В плену заблуждений, постоянно убеждает Лермонтов своих читателей, люди несвободны, постижение истины — неперемное условие освобождения.

Чтобы понять, о каком «бремени познания» говорит автор, вдумаясь прежде в содержание явления, которое обозначено в «Думе» двумя словами — «ошибки отцов».

Декабристы верили в возможность преобразований, хотя выбранные ими пути и средства оказались неверными.

Поколение же «Думы» значительно глубже постигло несовершенство действительности. Познание заставило его усомниться в осуществимости прежних идеалов, утратить веру «отцов».

Этим изверившимся юношам было бы легче принять готовое. Но эта готовая вера оказалась уже пройденным этапом. История продвинулась вперед и заставила их видеть дальше и шире своих предшественников. Следовательно, в чем-то они действительно опередили декабристов, чему-то научились на их ошибках.

Почему в таком случае поэт не отдает должного заслугам тех, кто сумел разгадать «ошибки отцов»? Очевидно, потому, что никаких заслуг, собственно, и не было.

Сомнение обернулось для юношей тяжким бременем. И дело не в самом сомнении, которое, как принято считать, подтачива-

ет силы, лишает воли. В лермонтовской лексике слову *сомнение* отведено почетное место. Нередко полные мужества лермонтовские строки рассказывают о том, как поэт лелеет в себе спасительное сомнение, недовольство, без которых не может вспыхнуть желание иной, настоящей жизни. И не только Лермонтов, но и его «герой времени» Печорин, которому нередко адресуют «Думу» со всеми ее упреками, приходит к выводу: «Я люблю сомневаться во всем: это расположение ума не мешает решительности характера — напротив...» (Герой нашего времени).

Всмотримся в другую строку «Думы»: «Мы иссушили ум наукою бесплодной». Упрек обращен не к науке вообще, будто бы мешающей живому делу. Наука привлекала Лермонтова. В его произведениях можно обнаружить следы знакомства автора с идеями ведущих теоретиков эпохи, процесс раздумья над их учениями он отражает в своей «поэзии мысли». Глазами философа, диалектика поэт смотрел на мир, постигая сущность явлений, и находил жизнь лишь там, где встречал движение, борьбу противоположностей, нередко предсказанную «отвлеченным» разумом. Тяга Лермонтова к самой отвлеченной науке — философии несомненна. Но тогда о чем же, о какой науке, иссушающей ум, говорит он в «Думе»?

Проследим развитие одного из ведущих мотивов «Думы» — желание борьбы и ее отсутствие. Этот мотив в различном словесном оформлении повторяется снова и снова, становясь упреком: «в бездействии», «без цели», «без борьбы», «бесполезный клад», «ничем не жертвуя».

Тот же упрек звучит в строке: «Мы иссушили ум наукою бесплодной». С ней перекликаются стихи и последней строфы:

Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.

То, что воспринято «героями» «Думы», — всего лишь бесплодная наука, не способная обогатить их; все, что оставят они после себя на земле, будет лишено «плодовитой» мысли.

Оба упрека подсказаны убеждением: необходима наука (мысль, идея), указывающая путь, но не «ровный путь без цели», а путь к действию. Познать и действовать — вот постоянный девиз Лермонтова. А поколение «Думы» ничего не делает для того, чтобы новое восторжествовало. Борьбаться за лучшую жизнь — значит сначала бороться против того, что стоит на пути к ней, бороться с нынешним злом во имя грядущего добра.

А «нынешнее племя» не способно перейти от сомнения к отрицанию. И все оттого, что у него нет цели, ради которой стоило бы отрицать, бороться, действовать. Отсюда и все остальные духовные немощи.

Так все слова-понятия в стихотворении нерасторжимо связаны друг с другом. Одно вытекает из другого, каждое наполняется значением, predeterminedенным окружающей лексикой. Уяснив, какое содержание вмещает в себя словосочетание *ошибки отцов*, можно представить процесс познания этих ошибок. В свою очередь познание влечет за собой сомнение, которое впоследствии становится бременем, не находя выхода, разрешения в борьбе ради высокой цели.

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Эти строки переходили из одного произведения в другое, словно набирая энергию для того, чтобы со всей мощью прозвучать в «Думе», окончательно утвердиться в ней. Принято считать этот образ аллегорическим. Однако перед нами сравнение, поразительно верно передающее душевное, моральное, умственное состояние поколения 30-х годов, которое достигло зрелости и обрело прозрение. Но зрелость не влила в него новых сил, не напитала живительным соком. Прозрение оказалось преждевременным: сами эти люди к нему не были подготовлены. Их грядущее, как замечает Лермонтов, «иль пусто, иль темно». Сам же поэт верит в осуществление своих гражданских идеалов, верит в потомка, способного воспринять их и «с строгостью судьи и гражданина» осудить бездеятельных предшественников:

И прах наш, с строгостью судьи и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом...

Лермонтову чужда безнадежность «героев» «Думы»; но, произнося слова «Печально я гляжу на наше поколение!» — он отдает себе отчет в том, что среди современников ему не найти единомышленника. Декабристы к этому времени сошли с исторической арены, расстались с мыслью о борьбе. Что же касается юношей, которые в 30-е годы встали на общественную стезю, то им еще предстояло пройти сложный путь мировоззренческого становления. И тогда Лермонтов осуждает тех, кто ушел от битвы, кто отказался бороться, каковы бы ни были мотивы отказа:

Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.

И в то же время поэт отчетливо осознает, что какого бы то ни было обновления ждать от нынешних героев бесполезно. Они не возродятся для борьбы. Тогда для чего он обращает к ним свой упрек? Автору необходимо хотя бы в форме отрицания выразить положительную идею. Для борьбы нужна решительность и отвага — вот оборотная сторона и основной смысл его упрека. Поэт осуждает свое поколение за то, что оно «в бездействии состарится», за то, что его жизнь — «ровный путь без цели...». И так каждое обвинение «Думы» становится утверждением идеала, и все эти обвинения складываются в представление о настоящих деятелях и борцах, которые не могут прозябать в бездействии, жизнь которых не может быть бесцельна.

Поднимаясь над прежней, дворянской революционностью, Лермонтов еще не может указать ясных путей. Но несомненно одно: необходимо собрать новые силы для грядущей борьбы во имя высших целей. Он верит, что со временем появятся новые силы, способные вести такую борьбу. Ими будут новые революционеры, свободные от классовой, дворянской замкнутости.

Преемниками лучших черт декабристского движения стали представители другого, революционно-демократического направления. Именно они смогли принять революционную эстафету декабристов, потому что обрели новую цель.

Далеко не совпадавшие с декабристами по своим идейным устремлениям, революционеры-демократы были разбужены ими для новой борьбы. «Декабристы разбудили Герцена. Герцен развернул революционную агитацию.

Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы...» — отмечал В. И. Ленин характеризуя этапы освободительного движения в России (Полное собрание сочинений. Т. 24, стр. 261).

Своей «Думой» Лермонтов вышел на тот рубеж, который оказался под ударом критиков самого различного направления. И это сразу же дало себя знать. Царская цензура изъяла строки: «Перед опасностью позорно-малодушны, И перед властью — презренные рабы».

✱

Критика обрушилась на слишком невеселую «Думу», стараясь самому поэту приписать те черты, которые он обличал в своих современниках. В противовес реакционной критике Белинский в 1840 году, согласившись с поэтом, заявил о «поразительной верности идей» «Думы» (Сочинения М. Лермонтова).

Стихотворение справедливо считается программным в творчестве Лермонтова. Внимание поэта поглощено не частной проблемой, а целым этапом развития общественного движения в России. Он рассматривает этот период в исторической перспективе, стремясь восстановить распавшуюся связь времен, сообщить своим современникам новый заряд энергии, заставить застрывших на перепутье искать верное направление.

Останавливаясь на выразительных возможностях произведения, обычно обращают внимание на такие метафоры, как *чаша наслажденья, огонь в крови, холод души*. Однако сами по себе они не представляют особого интереса в силу своей традиционности. Их привычность словно подчеркивает особую тональность произведения. Главное для автора не добывание новых поэтических красот, а поиски точного слова, способного передать мысль-переживание. Отсюда сгусток оценочных эпитетов (постыдно, позорно, презренные), дающих нравственную характеристику нетерпимым явлениям: равнодушию (к добру и злу), малодушию и рабству.

А вот другая группа слов — *состарится, томит, вянем*; «В бездействии состарится оно»; «И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели»; «В начале поприща мы вянем без борьбы». Здесь функцию эмоционального воздействия берут на себя сказуемые. Бездействие, отсутствие борьбы, ровный путь без цели — сами по себе не вызывают неприязни, этими словами может быть обрисован и необходимый благотворный отдых. Однако здесь мы имеем дело с постоянным, непреходящим состоянием, которое не может быть терпимо. И ключом к такому толкованию оказывается сказуемое, сопутствующее нейтральным словам. Бездействие продлится до конца дней (в бездействии состарится), и в то же время старение — следствие бездействия. Пугает своим результатом и бесцельный путь — такая жизнь томит, она безрадостна и тягостна. Разрушением угрожает и уход от борьбы (вянем).

Воздействие заложенных в произведении идей оказалось таким значительным благодаря совершенству их художественного воплощения. Форма стихотворения органично спаяна с его содержанием, определяется им. Вот почему распространенное мнение, будто в «Думе» совмещены стилистические признаки элегии и сатиры, нуждается в существенном уточнении. Как показал текстуальный анализ, элегические ноты перекрываются в стихотворении интонацией возмущения (постыдно равнодушны; позорно-малодушны; презренные рабы), горькой иронии (богаты мы... ошибками; мы жадно бережем... бесполезный клад). Авторская ирония в значительной мере обезвреживает иронич-

ность, свойственную героям произведения. Они иронизируют над «отцами», «глядя насмешливо назад», им вслед. Тема «отцов и детей», прозвучавшая в начале стихотворения, возрождается в конце его уже в новом соотношении (дети стали отцами), хотя словесное выражение осталось сходным (насмешливо — насмешка): следующее поколение оскорбит разоблаченное поэтом «нынешнее племя» «насмешкой горькою обманутого сына над промотавшимся отцом».

Может показаться, что слово *печально*, которым начинается «Дума», придает ей минорный, элегический настрой. Однако Лермонтов принял меры, чтобы предотвратить заблуждение: в конце первой строки он поставил восклицательный знак. «Печально я гляжу на наше поколень!» — не уныло сообщает, а страстно восклицает поэт.

Ораторское звучание стиха, свойственное гражданской лирике, подчеркнуто в «Думе» неодинаковым количеством стоп, пиррихией (отсутствием ударения на сильном слоге стопы). Короткие и длинные строки — от четырех (Глядя насмешливо назад) до шести-семи стоп (И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели) — располагаются без определенной последовательности. Все это делает стих «разговорным».

Возвышенный философский пафос «Думы» поддержан ее синтаксической структурой. В произведении нередки конструкции высокого стиля — развернутые приложения (мы... перед властью — презренные рабы; тощий плод... пришлец осиротелый; остаток чувства — зарытый скупостью и бесполезный клад; презрительный стих, насмешка горькая обманутого сына Над промотавшимся отцом), деепричастные обороты (Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз; Тая завистливо от ближних и друзей; бояся пресыщенья; Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви, Глядя насмешливо назад, Не бросивши векам ни мысли плодовицей).

Каждая строфа «Думы» содержит законченную мысль. Такое построение удачно соответствует четкости, определенности позиции автора — обвинителя и глашатая истины.

А. Д. ЖИЖИНА

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПРОЗА ЛЕРМОНТОВА

«Герой нашего времени» множеством нитей связан с поэзией М. Ю. Лермонтова. Основание — проблематика лермонтовского романа. Подобное родство не могло не отразиться на стиле произведения.

«Герой нашего времени» — начало русского психологического романа. К этому следует добавить, что и существующая в нашей литературе традиция так называемой лирической прозы ведет родословную от Лермонтова. Возможно, это родство не стало общепризнанным только потому, что характерными свойствами лирической прозы принято считать повествование, ведущееся непосредственно от лица автора, и отсутствие фабулы. В лермонтовском романе главный герой — не автор, а персонаж вымышленный, так сказать, не *я*, а *он*, «третье лицо». Каждая повесть, входящая в состав «Героя нашего времени», имеет достаточно яркую, напряженную фабулу. Названные свойства внешне как будто бы отличают роман от лирической прозы.

Зато несомненно другое: он приближается к лирической прозе некоторыми признаками, сближающими прозу с поэзией. Сама композиция романа, его сосредоточенность вокруг центрального героя, сопровождающаяся «приглушенностью» всех других персонажей, — явление, родственное природе лирического стихотворения.

Своеобразие лермонтовского романа состоит в том, что каждая его глава представляет собой повесть, до некоторой степени самостоятельную. В связи с этим исследовате-

ли обратили внимание на то обстоятельство, что циклы повестей были распространенным явлением в литературе первой половины XIX века, и высказали предположение о родстве композиции «Героя нашего времени» с композицией повествовательных циклов. Думается, что это сходство — явление чисто внешнее. Прозаические циклы 30—40-х годов объединялись либо рассказчиком («Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя, либо сюжетной ситуацией спора, дискуссии, обсуждения каких-то проблем несколькими персонажами («Русские ночи» В. Ф. Одоевского). Если сравнить с этими двумя типами циклов роман Лермонтова, то окажется, что он, скорее, противостоит им: рассказчики у Лермонтова меняются, а спор — это не спор персонажей, а напряженное размышление главного героя, его непрерывный самоанализ, спор с собой и с судьбой. Нерасторжимое единство лермонтовского романа достигнуто не извне, как в циклах повестей, а изнутри, определено единством ищущего сознания героя. Поэтому с точки зрения композиции «Герой нашего времени» может быть уподоблен не циклу повестей, а лирическому стихотворному циклу.

Выражением внутренней связи «Героя нашего времени» с поэзией Лермонтова является свойственное лермонтовской лирике повторение некоторых словесно-смысловых мотивов, имеющих символическое значение. Повторение и варьирование мотивов моря, гор, звезд и звездного неба создает у читателя явное ощущение единства «Героя нашего времени», единства внефабульного и даже, так сказать, «внелогического», но образно-символического, сопоставимого с единством лермонтовской лирики.

Остановимся подробнее на анализе этих трех словесно-смысловых мотивов. Легко заметить, что все они из мира природы. Это характерно для лермонтовского творчества вообще. Природа у Лермонтова выступает как некая промежуточная ступень между тягостным и дисгармоничным миром реальной жизни современного автору человека и светлым, гармоничным идеалом, существующим лишь в сфере человеческой мысли, мечты. Природа, которая окружает человека, как понимает поэт, не может быть названа идеально гармоничной. В ней есть свои противоречия и столкновения, даже своя жестокость, но это мир вольный, и потому он, хотя и не достиг идеальной гармонии, бесконечно совершеннее, чем мир современного человека, основанный на принуждении.

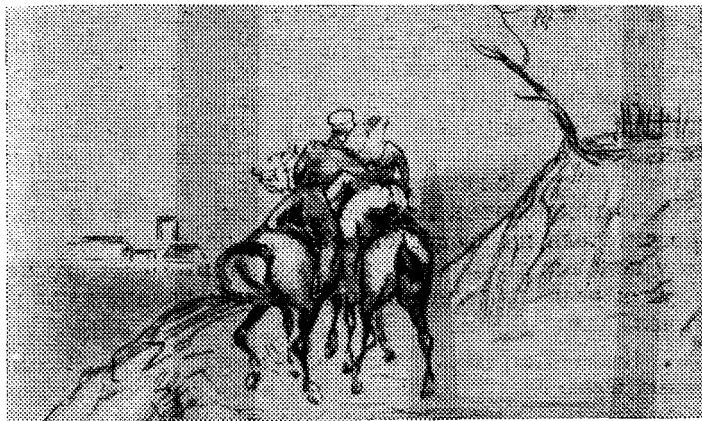

Рисунок М. Ю. Лермонтова из альбома. 1840—1841

Вольный мир природы в романе словно раздвигает рамки повествования, включая мысли героя в более широкий контекст, чем социальная среда, с которой он связан. Поступки, дела Печорина ограничены пределами его социального мира и эпохой безвременья. Однако не они создают впечатление человеческой значительности героя. Размышления его как бы переступают узкие границы среды, приобретают более глубокий, общечеловеческий смысл. И в этом важная роль принадлежит поэтическим средствам. Можно сказать, что герой романа освещен светом лермонтовской поэзии, и потому всему роману присуща атмосфера духовной напряженности.

Сюжетная самостоятельность каждой повести «Героя нашего времени» выражается и в том, как распределяются в повестях те словесно-образные символические мотивы, о которых мы говорили. Один из них всегда преобладает в повести, является сквозным и определяющим, другие же мотивы приглушены и отодвинуты, хотя назвать их менее важными невозможно: в романе нет мелочей и случайностей. Во всяком случае, ведущий мотив окрашивает повесть в целом. Читатель сразу отметит, что «Бэла», «Максим Максимыч» и «Княжна Мери» — повести «горные», «Тамань» — морская, основной мотив-доминанта «Фаталиста» — звезды.

В двух первых повестях горный колорит объясняется сюжетно. «Бэла» и «Максим Максимыч» — это путевые

очерки едущего по горной дороге офицера. «Бэла» начинается горным пейзажем, и в дальнейшем читатель ни на минуту не забывает, что дело происходит в горах. В известной степени горы входят в повествование как объект изображения, не менее привлекающий внимание пишущего, чем встречные люди и действующие лица истории, рассказанной штабс-капитаном. Горы в повести живут, постоянно изменяются, властно приковывают к себе внимание читателя и наводят его на размышления. Рисуя картину подъема на перевал, повествователь незаметно переходит к размышлениям о благотворном влиянии природы на человека:

... Какое-то отрадное чувство распространилось по всем моим жилам, и мне было как-то весело, что я так высоко над миром — чувство детское, не спорю, но, удаляясь от условий общества и приближаясь к природе, мы невольно становимся детьми: все приобретенное отпадает от души, и она делается вновь такую, какой была некогда и верно будет когда-нибудь опять.

Художественная функция мотива гор расширяется: из «места действия» они превращаются в символ природы, возвышающей человека. Характерно, что такое восприятие присуще не только повествователю, но и Максиму Максимычу, и Бэле, хотя и выражают они его иначе, в соответствии со своим жизненным опытом.

— Вы, я думаю, привыкли к этим великолепным картинам? — сказал я ему.

— Да-с, и к свисту пули можно привыкнуть, то есть привыкнуть скрывать невольное биение сердца.

Для Бэлы кавказские горы — дом. Так, Максим Максимыч, рассказывая о последних минутах ее жизни, говорит: «...Ей хотелось в горы, домой».

Мотив звезд появляется в «Бэле» трижды: два раза при описании горного пейзажа и один раз звезды оказываются составной частью метафоры в песне Казбича («Звезды сияют во мраке их глаз»).

В «Княжне Мери» мотив гор занимает меньше места, зато усиливается его философское значение, символическая содержательность словесно-смыслового образа. История Печорина и Бэлы разворачивается в горах, а роман Печорина и княжны Мери — на курорте, в «водяном обществе». Но сценическая площадка, на которой ведет свою трагическую игру Печорин, как бы замкнута кольцом гор,

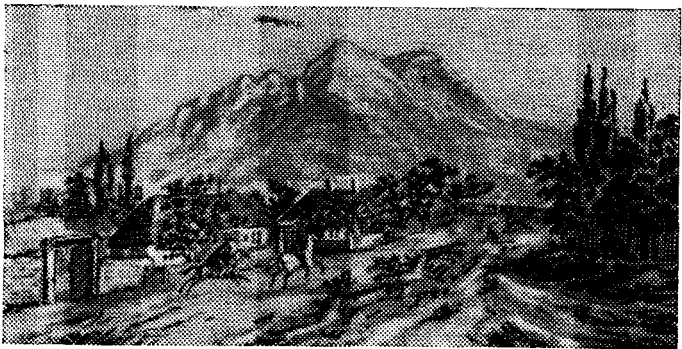

Рисунок М. Ю. Лермонтова. Вид на Бештау

окружающих Пятигорск и Кисловодск. И трагически неудовлетворенный, мучительно переживающий мелочную суету своей повседневности герой Лермонтова словно все время оглядывается на эти вечные и прекрасные горы:

Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка; и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, повенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа,— а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом.

В горах происходят почти все решающие эпизоды: Мери принимает Печорина за черкеса и слышит в ответ на свое испуганное восклицание проницательную французскую фразу; княжна признается Печорину в любви; Печорин убивает Грушницкого. Рассказывая в дневнике о дуэли, Печорин предваряет описание ее двумя горными пейзажами какой-то пронзительной красоты, словно увидены они со всей остротой восприятия, на какую способен только человек, готовый проститься с жизнью.

В «Княжне Мери» исключительно велика роль и двух других словесно-образных мотивов — звезд и моря. Вся значительность этих мотивов, занимающих в тексте немного места, становится ясна только при сопоставлении их смысла в «Княжне Мери», «Тамани» и «Фаталисте».

В «Тамани» особое значение приобретает символика корабля и моря, характерная для романтической поэзии. Короткие, но до предела насыщенные морские пейзажи, создающие атмосферу простора и тревоги, неизменно содержат упоминание судна:

Берег обрывом спускался к морю почти у самых стен ее, и внизу с беспрерывным ропотом плескались темно-синие волны. Луна тихо смотрела на беспокойную, но покорную ей стихию, и я мог различить при свете ее, далеко от берега, два корабля, которых черные снасти, подобно паутине, неподвижно рисовались на бледной черте небосклона...

Между тем луна начала одеваться тучами, и на море поднялся туман; едва сквозь него светился фонарь на корме ближнего корабля; у берега сверкала пена валунов, ежеминутно грозящих его потопить.

Существует в повести и прямой поэтический комментарий к мотиву моря — песня контрабандистки. В этой песне «по вольной волюшке — по зеленому морю» ходят «кораблики-белопарусники» и «лодочка неснащенная». В лодке разыгрывается сцена борьбы между Ундиной и Печориным, и в конце повести — морской пейзаж с удаляющейся парусной лодкой.

Звезды упоминаются в «Тамани» один раз и именно в тот момент, когда Печорин идет навстречу своему опасному приключению: «Месяц еще не вставал, и только две звездочки, как два спасительные маяка, сверкали на темно-синем своде».

В «Княжне Мери» мотив звезд повторяется дважды: один раз в связи с Грушницким, другой — с Печориным. И оба раза это «путеводительные звезды».

Грушницкий вспоминает о них в связи с производством в офицеры, примеряя новый мундир: «О, эполеты, эполеты! ваши звездочки, путеводительные звездочки...».

Печорин же говорит о звезде накануне дуэли с Грушницким, в смертельном исходе которой он не сомневается:

... Но мы бросим жребий!.. и тогда... тогда... что если его счастье перетянет? если моя звезда наконец мне изменит?.. И немудрено: она так долго служила верно моим прихотям; на небесах не более постоянства, чем на земле.

Простое сопоставление этих восклицаний убедительнее всякого комментария рисует характеры героев и отношение к ним автора. У обоих высокий мотив звезд возникает

как бы по сходному, бытовому поводу. Но у Грушницкого — «путеводительная звездочка» карьеры, у Печорина — звезда судьбы.

Заканчивается «Княжна Мери» лирическим взрывом — знаменитой поэтической самохарактеристикой Печорина:

Я, как матрос, рожденный и выросший на палубе разбойничьего брига; его душа сжилась с бурями и битвами, и, выброшенный на берег, он скучает и томится, как ни мани его тенистая роща, как ни свети ему мирное солнце...

Мотив «путеводительной звезды» со всей силой прозвучал в последней повести «Героя нашего времени» — «Фаталисте». Рассуждение Печорина о звездах в «Фаталисте» сопоставимо только с картиной звездного неба в поздних стихотворениях Лермонтова (Выхожу один я на дорогу; Пророк). И не случайно: «Фаталист» — философский комментарий ко всему роману. Размышления о судьбе, о предопределении, о воле человека и о законах жизни, не зависящих от этой воли, — все это находит здесь прямое выражение:

... Звезды спокойно сияли на темно-голубом своде, и мне стало смешно, когда я вспомнил, что были некогда люди премудрые, думавшие, что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..

Наивной вере предков, дававшей им силу для деятельной жизни, лермонтовский герой противопоставляет мудрость своих современников, которая в данных условиях лишила их энергии и воли.

... А мы, их жалкие потомки, скитающиеся по земле без убеждений и гордости, без наслаждения и страха, кроме той невольной боязни, сжимающей сердце при мысли о неизбежном конце, мы не способны более к великим жертвам ни для блага человечества, ни даже для собственного нашего счастья, потому что знаем его невозможность, и равнодушно переходим от сомнения к сомнению, как наши предки бросались от одного заблуждения к другому, не имея, как они, ни надежды, ни даже того неопределенного, хотя истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или с судьбою.

Итак, словесно-смысловые мотивы, характерные для поэзии Лермонтова, объединяют роман не сюжетно, а словесно-образной связью так, как бывает объединен лирический цикл.

А. И. ЖУРАВЛЕВА

«ГРУШНИЦКОГО СТРАСТЬ БЫЛА ДЕКЛАМИРОВАТЬ...»

В романе «Герой нашего времени» Лермонтов, отказавшись от юношеской романтической манеры, предстает перед нами как зрелый реалист, мастер иронии и философских выводов. «Читая строки, читаешь и между строками», — писал В. Г. Белинский о предисловии, намекая на политический подтекст романа. И подтекст становится ясным при сопоставлении со стихотворением Лермонтова «Дума»:

И ненавидим мы, и любим мы случайно,
Ничем не жертвуя ни злобе, ни любви,
И царствует в душе какой-то холод тайный,
Когда огонь кипит в крови.

В предисловии раскрыт идейный смысл главного образа романа: «Герой нашего времени... — это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». И главный порок — разочарование. Лермонтов сопоставляет два вида разочарования: разочарование сильного, умного, образованного Печорина и ложный романтизм Грушницкого. Первый скрывает свое разочарование как несчастье и порок, второй старается быть модным, то есть разочарованным. Грушницкий драпируется в модные слова, как в модную одежду. Печорин пишет о нем: «...Он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их нас-

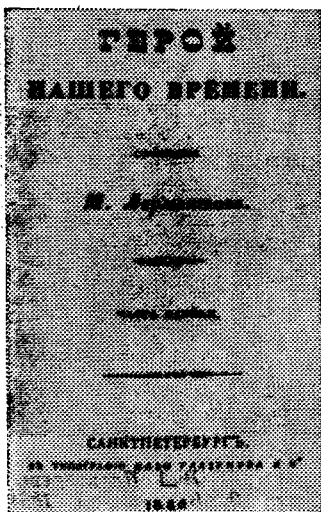

Вид Пятигорска.
Литография по рисунку И. Бернардаци. 1834

лаждение... Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами,— иногда тем и другим... Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами...». Эти слова — речевые штампы романтических героев, красивые фразы.

«Мы ведем жизнь довольно прозаическую»; «Моя солдатская шинель — как печать отвержения»; «И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью?»; «Что для меня Россия?.. страна, где тысячи людей, потому что они богаче меня, будут смотреть на меня с презрением...»; «Кто видел вас однажды, тот навеки унесет с собою ваш божественный образ...». Что скрывается за этим модным лексиконом? Уже первое знакомство с Грушницким раскрывает его претенциозность. Чем мог обратить на себя внимание человек неумный, недалекий, но мечтающий быть «героем времени»? Только модными словами. Вот почему он придает особое значение позе, фразе, усам, цепочке, кольцу, эполетам и т. д. И Лермонтов с особой тщательностью иронически подчеркивает те мелочи, которые составляли главный предмет забот Грушницкого. Ирония автора сказывается в подборе эпитетов: трагическая мантия; он довольно остер; драматическая поза; геройское облачение; трагический голос; сентиментальный разговор.

Стремление Грушницкого усилить внешнее впечатление, затмить образованных аристократов модными украшениями, вычурной фразой еще больше подчеркивает его внутреннюю пустоту,

«Герой нашего времени».
Титульный лист первого издания.
1840

делает смешным, претенциозным, комичным. Не презрение к обществу, а желание быть в центре внимания общества, не ум и образованность, а глупость и невежество, не разочарование, а жажда наслаждений, не храбрость, а желание прослыть храбрым являются истинными, а не показными чертами характера Грушницкого. От эпизода к эпизоду Грушницкий становится все смешнее, все больше обнаруживается его глупость, зависть, трусость, подлость, которые уже трудно скрыть за помпезной внешностью. Маска «героя» спадает, обнаруживая духовную нищету и безнравственность. Казаться эффектнее, разочарованнее Печорина — главное стремление, смысл существования Грушницкого; оно тем сильнее, что по уму, образованию, знанию жизни Грушницкий никогда не может быть выше Печорина.

Грушницкий как будто единомышленник Печорина: то же презрение к свету, то же разочарование, та же исключительность натуры. Но это лишь маска, и Печорин смеется над Грушницким: «Я его также не люблю: я чувствую, что мы когда-нибудь с ним столкнемся на узкой дороге, и одному из нас не сдобровать»; «Я лгал. Но мне хотелось его побесить»; «Я внутренно хохотал и даже раза два улыбнулся, но он, к счастью, этого не заметил»; «„Ты глуп“, — хотел я ему ответить, но удержался и только пожал плечами».

Но если для Печорина Грушницкий смешон, глуп и ничтожен, то Грушницкий ненавидит Печорина, как глупец ненавидит

человека умного и сильного: «Я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла». Печорин глубоко разочарован в пустой, светской жизни. Ему свойственны сложность и противоречивость переживаний. Каков идеал Печорина? В чем он разочарован?

«... Зачем я жил? для какой цели я родился?.. А верно она существовала, и верно было мне назначенье высокое, потому что я чувствую в душе моей силы необъятные»; «... Жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать... авось где-нибудь умру на дороге!»; «... Какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да еще с дорожной по казенной надобности!..»; «Я сделался нравственным калеккой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил,— тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого».

Разочарованность Печорина — это подлинная трагедия лучших сыновей 30-х годов XIX века, страдающих от праздности, от противоречия между чувством и долгом, между мечтой и действительностью. Разочарованность же Грушницкого — ложная.

*Кандидат педагогических наук
В. И. МИТРОХИНА*

ПОЭМА «ПОСЛЕДНИЙ СЫН ВОЛЬНОСТИ»

Поэма «Последний сын Вольности», написанная в 1831 году,— одно из самых «декабристских» произведений М. Ю. Лермонтова. Сходство ее с поэтической системой декабристов оказалось в обращении к теме борьбы за свободу отечества, в сюжете, взятом из истории Древнего Новгорода, в мотиве самопожертвования героя во имя свободы, наконец, в самом стиле и «словаре» этой поэмы. Как в большинстве произведений К. Ф. Рыльева и других декабристов, в «Последнем сыне Вольности» главным героем стал политический деятель, борец за новгородскую воль-

ность. Любовная тема подчинена здесь теме гражданской. Что же касается исторического материала, то он использован автором для выражения своих взглядов на современность. Подобно декабристам, Лермонтов не стремился в своей поэме к строгой исторической истине. Летописное сказание о восстании новгородцев во главе с Вадимом Храбрым против первого князя «из варягов» Рюрика раскрыто поэтом так, как этого требовали обстоятельства выражения сокровенных мыслей о последекабрьском периоде времени. Прославление подвига самопожертвования во имя народной вольности определило и всю совокупность художественных средств.

Идейный пафос поэмы «Последний сын Вольности», эмоциональный тон и стиль во многом определяются образом автора-повествователя, хотя как субъект он здесь почти не выделен. Нам не известны ни его облик, ни его характер или судьба. О его взглядах, симпатиях и антипатиях мы узнаем лишь из того, что и как он говорит. Речь автора-повествователя чаще всего строится от третьего лица. Речь повествователя едва ли не больше, чем речь самого Вадима и его соратников, насыщена декабристской лексикой и фразеологией. Именно в ней мы чаще всего встречаем такие яркие «сигнальные» слова и обороты, как «святая вольность», «самовластье», «свободы витязь молодой».

Если язык «нейтральных» в поэме новгородцев тяготеет к бытовой, разговорной речи с ее отрывочностью, лаконизмом, недоговоренностью, простотой оборотов, то речь мятежных героев и повествователя откровенно ориентируется на ораторский монолог с обилием риторических фигур, красочных сравнений, «слов-сигналов». Несмотря на сочетание в ней различных речевых пластов, в том числе лирически-элегических, описательно-бытовых, преобладает все же героическая, возвышенная тональность. Наряду с образами «психологическими» (надежда — луч; печаль — свинец) и «оценочными» (красота девы — красота звезды; народ — пчелиный рой), мы встречаем в речи повествователя большое количество гражданственно-символических, героических образов (порабощение — падший гром; самовластие — зима; вольность — весна; солнце — щит; меч — молния).

Общность речевой формы у повествователя и героев-борцов объясняется единством выражаемых ими авторских взглядов и убеждений. Сходство здесь так велико, что во многих местах высказывания повествователя, Вадима или Ингелота можно поменять местами безо всякого ущерба для художественной системы произведения. Это подтверждает непосредственную близость авторской позиции к героическому в поэме. Так, по эмо-

циональному накалу, по характеру речи любому из соратников Вадима и ему самому могли бы принадлежать горестные восклицания автора-повествователя в начале поэмы:

Пусть не надуется вовек
Дыханьем легким ветерка
Летучий парус рыбака
Над волнами славянских рек!
Увы! Пред властью чужой
Склонилась гордая страна,
И песня вольности святой
(Какая б ни была она)
Уже забвенью предана.

В лермонтовской поэме необычайно велика активность автора-повествователя. Свою позицию автор нередко обнаруживает с помощью оценочных эпитетов или прямых характеристик: «Рука искусного льстеца Играла глупою толпой, И благородные сердца Томились тайною тоской».

Порой, словно не выдержав эмоционального напряжения, повествователь обрывает свой рассказ и прямо обращается к героине, предупреждая ее:

Страшись, невинная душа!
Страшись!
...Нет сожаленья у князей:
Их ненависть, как их любовь,
Бедою вечною грозит...

Жалость к погубленной Рюриком Леде проявляется у повествователя в сравнении ее с одиноким колоском. Особенно выразительно здесь «прорвавшееся» вдруг ласкающее местоимение *мой*: «И буря гнет мой колосок!». Сочувствуя Вадиму, повествователь словно бы отдаляет описание его роковой встречи с трупом возлюбленной, пускаясь в пространное элегическое рассуждение о страшных минутах в жизни человека. Чем ближе этот страшный час в судьбе Вадима, тем горестнее звучит голос повествователя: «Взошла заря — зачем? Зачем? Она одно осветит всем: Она осветит бездну тьмы, Где гибнем невозвратно мы...».

Лермонтов учился у своих великих предшественников, но никогда не был их слепым подражателем. Уже в ранних его произведениях, в том числе в «Последнем сыне Вольности», проявились черты своеобразия его стиля, его будущего творчества — черты, во многом отразившие своеобразие эпохи. Эта поэма не только о судьбе Вадима, но и о судьбах родины. Национально-исторический колорит здесь сам по себе достаточно важен для

автора, но смысл описываемого словно бы постоянно двоится, приобретая наряду с историческим и явно политический символический характер. В стиле «Последнего сына Вольности» сосуществуют самые разные формы иносказания, обусловившие символично-аллюзионный характер поэмы: от прямых намеков на декабрьскую ситуацию до символики, связанной с богатым использованием слов-сигналов. Проникнутая антидеспотическими, гражданскими идеями, поэма в то же время точно передавала именно современную автору эпоху.

«Зашифрованность» поэмы, по словам Б. М. Эйхенбаума, оказалась естественной не только потому, что Лермонтов следовал декабристской поэтике, но и «по условиям эпохи, и в силу самой стилистической системы Лермонтова, строящейся на обобщениях, на эмоциональных и философских формулах и афоризмах» («Ученые записки ЛГУ». Саратов, 1943, № 87).

Рукопись «Последнего сына Вольности» — одно из лучших ранних произведений Лермонтова. Подаренная поэтом Н. С. Шеншину — университетскому другу, учившемуся с ним в юнкерской школе, она многие десятки лет пролежала в архиве семьи Шеншиных. Лишь всего за несколько лет до революции поэма Лермонтова стала, наконец, известна читателям.

Т. НЕДОСЕКИНА

Недавно Иракскую Республику, в частности, город Басру, посетила группа советских ученых.

Целью их визита было подписание соглашения о сотрудничестве в области подготовки специалистов высокой квалификации для нужд народного хозяйства Ирака.

Важнейший пункт соглашения — договоренность о введении в учебную программу

университета Басры изучения русского языка. Вполне понятно, что кроме средства общения знание русского языка дает возможность иракцам полнее и глубже изучать жизнь и быт наших людей, их духовный мир, пользоваться издаваемой в СССР научно-технической литературой.

«Баку» (вечерний выпуск),
18 января 1974

«АРЗАМАССКИЙ ЯЗЫК» В ПИСЬМАХ ПУШКИНА

В эпистолярном наследии А. С. Пушкина есть необычное черновое письмо от 20 сентября 1820 года, адресованное к членам литературного общества «Арзамас». Это письмо нельзя растолковать, не зная традиционного словаря и своеобразия речевых форм шуточных арзамасских заседаний.

П. А. Вяземский в 1853 году вспоминал, обращаясь к Д. Северину: «Меня очень обрадовало, что стихи мои нашли в тебе арзамасский отголосок... К[нязь] Михаил Петрович рассказывал, Гумбольд уверял его, что некоторые древние диалекты, совершенно исчезнувшие между людьми, сохранились отчасти только у попугаев в лесах Нового Света. И мы с тобою, да с Блудовым, да нежалуй с Уваровым, принадлежим к этому племени попугаев. Да и других наша речь, наши воспоминания, шутки, сетаования — тарабарская грамота...» («Русская старина», 1896, № 1).

Арзамасская речевая традиция сравнивается с «древними диалектами», непонятна для постороннего лица («тарабарская грамота»), оказывается уже растворившейся в людях и истории. Это происходило потому, что арзамасское слово было иносказательным, постоянно заключающим скрытые намеки. Оно могло быть то емким понятием и даже символом, то условным сигналом и обычно жило как образное и пародийное.

Все это и нашло выражение в коротком письме Пушкина к арзамасцам: «В лето 5 от Липецкого потопа — мы, превосходительный Рейн и жалобный сверчок, на лужице города Киншинева, именуемой быком, сидели и плакали, вспоминая тебя, Арзамас, ибо благородные гуси величественно барактались пред нашими глазами в мутных водах упомянутой речки. Живо представились

им ваши отсутствующие превосходительства, и в полноте сердца своего положили они уведомить о себе членов православного братства, украшающих берега Мойки и Фонтанки» [цитируется по изданию: А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений. М.—Л., 1937—1949].

Традиционные арзамасские прозвища *Сверчок* (А. С. Пушкин) и *Рейн* (М. Ф. Орлов) так же, как и классическое арзамасское летосчисление (оно велось со дня премьеры комедии А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», послужившей ближайшим поводом организационного создания «Арзамаса») особых вопросов не вызывают. Но в чем смысл самого послания? Причем здесь «лужица города Кишинева, именуемая быком»?

В послании заключен некий образ. Он ощутим, но загадочен, закрыт. Все становится на свои места, когда открывается значение образа лужи в арзамасском словаре. В письме К. Н. Батюшкова П. Вяземскому от 4 марта 1817 года говорится: «Сказки, что делается на Парнасе, то есть, в луже?». Лужа оказывается поэтическим материком. В протоколах Общества есть и другое употребление этого понятия. Отмечено, что *Ивиков Журавль* (прозвище арзамасца Ф. Вигеля) окунул «нос свой в беседную лужу» («Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1933). Здесь имеется в виду «Беседа любителей русского слова», которую постоянно сменял «Арзамас».

Итак, лужа непосредственно ассоциировалась с Парнасом и «Беседой» и означала их нарочитое снижение. Пустые стихотворные опусы, по арзамасским представлениям, буквально заполнили Парнас и невежественную «Беседу». Но галиматийное сопоставление идет дальше, переносится в арзамасскую вотчину. Казалось бы, все просто: в Кишиневе есть река Бык. Однако название лужицы *Бык* включает новую устойчивую ассоциацию. *Быком* прозвали в придворных апартаментах арзамасца В. А. Жуковского. Послание живет в намеках. *Благородные гуси* — иносказательный намек на членов «гусятника» — «Арзамаса», а за названием *православное братство* скрывается шуточная арзамасская мысль, будто арзамасцы все праведники, а члены «Беседы» чуть ли не бусурмане. Однако иносказание этим не ограничивается. Сам образ лужи был знаменит и общеизвестен среди современников Пушкина. Он восходит к нашумевшему произведению А. Н. Нахимова «Песнь луже». Славословие луже уморительно: оно нарушает обычные представления о мире. «Мутная вода» лужи оказывается «нектаром». Лужа становится символом мира, потерявшего мерил и ценности и обретающего дурман и хаос. Арзамасское послание Пушкина перерабатывало,

Список избранных Арзамасцев.

1. Арзамас			
2. Александр	111111	7	7/ Александр + 8
3. Алексей	1111	4	Кавалер + 7
4. Василий	111111	6	6/ Николай + 7
5. Вера	111111	6	Константи + 7
6. Григорий			Григорий + 8
7. Иван			9/ Александр + 7
8. Михаил			Михаил + 7
9. Николай	111111	7	2/ Николай + 8
10. Павел	111111	7	
11. Степан	111111	7	
12. Федор	111111	7	1/ Федор + 8
13. Юрий	111111	7	2/ Юрий + 8
14. Анна	111111	7	1/ Анна + 8
15. Мария	111111	7	2/ Мария + 8
16. Ольга	111111	7	1/ Ольга + 8
17. Татьяна	111111	7	2/ Татьяна + 8
18. Елена	111111	7	1/ Елена + 8
19. Зинаида	111111	7	2/ Зинаида + 8
20. Екатерина	111111	7	1/ Екатерина + 8

Список арзамасцев. Листок из протокола «Арзамаса». Автограф В. А. Жуковского

переосмысляло литературные реминисценции. Упоминание о Липецком потоке должно было вызывать представления о водной стихии, а на самом деле тут же комически подменяется в письме образом все той же «мутной воды» лужицы.

Письмо Пушкина по существу повторяет арзамасские смеотворческие опыты, но именно в этом как раз и заключается ложная особенность семантики арзамасского слова, которое при внешнем однообразии — одни и те же темы, понятия, образы — постоянно обогащалось новыми оттенками значения.

На шуточных заседаниях Общества даже специально рассматривалась проблема синонимов арзамасского словаря. Члены Общества, рассуждая об изваяниях кумиров «Арзамаса» и «Беседы», первых называли *истуканами* (подчеркивалась их величественность, монументальность), а вторых — *болванами* (обнажа-

лась вся нелепость авторитетов, почитаемых беседчиками). В протоколах заседаний сказано: «Сия противоположность истуканов и болванов подала повод к рассуждению о синонимах нового рода».

Арзамасцы говорили о различных оттенках близких по значению слов. Д. В. Дашков напомнил об «Азарте и Запальчивости», С. Уваров — о «глазах, очах и буркалах». Особенно же порадовал собравшихся Ф. Вигель: «...Он изобрел множество новых своих синонимов, которых никто не подозревал, и уверял между прочим, что надобно говорить: Живот Старушки, Брюхо Пустынника и Пузо Эоловой Арфы. Все арзамасцы дивились тонкости сего отличия».

Старушка, Пустынник, Эолова Арфа являлись арзамасскими прозвищами соответственно С. Уварова, Д. Кавелина, А. Тургенева. Что именно имел в виду Ф. Вигель, создавая «свои синонимы», в протоколах заседаний с определенностью не указано. Но можно с достаточным основанием предположить, что шуточные различия традиционно были связаны с прозвищами членов Общества, пародийно заимствованными из баллад Жуковского. Об арзамасской *Старушке* вежливо говорилось как об особе женского пола. Прозвище *Пустынник* шутливо намекало на важность аскетического образа жизни, отсюда и упоминание о брюхе выглядело особенно комично. *Эоловой Арфе* предназначалось по обычаю «бурчать» на заседаниях, пародируя музыкальный инструмент. Интересно, что в арзамасских протоколах говорится и об «утробе» знаменитого беседчика, драматурга Шаховского — своего рода намек на его литературную плодовитость.

Иногда иносказательный смысл арзамасского слова оказывается безнадежно утраченным. Так, в написанном гекзаметром отчете Жуковского о 21-ом заседании «Арзамаса» рассказывается о символической свадьбе Грудня (славянское название ноября) с Зимой, а затем следует: «С свадьбы Изок [славянское название июня] принес два дождя, пять луж, три тумана». Славянизмы пародировали идеи и стиль сочинений вождя «Беседы» А. С. Шишкова и его соратников. Но что стоит за самим перечислением, какие намеки оно содержит, установить, вероятно, будет невозможно. Очевидно лишь, что перед нами конкретные намеки, а отнюдь не метеосводка.

В письме Пушкина Вяземскому от 3 августа 1831 года мы находим новый образец арзамасской речевой традиции. В письме цитируется шуточное послание Жуковского А. О. Россет-Смирновой. По мнению Пушкина, это было «чисто Арзамасское произведение». Предварительно он сообщает Вяземскому: «У Жуковского зубы бо-

лят, он бранится с Россети: она выгоняет его из своей комнаты, а он ей пишет арзамасские извинения гексаметрами».

Затем Пушкин приводит, правда, с пропусками, несколько строк из послания Жуковского, как нельзя более близких арзамасской традиции. Приводим эти строки полностью:

...Милость вашу к себе заслужить? О царь мой небесный
Я на все решиться готов! Прикажете ль — кожу
Дам содрать с своего благородного тела, чтоб спить вам
Дюжину теплых калошей, дабы, гуляя по травке,
Ножек своих замочить не могли бы? Прикажете ль — уши
Дам отрезать себе, чтоб в летнее время хлопущей
Вам, усердно служа, колотили они дерзновенных
Мух, досаждающих вам неотступной своей любовью...

Извинения Жуковского стилизованы под прои-комический характер арзамасских протоколов. Члены Общества говорили возвышенным слогом о предметах, не заслуживающих внимания, об откровенных пустяках. Их речи заключали в себе нарочитую бессмыслицу. Литературный опус Жуковского и был написан в духе арзамасской галиматии. Сам Жуковский отмечал в «Записке о Н. И. Тургеневе»: «Кто прочтет протоколы заседаний и речи членов, тот найдет в них совершенную галиматю, и действительно они были галиматеею».

В русской литературе «галиматю» использовали и раньше. Почетный арзамасец И. Дмитриев в 1803 году сочинил пародию-загадку о галиматее. *Любовь, душенька, сердце, связь* превращались в забавный, насыщенный алогизмами набор слов. Однако уже арзамасская галиматия создавалась и не без «веселого звука здравого смысла».

Арзамасская галиматия по существу являлась для той эпохи любопытной лабораторией языковых экспериментов.

Арзамасцы увлекались всевозможными забавными неологизмами, чаще всего составляя необычные сложные слова. Так, рассуждения беседчиков являлись «вздорословием», а их восторженное одобрение — «ланоплесканием». Арзамасцы, именуя себя, как это традиционно и значилось в кишиневском письме Пушкина, «благородными гусями» и «их превосходительствами», полагали почетным свое «первогусакство».

Для образования неологизмов использовались и приставки, и суффиксы. Шутливо очищаясь в водах Липецкого потока, арзамасец выходил словно обновленный, «расслеplенный сухой водой». Вместо былого *о-слеplения* наступало арзамасское своего рода *рас-слеplение*. Неологизмом, образованным с помощью суффиксов, являлось, скажем, арзамасское слово *плакун*. *Плакунами* арзамасцы именовали постоянно оплакивающих свои невгоды беседчиков.

Арзамасская галиматья допускала смешение самых разнообразных речевых пластов. Совершался интересный творческий опыт синтеза разнородных языковых явлений, хотя внешне и откровенно шутливый, но внутренне значительный, отвечавший идее разрушения установившихся стилистических канонов, идее, вскоре во многом определившей и само существо пушкинской реформы литературного языка.

В протоколах Общества шуточные техницизмы (поэтический микроскоп; резервуар всего возможного самолюбия) соседствовали со старославянизмами, разговорно-бытовое слово (кряхтеть, оскотиниться, кокурка) могло находиться рядом с книжным, часто иноязычным по происхождению (баллотироваться, феномен), а грубое, близкое к площадному (кобениться) — рядом со светским.

Особое своеобразие арзамасской галиматии составляли словосочетания, граничащие часто с парадоксом и становившиеся фразеологизмами. О Д. Хвостове говорилось как об «апостоле ничтожества и забвения» или как о «трудолюбивом батраке смерти». Самым необычным образом использовалось деловое и канцелярское слово. На шуточных заседаниях арзамасец мог заключать «контракт с судьбой». Диплом, врученный Обществом почетному арзамасцу Н. М. Карамзину, почитался «векселем на дружбу».

Иногда же в галиматии вместо традиционной парадоксальности появлялись нарочито близкие к тавтологии словосочетания типа *сладкие ласки*. В такой словесной игре расширялись и проверялись границы возможного словоупотребления.

Арзамасскому слову была свойственна экзотическая речевая канва. В. Л. Пушкина друзья называли *Богдыжаном Арзамаса*, а П. И. Соколова, приверженца Шишкова, — *Сеидом Беседы*. Вступление в Общество уподоблялось «усыновлению» «Дневников американского путешественника» в журнале «Сын Отечества». Далекая ассоциация и неожиданная связь понятий («Сын Отечества» — Америка) делали выражение экзотически броским. Теперь становится ясным, что крылатые слова Пушкина об «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина: «Древняя Россия казалась найдена Карамзным, как Америка Колумбом» — являются по существу плоть от плоти арзамасской формулой, ибо в них внешне далекое и неожиданное сопоставление оказывается привычно арзамасским и вполне соотнесенным в духе постоянных сближений и аналогий, столь характерных для Общества.

Традиции арзамасской галиматии Пушкин продолжает в другом письме Вяземскому, недавно получившему звание камергера: «Услыша о сем радостном для Арзамаса событии, мы, царскосельские арзамасцы, положили созвать торжественное собрание. Все присутствующие члены собрались немедленно, в числе двух. Пред-

седателем по жребию избран г-н Жуковский, секретарем я, сверх. Протокол заседания будет немедленно доставлен Вашему Арзамасскому и Камергерскому превосходительству (также и сиятельству). Спрашивали члены: зачем Асмодей не является ни в одном периодическом издании? Секретарь отвечал единогласно: он статьи свои отсылает в Коммерческую газету без имени...».

Асмодей — арзамасское прозвище Вяземского. *Сверх* — своеобразный неологизм; вариант прозвища Пушкина. Себя и Жуковского Пушкин называет необычно — *царскосельскими арзамасцами*. Дело в том, что письмо Вяземскому было послано из Царского Села. Но это еще не все. Пушкин в данном случае обыгрывает и малоизвестное программное арзамасское положение: «Арзамас — всякое место, — на коем будут находиться несколько членов на лицо...». Таким образом, члены Общества под арзамасскими сходками понимали самые различные встречи друзей. Поэтому в разные времена существовал и московский «Арзамас», и варшавский, и лондонский, и греческий. Дашкову символично поручалось водрузить «знамя белого гуся» в Константинограде. П. Полетика «провозглашал Арзамас под аркадами Пале-Рояля и в древнем Альбионе».

Обращение Пушкина к Вяземскому как «Вашему Арзамасскому и Камергерскому превосходительству» заключало скрытый парадокс. Понятие «арзамасский» в дружеском кругу всегда противопоставлялось понятию «придворный». Сам Пушкин в письме Вяземскому от 25 января 1829 года замечал: «Был я у Жуковского. Он принимает в тебе живое, горячее участие, Арзамасское — не придворное».

В духе арзамасской галиматии Пушкин обыгрывает в письме и логико-смысловые связи слов в числе. За внушительным заявлением («все присутствующие члены») полагалось бы подразумевать, по крайней мере, несколько арзамасцев, на деле же их оказывается только двое. Понятие «единогласно» предполагает решение, ответ никак не одного человека. Сообщение же утверждало, что «секретарь отвечал единогласно».

В письме Пушкина вновь оживает веселая словесная игра, насыщенная арзамасскими намеками и алогизмами. Знаменательно, что Пушкин сохраняет верность арзамасской речевой традиции спустя более десяти лет после его кишиневского послания к арзамасцам.

Арзамасское слово, или, как шутливо говорили арзамасцы, «лексикон ученых обществ», находило выражение и в художественных произведениях Пушкина (Городок; Тень Фонвизина) и, пожалуй, наиболее откровенно воплотилось в послании «К Жуковскому», заключающему своего рода энциклопедию арзамасских понятий.

В. С. КРАСНОКУТСКИЙ

УДАРЕНИЕ В СТИХАХ

Существует широко распространенное мнение о том, что поэты иногда, подчиняясь требованиям ритма, искажают ударение в словах. В действительности дело обстоит далеко не так. Свободное обращение с ударениями в рифме характерно лишь для поэзии I половины XVIII века

В стихотворениях Кантемира встречаем следующие случаи изменения в рифме: бѣтец — ко́нец, ви́дит — си́дит, вѣзде — ѣзде, те́бе — се́бе, тва́ри — за́ри, свѣхнет — стѣхнет и т. д. (см.: Л. И. Тимофеев. Очерки теории и истории русского стиха. М., 1958).

Однако уже в то время поэты рассматривали отступление от обычных норм в ударении как нежелательное явление. Так, тот же Кантемир писал: «Совсем не хвалю предложение силы с одного слова на другой, так, чтоб вместо *главѣ* писать *глава*, вместо *законѣ* писать *закон* и проч.». В. Тредиаковский критиковал Ломоносова за то, что тот в ряде случаев допускал свободное отношение к ударению; Ломоносов в свою очередь возражал против неправильных ударений в стихотворениях Тредиаковского (см.: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., 1936).

При сопоставлении стихотворных ударений с данными грамматик и словарей XIX века, которые являются регистраторами употребления слов в ту эпоху, оказывается, что перед нами не искаженные ударения, а литературная норма того времени. Рассмотрим некоторые примеры необычных для нас ударений слов, употребленных в классических стихотворных произведениях, известных читателю со школьной скамьи.

Неустойчивость ударения присуща как изолированным словам, так и грамматическим формам определенных групп слов. Ударение, отличное от современного, находим в словах, принадлежащих

к разным частям речи: в существительных, прилагательных, причастиях, деепричастиях, наречиях.

В именах существительных встречаются такие старые, накопленные ударения: отзѣв, призрѣк, заговѣр, граждѣне, шкѣфы, лѣта. У Пушкина «Как я любил твои отзѣвы...» (К морю, 1824); «Призрѣк невозвратимых дней...» (Евгений Онегин); «Московские граждѣне! Вам кланяться царевич приказал» (Борис Годунов); «Онегин шкѣфы отворил» и «— И, полно, Таня! В эти лѣта мы не слыхали про любовь...» (Евгений Онегин).

Почти все выдающиеся поэты первых десятилетий XIX века употребляли следующие ударения в прилагательных: легѣк, резѣв, счѣстливый, ледяной. Пушкин: «Здоров ли? всё так же ль легѣк его бег?» (Песнь о вещем Олеге); «Ребенок был резѣв, но мил» (Евгений Онегин); «И шумной пеной орошал Ледяной свѣд» (Обвал).

В языке Пушкина, Лермонтова и их современников находим своеобразные ударения и в причастиях действительного залога настоящего времени: губящий, любящий, служащий и др. Ср. у Грибоедова: «При мне служащие чужие очень редки» (Горе от ума).

Необычно звучат для нас некоторые формы страдательных причастий: заваленѣ, заложенѣ, опущенѣ, наученѣ, потопленные. Пушкин: «Всѣ перед ним заваленѣ; Что сброшено, что снесено...» (Медный всадник); «Давно грузинки нет; она Гарема стражами немymi В пучину вод опущенѣ» (Бахчисарайский фонтан); «Здесь будет город заложен На зло надменному соседу» (Медный всадник).

А вот примеры необычных ударений в деепричастиях: «Трепѣща, жены близ мужей Держали плачущих детей...» (Лермонтов. Измаил-Бей); «Напрасно, смѣтри на собачку, Ты вздумал, что тебе я также дам потачку...» (Крылов. Лев и Волк); «Вот уже народ бессмысленный, Хѣдя в праздники по улицам, Меж собой не раз говаривал» (Пушкин. Бова).

Для традиций стихотворного языка характерно наличие двух вариантов одного и того же слова, отличающихся только местом ударения. Колебания ударений наблюдаются в языке одного и того же автора, например *избрѣнное* и *избранное* у Пушкина:

На пагубу людей избрѣнное Судьбой,
Здесь *Барство* дикое, без чувства, без закона...
Деревня

За что ж виновнее Татьяна?
За то ль, что в милой простоте
Она не ведаёт обмана
И верит избранной мечте?

Евгений Онегин

Два варианта ударения встречаем иногда в одном стихотворении:

Он рад бы в первые тут пмыгнуть ворота —
Да то лишь горе,
Что все ворота на запоре.
Крылов. Волк и кот

Отличные от современных, ударения в языке XIX века могут быть объяснены разными причинами. Ударение в слове может изменяться в процессе развития языка. Необходимо иметь в виду тот факт, что многие общепризнанные в настоящее время ударения лет сто назад не являлись таковыми: они либо вообще не существовали, либо только завоевывали право на литературное употребление, сосуществовали в языке рядом со старыми, архаическими ударениями. Последнее и предполагает наличие двух возможных вариантов ударения одного слова, существующих в языке одновременно. Колебания в месте ударения объясняются сложностью исторического развития словарного состава литературного языка, действием аналогии, иноязычным происхождением слов, влиянием диалектов на литературный язык, влиянием профессиональной среды.

Одной из причин, вызывающих колебание ударения в отношении места, является действие аналогии. Так, судя по произведениям XVIII—XIX веков, ударение у ряда существительных женского рода на -а во множественном числе падало на окончание: сестры́, вдовы́, жены́, толпы́, беды́, скалы́, волны́, страны́ (именительный множественного), бедáм, бедáми; звездáм, звездáми, звездáх; стрелáм, стрелáми, стрелáх (косвенные падежи).

Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы́ измученных рабов.

Пушкин. Деревня

У них беды́ себе на всякий час готовь..

Грибоедов. Горе от ума

Где [в тишине] простых татар семья
Среди забот и с дружбою взаимной
Под кровлею живут гостеприимной.

Пушкин. Кто видел край

В плену сестры́ ее увяли.

Лермонтов. Хаджи Абрек

Кто при звездáх и при луне
Так поздно едет на коне?

Пушкин. Полтава

Стопет он по тюрьма́м, по острогам.

Некрасов.

Размышления у парадного подъезда

Однако в языке поэтов XIX века встречаем и вариантыные формы: *судьи* — *судьи́*, *беды* — *беды́*, *судьбы* — *судьбы́*, *волны* — *волны́*, *страны* — *страны́*, *струнам* — *струна́м*. У Грибоедова находим обе формы *судьи* — *судьи́*: «А судьи кто?» и «Судьи́ всему, везде, над ними нет судей» (Горе от ума).

Чем же объясняется подобное явление? Как известно, русский язык относится к числу языков со свободным ударением, то есть место ударения не прикреплено к одному определенному слогу слова или к определенной морфологической части слова. В русском языке имеются слова с неподвижным ударением (когда при склонении или спряжении ударение в его словоформах остается на одном и том же слоге: *забѣд*, *забѣда*, *забѣду* и т. д.) и слова с подвижным ударением (если ударение в его формах оказывается на разных слогах: *голова́*, *го́ловы*, *го́лов*). Имена существительные женского рода на *-а*, *-я* во множественном числе по ударению делились на две группы: с неподвижным характером ударения и подвижно ударяемые. Таким образом, варианты ударения, широко представленные в литературном языке XIX века, теперь уступили место другим.

✱

Влиянием диалектного ударения на литературный язык можно объяснить широко распространенное в XIX веке явление переноса ударения на приставки в формах глаголов прошедшего времени. Так, в стихотворении Пушкина «Черная шаль» (1820) читаем: «Однажды я созвал веселых гостей... Я дал ему злата и проклял его И верного позвал раба моего».

М. Ю. Лермонтов употреблял южнорусское *облачко́*:

Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег...

Мцыри

Некоторые случаи несовпадения ударений с современными можно объяснить влиянием разговорных форм, которые широко проникали в литературный язык из живой народной речи. Разговорные ударения вроде *пеньѣ*, *дбы́ча* встречаются в произведениях реалистического жанра — в басне, комедии. У Крылова: «Нет, вижу, что в *пеньѣ* ты вовсе не искусен» (Кошка и Соловей); «Ягненка видит он, на *дбы́чу* стремится...» (Волк и Ягненок).

Причина двух вариантов ударения коренится в иноязычном происхождении слов, которые могли быть заимствованы из разных языков — соответственно с разными ударениями. Как известно, иностранные по происхождению слова допускают наибольшие колебания в ударении: наблюдается тенденция к сохранению особенностей произношения данного слова в родном языке. Но нередко заимствование слов происходит через языки-посредники, и это приводит к значительным колебаниям ударения.

Например колебание ударения в слове *музыка* — *музыка*, наблюдавшееся в XVIII — начале XIX века, объясняется влиянием польского и латинского языков. Формы *музыка*, *музыка* пришли в Россию в XVI веке из польского языка. Поляки, в свою очередь заимствовавшие это слово из латыни, передали лат. *musica* по своей фонетике — *музыка* (ударение в польском падает на предпоследний слог). Ударение *музыка* пришло из Южной Руси, когда там усилилось изучение латинского языка. Предполагают, что второй причиной изменения *музыка* — *музыка* явилось итальянское влияние в искусстве (итальянская опера при дворе с 1730 года); итальянцы произносили *la musica* (см.: И. И. Огиенко. Ударение в слове *музыка*. Очерк по истории русского ударения. — «Русский филологический вестник», 1917). Ударение *музыка* появляется в литературе с третьей четверти XVIII века, но окончательно вошло в употребление только около середины XIX века.

Случаи расхождения с нынешними ударениями и в словах иностранного происхождения особенно многочисленны в языке поэзии XIX века. С ударением, отличным от современного, употреблялись в то время следующие слова: *бюджет*, *географ*, *деспот*, *евнух*, *идеолог*, *климат*, *пародия*, *паспорт*, *профессор*, *реплика*, *символ*, *статуя*, *философ*, *эпиграф*. Вот некоторые из примеров: «Он знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать...» (Пушкин. Евгений Онегин); «Нет, посмотрите на его статую...» (Пушкин. Каменный гость); «Великий краснобай, названный друг природы, Недоученый Философ...» (Крылов. Огородник и философ); «И крест, любви символ священный...» (Пушкин. Бахчисарайский фонтан).

✱

Литературный язык стремится избегать колебаний, и обычно один из вариантов рассматривается как неправильный. Чаще второй вариант побеждает, вытесняя первый, и начинает широко употребляться в литературной речи. Слово *знамя*, как и другие имена на *-ен*, во множественном числе характеризовалось ударением на окончании — *знаменá* (ср.: *именá*, *временá*): «Носжились знаменá, как тени» (Лермонтов. Бородино).

Однако примерно в XVIII веке у данного существительного появляется форма множественного числа *знамёна*, которая одно время существует как вариантная, а потом вытесняет исконную форму *знаменá*. Или другой пример. Отдельные глаголы второго спряжения типа *изменѣть*, *дарѣть* в настоящем времени имели когда-то ударение на окончаниях. С этим ударением встречаем глаголы в литературных произведениях XVIII—XIX веков: «Не будешь ты подругою моею, Моей судьбы не разделишь со мной» (Пушкин. Борис Годунов).

Но уже в XVIII веке данные формы и формы с ударением на корне выступают как варианты: *вѣртишь* — *вертишь*, *даришь* — *дарѣшь*. Двойственность данных форм сказалась на появлении двойственности по ударению и в прошедшем времени страдательных причастий *потопленный* и *потоплѣнный*.

Русское ударение в своем историческом развитии претерпевало изменения, которые отражаются в поэтических произведениях. Поэты обычно не допускали искусственных ударений, и наличие вариантных форм в отношении ударения — это закономерное языковое явление, а не произвол писателя. Ведущая роль в развитии русского ударения принадлежит не отдельным, пусть даже самым авторитетным писателям, а разговорной народной речи.

Кандидат филологических наук
М. ТОБОЛОВА
Калуга

ЯЗЫК И СТИЛЬ НИКОЛАЯ ОСТРОВСКОГО

Творческая судьба Николая Островского не укладывается в обычные представления. Нас восхищает не только мужество, стойкость, сила воли, оптимизм писателя, но и его неиссякаемое творческое вдохновение, незаурядный художественный дар, удивительное чутье к слову. Обладая богатейшим воображением, поразительной памятью, талантом рассказчика, Островский создавал «Как закалялась сталь» с единой целью передать последующим поколениям свой жизненный и боевой опыт.

Островский начал писать свою первую книгу, находясь в состоянии полной неподвижности. Он диктовал то, о чем хотел написать, и при таких условиях в работе возникали неизбежные препятствия. «Я диктую», — рассказывал Н. Островский Ивану Рахилло, — но вот бывает — проснешься ночью, и в голове какая-нибудь важная мысль, образ, сравнение. Хочется записать — не можешь. Попросить кого — никого нет, спят. И уснуть боишься, чтоб не выпустить, не забыть мысли. Так и терзаешься до рассвета» (И. Рахилло. Встречи с Николаем Островским).

«Как закалялась сталь» и «Рожденные бурей» были продиктованы, но перед нами не разговорный язык, а литературная речь. Для Островского «работа над книгой — попытка передать былое литературным языком».

Удивительная биография писателя, жизнь, ставшая легендой, подвигом, явилась главным материалом его первой книги. Роман был завершен и сдан в издательство в поразительно короткий срок (ноябрь 1930 — июль 1933), хотя работал писатель в сложнейших условиях.

Откликаясь на выступление М. Горького в 1934 году против засорения художественных произведений нелитературными словами и выражениями, Островский вносит значительные исправления в первое и последующие издания романа «Как закалялась сталь», добавляет целые картины, сцены, эпизоды, значительно улучшает язык и стиль произведения, освобождая его от шероховатостей, неудачных оборотов и выражений.

Создавая книгу о коммунистах и комсомольцах первых лет революции и гражданской войны, беззаветно преданных идеалам коммунизма, Островский знал, что борьба за социализм не только формировала новое революционное сознание, но и отражалась в лексическом составе языка.

Писатель знал по личному опыту, что речь рабочей молодежи 20-х годов оказалась засоренной словами-паразитами, такими как *шамать, мура, буза, шпалер, сбондил*. Он понимал, что слова живого разговорного языка должны быть средством индивидуализации героев, и, обладая большой чуткостью к языку, не допускал нарочитых отклонений от литературной речи, сразу отмечал слова, обороты, резавшие слух, засорявшие текст.

На наших глазах растет, закаляется характер главного героя Павла Корчагина, его речь постепенно становится грамотной, четкой, в ней появляются политические термины, совершенно исчезают просторечные словечки вроде *из школы выперли, всурьёз, ушивались, волюнку подымет*, характерные для недостаточно образованного рабочего паренька. Делегат VI съезда комсомола Корчагин говорил уже иначе: «Но я за основное в Оводе — за его мужество, за безграничную выносливость, за этот тип человека, умеющего переносить страдания, не показывая их всем и каждому. Я за этот образ революционера, для которого личное ничто в сравнении с общим [цитируется по изданию: Н. Островский. Собрание сочинений. М., 1955].»

Для Корчагина теперь характерно сложное построение фразы, в ней нет ничего лишнего, второстепенного. А как наивно рассуждал Павка-подросток, когда дело касалось сложных понятий! «Работаем, как верблюды, а в благодарность тебя по зубам бьет кто только вздумает, и ни от кого защиты нет». Когда Климка спросил Павку, как более сведущего, за что забрали жандармы продавца, тот ему ответил: «Говорят, ежели кто против царя идет, так политикой зовется». Перед нами речь мальчишки, которому пока еще не хватает знаний, но которому свойственна непосредственность восприятия, смысленность.

Если идейный рост Павла Корчагина происходит быстро, он легко усваивает диалектику классовой борьбы, то более трудным путем к новому сознанию приходят представители старшего поколения рабочего класса.

Рабочие-железнодорожники Артем Корчагин, Политовский, Брузжак, по ленинскому призыву вступая в ряды Коммунистической партии, с волнением рассказывают историю своей жизни. В их речи мало политических терминов, еще слабо отражена революционная лексика, но в их словах много искренности, рабочей прямоты. Артем так заканчивает свое выступление: «Мало свою власть защищать, надо всей семьей заместо Ленина, чтобы власть советская, как гора железная, стояла. Должны мы большевиками стать — партия наша ведь?». Он говорит о наболевшем, ему есть о чем рассказать людям. А ведь прежде Артем был немногословен, неразговорчив.

Сжата, лаконична речь старого машиниста Политовского. Рассказывая историю своей жизни, он очень волнуется, ему трудно найти подходящие слова, но и он сумел выразить то, что стало общей болью и заставляет его сейчас вступить в партию большевиков: «Ударила меня Ильичева смерть по самому сердцу, потеряли мы навсегда своего друга и старателя, и нет у меня больше слов о старости!.. Пущай кто покрасивее скажет, я не мастак на слова. Одно только подтверждаю: мне с большевиками по пути, и никак не иначе».

Вспомним, как в восемнадцатом году он первый предложил паровозной бригаде убить немца-часового, покинуть паревоз, помешать карателям расправиться с рабочими. Политовский предлагал тогда несколько растерявшемуся Артему: «Ведь карательный везем. Эти невиноватые расстреливать партизанов будут, а те что виноваты?.. Эх ты, сиромаха!.. Здоров, как медведь, а толку с тебя мало...». В речи Политовского немало искажений литературного языка, тут и *невиноватые*, *партизанов*, *скидать*, но, когда он говорит: «Теперь для нас заднего хода нет», мы чувствуем, как точно писатель передает язык рабочего-машиниста.

Выразительна речь революционного матроса Жухрай, она немногословна, предельно сжата, насыщена мыслью. Жухрай сдержан, вдумчив, сначала подумает, потом скажет и скажет весомо: «Спроси у своей рабочей совести и поступай, как она скажет»; «Драться вообще не вредно, только надо знать, кого бить и за что бить»; «Биться в одиночку — жизни не перевернуть»; «Забастовка хотя и сорвалась, под страхом расстрела рабочие хотя и работают, но огонь загорелся, его уже не потушишь...».

Писатель достигает яркой индивидуализации речи в романе путем глубокого проникновения в сущность человеческого характера, всегда учитывая при этом мировоззрение, социальную, классовую принадлежность героя. Предельно сократив авторское вмешательство в речь своих героев, Островский, опираясь на общенародный язык, выбирает для своих действующих лиц наиболее характерные, типичные для каждого слова.

Кратковременным было наше знакомство с командиром партизанского отряда Булгаковым, но нельзя не обратить внимание на то, что он, хорошо подготовленный в военном отношении человек, прекрасно ориентируется в боевой обстановке, знает расположение противника, отдает четкие приказания, его речь насыщена военными терминами: «Наша задача — успеть отойти к Казатину, пока немцы не добрались туда раньше нас. Оказывать сопротивление с нашими силами — это же смешно... Одно орудие и тридцать снарядов, двести штыков и шестьдесят сабель — грозная сила... Немцы

идут железной лавиной. Драться мы сможем, только соединившись с другими отходящими красными частями».

Мы видим, как постепенно, по мере роста революционной сознательности, из языка представителей народа исчезают бранные слова, такие как: *упаришься, ржёт, получишь по морде, гавкать*. Зато они все чаще встречаются в речи всякого рода отщепенцев, предателей народа, атаманов, бандитов, неистовствующих в своей злобе против революционных масс. В их лексике появляется немало вульгаризмов: *рвань несчастная, гад, холера, хам, дрянь*.

После революции появилось много неологизмов, возникших для выражения новых понятий, рожденных эпохой социализма. Они встречаются в романах Островского: *советы, комбед, ревком, военком, комиссар, продкомиссариат, политотдел, комсомол, уком, ячейка*.

В романе «Рожденные бурей», где писатель изображает борьбу с панской Польшей, много иноязычной лексики: *палаццо, будуар, пан, фольварк, гетман, флигель, стек, лакей, виза, камрад, фунт, марка, экипаж, вестибюль, апартаменты, декорации, ориентация, декларации, магистрат, марионетки, оккупация, император, авантюра, валюта, кокаин, гувернер*.

Анализ языка романов Островского показывает, что писатель опирался на народный язык и в то же время широко использовал слова иноязычной, военной лексики и неологизмы.

Романы Островского отличаются богатством интонаций, авторская речь выразительна, предельно проста, естественна, в ней нет витиеватости, украшательства, порой она даже несколько суха, сдержанна.

С большим проникновением в характер главного героя описаны Островским первые чувства Павла Корчагина к Тоне Тумановой: «Юность, безгранично прекрасная юность, когда страсть еще непонятна, лишь смутно чувствуется в частом биении сердец, когда рука испуганно вздрагивает и убегает в сторону, случайно прикоснувшись к груди подруги, и когда дружба юности бережет от последнего шага! Что может быть роднее рук любимой, охвативших шею, и — поцелуй, жгучий, как удар тока!».

Переданы в романе и переживания Тони, когда ее внезапно осенила догадка, что Павел арестован, попал в беду: «Сколько дней пробежало чередой после их последней встречи? Он был неправ тогда, но все давно забыто. Завтра она увидит его, и опять вернется дружба, волнующая, хорошая. Она вернется, Тоня это знает. Лишь бы не предала ночь. Ночь недобрая какая-то, словно притаилась, поджидает... Холодно».

Островский был взыскательным художником. На обсуждении романа «Рожденные бурей» в ноябре 1936 года он сказал: «Высокое

качество, большая художественная и познавательная ценность — вот требования нашего могучего народа к произведениям советских писателей». Такие требования писатель предъявлял прежде всего к себе, вложив много сил, труда, таланта в создание своих замечательных книг.

Настоящим, подлинным художником считал Островского Се-рафимович. На обсуждении последнего романа он обратил внимание на умение Островского нарисовать внешний и внутренний облик героев, окружающие их предметы: «Написано так, что запоминается. Я запоминаю обстановку, я запоминаю то, что стоит за словами, за действиями этих людей. Стало быть, дано умело» («Молодая гвардия», 1937, № 2).

Островский обладал большим умением лаконично, несколькими штрихами описать обстановку, предметы, раскрыть психологию героев, их внутренний мир. Нас не может не привлекать компактность, продуманность сюжета, композиции романов, взаимосвязанность отдельных эпизодов, картин, цельность повествования, богатство языка.

Героическая жизнь комсомольца Николая Островского, отданная борьбе за счастье народа, до сих пор волнует передовое человечество. Но и творческая биография Островского-писателя не может оставить никого равнодушным. Только такой человек, как Островский, мог написать: «Если бы мне сказали, что мое произведение плохо написано, и возвращали бы мне не один раз, двадцать раз, то я начал бы писать его снова двадцать первый раз, хорошенько продумав, как это сделать лучше» (Мысли большевика).

Т. КОЛЯДИЧ,

З. УДОНОВА

Москва

Роман Николая Островского «Как закалялась сталь» широко известен во всем мире. Книга оказала огромное влияние на формирование коммунистической нравственности нашего молодого поколения. По роману «Как закалялась сталь» неоднократно создавались фильмы. Первый фильм был поставлен режиссером Марком Донским в годы Великой Отечественной войны. Редакция обратилась к Марку Донскому с несколькими вопросами. Что привлекло Вас в творчестве Н. Островского и почему Вы решили поставить фильм по роману «Как закалялась сталь»? Что Вы можете сказать о последующих экранизациях романа Н. Островского? Какими речевыми средствами романа Вы воспользовались, работая над фильмом?

Над фильмом «Как закалялась сталь» я работал много лет. Задумал я ставить его еще при жизни Н. Островского. Что же привлекало меня в творчестве писателя? Привлекали героические события, описанные в романе, красота человеческого духа и удивительная биография человека, рожденного Октябрем. Причем это биография не отдельного индивидуума, а биография будущего, то есть молодых людей, которые сейчас живут и несут величие наших идей в 21 век. Для меня было совершенно ясно, что таких людей не может сразить даже жестокая болезнь. Величие мысли, которая была изложена удивительным языком, покоряло молодежь нашей страны и увлекало молодежь других стран. Мне пришлось встречаться со многими молодыми людьми, и разговор о романе «Как закалялась сталь» всегда заканчивался словами восторга мужеством и красотой души Островского. Никогда не забыть то чувство восхищения, которое овладело мною при встрече с Островским. Я заранее продумал весь разговор, чтобы неосторожным словом не взволновать писателя. Однако с первых же слов Островский внес в разговор такую душевную взволнованность, что я почувствовал: передо мной не просто человек, прикованный к постели, а человек-борец. Это поразило меня. И я увлеченно начал работать над фильмом. Мы уже стали снимать фильм, когда нашу мирную жизнь нарушила война. То, что было написано у Островского, воз-

буждало чувства современника. Поэтому-то среди молодежи, отправлявшейся на фронт, и рождались такие герои, как Зоя Космодемьянская, отдавшие свою жизнь за будущее страны. Привлекал меня интересный язык Н. Островского. Самое сложное в искусстве и литературе — я не открываю истины — это о великом и прекрасном рассказать просто. А Николай Островский в своем романе говорит о мужестве, о героическом заволнованно, искренне, языком простым, но звучным, красочным, музыкальным.

Картина М. Донского не излагает, не пересказывает книгу Островского. Она сделала гораздо больше: она передает обаяние книги. Она показывает молодежь в романтическом горении юных душ, в жажде подвига во имя Родины, в высоком строе поступков, в красоте и очаровании жизни, до конца отданной битве за счастье Родины.

И. Бачелис. Закаленная сталь. 1943

Снимая фильм, мы постоянно помнили наказ Партии и Правительства: помогать своим искусством завоевать победу. Роль Павла Корчагина вдохновенно играл артист В. Перист-Петренко, а матроса-большевика Жухрая — Даниил Сагал, внесший в фильм свой темперамент, удивительное владение языком, экономное выражение самых страстных чувств. Думается, что все сделанное в фильме, все артисты, которые работали над ним, помогали воевать. Именно об этом говорят рецензии фронтовых газет, где рассказывалось о том, что бойцы с именем Павла Корчагина шли в бой. Это самые драгоценные для меня рецензии.

Сопровождая наши части во многих славных и трудных походах, этот фильм участвовал в освобождении Орла, Брянска, Харькова. Картину «Как закалялась сталь» просмотрели десятки тысяч бойцов. Они направлялись в бой прямо с киносеанса.

Вот что писали бойцы славной 5-й Орловской дивизии после просмотра этой картины на подходах к городу Брянску: «Кинокартина „Как закалялась сталь“ помогла нам осознать предстоящие бои как священный долг борьбы за честь, свободу и независимость нашей Родины. Бойцы и командиры клянутся бить врага до полного их уничтожения, гнать без остановки на запад».

Евг. Мар. Павел Корчагин на экране. 1943

Жизнь Николая Островского, показанная на экране, служила примером в борьбе с фашистами. Советский человек умеет не только горячо любить, но и страстно ненавидеть. Когда подходили к столице нашей Родины фашисты, кое-кто не верил в нашу побе-

«Как закалялась сталь». В центре — Д. Сагала (Жухрай)

ду. Верили только мы, потому что знали силу и особенности характера нашего народа. Мы отрицаем войну, нам чужды идеи зарубежных современных теоретиков о том, что человек рождается с извечным чувством войны, что ему якобы присуще стремление к разрушению, к насилию. Человек по природе своей не разрушитель, а созидатель и творец — об этом и говорит Островский в своей бессмертной книге. Что мы видели в его классическом произведении? Рождение и формирование человеческой личности. Долой эгоизм, долой себялюбие, долой все, что мешает двигаться вперед. Вот чем мы руководствовались, когда работали над фильмом, хотя работать приходилось в тяжелых условиях, так как даже зимние сцены снимались при 45 градусах жары (это было в Ашхабаде). Все, кто работал над фильмом, чувствовали себя людьми, помогающими воевать, и поэтому никаких срывов не было. Много раз я выезжал на фронт и вместе с солдатами, идущими сразу после просмотра на передовые позиции, смотрел фильм. Картина рождала огромное чувство признания, адресованное не только мне, создателю фильма, а, прежде всего, Корчагину и Островскому.

После фильма, сделанного мною во время войны, прошли годы, и вполне закономерно над этим произведением работают молодые режиссеры, которые по-своему интерпретировали события, происходившие в романе «Как закалялась сталь».

Режиссеры Алов и Наумов сделали в 1957 году талантливый фильм «Павел Корчагин». Многосерийный фильм режиссера Н. П. Машенко, показанный по телевидению, тоже по-своему интересен. Хорошо создан образ Павла Корчагина молодой актер Вл. Конкин. И в моем фильме, и в других имеются, конечно, какие-то недостатки. Они закономерны, так как идут от поисков интересных и простых форм для выражения большой, сложной мысли. Фильмы, созданные по роману И. Островского, — произведения искусства и идут по магистрали искусства.

Путь Корчагина — путь целого поколения. Вот почему, смотря на экране повесть о Павле Корчагине, мы видим в ней сегодняшних наших воинов и борцов. Это поколение, которое не свернет с избранного им пути, поколение, которое добьется своего и в победе над врагом осуществит самые счастливые мечты, надежды, стремления народа.

Фильм «Как закалялась сталь» проникнут этим юношеским одушевлением, темпераментом, горячностью, он построен просто и сильно, он выразителен и увлекателен, — один из тех фильмов, которыми вправе гордиться наша кинематография. Хорошая игра актеров, изобретательность режиссера, превосходная операторская работа делают его богатым и в формальном отношении; выразительные средства умело использованы для воспроизведения пафоса книги Николая Островского, — пафоса людей, которые находят великое счастье в борьбе за свою Родину, за дело своего народа, за труд своих отцов, за будущее своей жизни.

И. Бачелис. Закаленная сталь. 1943

В литературном произведении мысль можно выразить очень сложно, длинно. Кинематограф же в пластическом решении должен ту же мысль выразить значительно короче. Например, следуя за величию идей гуманизма Горького, в фильм «Детство Горького» я ввел эпизод из «Страсти-Мордасти», где мальчик-калека мечтает о «чистом поле». Я решил реализовать мечту этого мальчика и вывез его в «чисто поле», хотя этого и нет у самого Горького. Надо следовать величию идеи, заложенной в произведении, соответствующей философии его. Это не вставка своего, а продолжение мысли писателя.

Николай Островский своей книгой, ставшей знаменем советской и всей прогрессивной молодежи, призывает жить и бороться во имя счастья и мира на земле.

МАРК ДОНСКОЙ,
народный артист СССР,
лауреат Государственных премий,
Герой Социалистического Труда

В Драматическом театре имени А. С. Пушкина по роману Николая Островского «Как закалялась сталь» был создан спектакль «Драматическая песня». Режиссер - постановщик спектакля народный артист СССР Б. И. Равенских, художник В. Ю. Шапорин и исполнитель роли Павла Корчагина — Алексей Локтев были удостоены в 1972 году Государственной премии СССР. Редакция обратилась к артисту А. Локтеву с вопросами: Что Вас привлекает в творчестве Островского? Какие речевые средства писателя Вы использовали для создания образа Павла Корчагина?

«Драматическая песня».
А. Локтев (Павел Корчагин)

Когда режиссер нашего театра Борис Иванович Равенских предложил поставить спектакль по роману Николая Островского «Как закалялась сталь», мы, актеры, немного удивились, так как этот роман, один из самых известных не только в нашей стране, но и во всем мире, имел уже несколько экранизаций. Постановщик спектакля Равенских решил показать события, изображенные в книге, с позиций 70-х годов. Николай Островский был от природы одаренный человек, творческая натура, и именно о художнике-борце, о поэте революции мы и хотели поставить наш спектакль.

Среди действующих лиц спектакля есть и Николай Островский и Павел Корчагин. Спектакль и начинается с их встречи. Писатель как бы выводит своего героя в жизнь, а в финале — философское осмысление прожитой жизни. Ведь всем известно, что роман автобиографичен. Здесь уместно вспомнить слова В. Г. Белинского, которые критик Семен Трегуб поставил эпиграфом к своей книге «Живой Корчагин»: «Наше время преклонит колени только перед художником, которого жизнь есть лучший коммен-

*«Драматическая
песня». А. Лок-
тев (Павел Кор-
чагин), Ф. Мо-
кеев (Жухрай)*

гарни на его творения, а творения — лучшее оправдание его жизни».

При создании спектакля мы брали роман только за основу, кроме того, обращались к дневникам и письмам писателя, встречались с людьми, близко знавшими его. Сила Островского в том, что в любом письме, даже в небольшой записке, видна его творческая натура, чувствуется большой художник. Углубляясь в материал о писателе, мы заражались его беззаветной отдачей себя людям, нас все больше захватывало обаяние его личности. Есть очень хорошие слова: «Светя другим, стораю», — они как нельзя лучше подходят для характеристики Николая Островского. Тема Островского вечна. Создав спектакль, мы еще далеко не все раскрыли. «Как закалялась сталь» — это неиссякаемый источник мужества и человечности, из которого с восхищением и благодарностью будут черпать многие поколения будущего. Я завидую тем, кто еще будет встречаться с Павкой Корчагиным. Ведь когда я создаю образ, то отдаю кусочек сердца, души, нервов, но всегда и получаю от героя. Я беру от него самое хорошее, нужное, самое необходимое, то, чего я не знал, не понимал раньше. Теперь, когда мне трудно, я вспоминаю жизнь этого молодого коммуниста, человека несокрушимой силы духа, убежденности, горячей любви к Родине, к партии, без которой он просто не мог жить.

И еще одно отличие нашего спектакля — в нем нет Островского — Павла Корчагина больного. Это казалось нам не главным, так как болезнь его мы считали физическим несчастьем, которое может произойти с каждым. Мы стремились показать, как он это

преодолел, и в этом его сила. Почему именно Николай Островский написал такое произведение, своей работой над ним, может быть, приблизив свой конец? Вот как он сам отвечает на это: «...Только мы, большевики, так безумно любящие жить, мы, прозревшие и увидевшие жизнь всю, как она есть, не можем уйти от нее, не отыскав хоть один шанс борьбы. Новым оружием, которое может вернуть меня в ряды наступающего класса, стал для меня труд писателя. Я не зеленый юноша, а большевик, который знает, как далека еще от совершенства моя первая книга, но я никогда не думал, что она принесет мне такое счастье. Я узнал всепобеждающую радость творчества. Болезнь разгромлена и уничтожена. И кто знает когда я был счастливее: юноша с цветущим здоровьем или сейчас».

Творчество Николая Островского принесло счастье не только ему, но и нам, последующим поколениям, потому что это счастье борьбы, счастье творчества, счастье самой жизни.

Надо отметить, что при создании спектакля мы не испытывали никаких трудностей в работе над языком. Очень легко, жизненно ложился текст, не надо было себя где-то заставлять, переступать через себя, так как все оправдано. Язык Николая Островского лаконичен, скуп, но за каждой фразой, даже словом — огромное чувство пережитого, волнующего. Книга написана искренне, и поэтому она не оставляет равнодушными миллионы читателей.

А. В. ЛОКТЕВ
заслуженный артист РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР
Материал подготовила
М. А. Галмакова

БЕСЕДЫ О РУССКОМ ПРОИЗНОШЕНИИ

Продолжение. См.: 1974, № 4

3

Тема сегодняшней беседы — гласные 1-го предударного слога после твердых согласных. На месте букв *о* и *а* в этом положении произносится один и тот же звук [а]: *тр[а]вá, тр[а]вѣ, с[а]дѣ, ж[а]лá, кл[а]дѣ* (пишется буква *а*) и *в[а]дá, в[а]дѣ, с[а]снá, с[а]снѣ, др[а]вá, ст[а]лѣ, дв[а]рѣ, дв[а]рѣв, пл[а]дѣв, пр[а]шѣ, н[а]шѣ* (пишется буква *о*). Таким образом, множественное число от слов *вал* и *вол* в литературном языке произносится одинаково: *в[а]лѣ*. Точно так же женский род от местоимения *сам* и родительный падеж от существительного *сом* произносятся одинаково: *с[а]мѣ*.

В абсолютном начале слова на месте букв *о* и *а* произносится гласный [а] не только в 1-м предударном слоге, но также и в других предударных слогах. Примеры для 1-го предударного слога: *[а]птѣка, [а]ктѣр, [а]вáнс, [а]ккѣрд* (пишется буква *а*) и *[а]кно, [а]дин, [а]пять, [а]рѣх, [а]тдáть, [а]ттудá* (пишется буква *о*). А вот примеры для других предударных слогов в абсолютном начале слова: *[а]тамáн, [а]рендáвть, [а]жварѣль, [а]дрѣсáт, [а]грѣáт* (пишется буква *а*) и *[а]гурѣѣ, [а]горѣд, [а]сетрѣйна, [а]толѣрѣ, [а]предѣлѣть, [а]тдáвть* (пишется буква *о*).

Эта норма может нарушаться уроженцами наших северных областей, где распространено так называемое оканье — различие гласных на месте букв *о* и *а* в безударных слогах. Вам, наверное, приходилось слышать диалектное произношение *водá, одѣн*, но

трава, сады. Утрачивая диалектное оканье, приобщаясь к литературному языку, вчерашние «окальщики» безударное *о* заменяют звуком средним между [ы] и [о], говорят *в[ъ]да, н[ъ]га, н ст[ъ]лу, пр[ъ]шу*. Такое произношение было до недавнего времени свойственно ленинградскому просторечию. Так же могут произносить и выходцы из Украины. Необходимо обратить внимание на то, чтобы в 1-м предударном слоге произносилось чистое [а], чтобы рот открывался шире, а нижняя челюсть несколько опускалась: *в[а]дá, ст[а]лá, д[а]жбэ, пр[а]шú*.

Иначе усваивают русский вокализм 1-го предударного слога выходцы из наших западных и юго-западных областей — Смоленской, Калужской, Брянской, Курской. Они нередко произносят *в[ъ]дá, н[ъ]гá, ст[ъ]лá, д[ъ]мá, пр[ъ]шлá* — звук не [а] только перед ударным слогом с гласным [а]. Если же в ударном слоге другой гласный, то произносят правильно в соответствии с литературной нормой. Они говорят *в[ъ]дá*, но *в[а]дá, в[а]дбóй*; *н[ъ]гá* — *н[а]гá, н[а]гébóй*; *д[ъ]лá* — *д[а]лó*; *ст[ъ]ял* — *ст[а]лó*; *ск[ъ]зál* — *ск[а]жú*. При этом, как правило, они не замечают этой погрешности. Очень часто *ск[ъ]зál, ст[ъ]ял, ж[ъ]я, тв[ъ]я* говорят лица, в других отношениях овладевшие литературным языком. Поэтому устранить эту особенность произношения очень трудно. Нужно, чтобы говорящий сам осознал ее. Особенно упорно эта особенность держится в словах, которые во всех своих формах имеют ударное *а(я)*: *ст[ъ]кán, т[ъ]тáрин, ум[ъ]лáть, ост[ъ]влáть, б[ъ]рán, с[ъ]рáй, б[ъ]рáк*. Часто не [а] произносится в словах *оставлять, умалять, предсказать, стараться, мараться, проскакать* — *ост[ъ]влáть, ум[ъ]лáть, предск[ъ]зáть, ст[ъ]рáться, м[ъ]рáться, пр[ъ]ск[ъ]кáть*. Надо произносить: *ост[а]влáть, ум[а]лáть, предск[а]зáть, ст[а]рáться, м[а]рáться, пр[ъ]ек[а]кáл*.

Итак, на место *о* и *а* в 1-м предударном слоге и во всех предударных слогах следует произносить один и тот же звук [а]: *др[а]вá, тр[а]вá, ум[а]лáть*.

Сказанное относится и к положению *о* после букв *ш, ж, ц*. На месте *о* в 1-м предударном слоге произносится [а]: *ш[а]фёр, ш[а]тлáнды, ш[а]кíровать; ж[а]кéй, ж[а]нглёр, ж[а]ндáрм*. Только в собственных именах иноязычного происхождения может произноситься [о]: *Ж[о]ржес, Ш[о]пéн, Ш[о]ссбн* (о произношении собственных имен иноязычного происхождения мы поговорим в другой беседе).

Если буква *о* после *ш, ж* встречается редко, то буква *а* часто: *ж[а]рбóн, ж[а]ркбэ, ж[а]рá, ш[а]гáть, ш[а]лún, ш[а]кáл, ш[а]тёр, ш[а]рý; ш[а]хíня*. Согласно старым московским нормам тут звучал гласный близкий к [ы]: *ж[ы]рá, ш[ы]лún, ш[ы]лáть, ш[ы]мпáнское*. Такое произношение сейчас лишь изредка можно услышать в речи

старшего поколения. Отмечу, что с этим гласным произносились и фамилии. Старые москвичи говорили *Ш[ы]ляпин*, *Ш[ы]трова*, *Уш[ы]ков*. В молодости одну студентку я звал *Оля Жиркова*, думая, что ее фамилия происходит от слова *жир*, но оказалось, что ее фамилия от слова *жар*. Значит, в то время, в начале 20-х годов, фамилии *Жарков* и *Жирков* произносились одинаково. Это произношение отжило свой век и сейчас уместно лишь на сцене, например, в речи персонажей А. Н. Островского, А. П. Чехова, как своеобразная стилистическая «краска».

Правило об аканье (о произношении на месте букв *о* и *а* в 1-м предударном слоге звука [а]) распространяется и на положение после *ц*: *ц[а]ряин*, *ц[а]ряпать* (пишется буква *а*) и *канц[а]нетта* (пишется буква *о*).

Отметим особенность произношения гласного 1-го предударного слога в числительных *двадцать* и *тридцать*. В косвенных падежах этих числительных в 1-м предударном слоге произносится не [а], а [ъ]: *тридц[ъ]ти*, *тридц[ъ]тью*, *двадц[ъ]ти*, *двадц[ъ]тью*. Противоположение с гласным [а] не будет отвечать нормам литературного языка. Произношение *тридц[а]ти*, *двадц[а]ти* носит диалектную окраску.

Теперь о гласных на месте букв *о* и *а* после твердых согласных в других предударных слогах (кроме 1-го предударного). В этих слогах произносится гласный близкий к [ы], но более краткий, как говорят — редуцированный, и более низкий по образованию (с менее поднятой задней частью спинки языка): *н[ъ]г[а]ди*, *м[ъ]л[а]-ко*, *м[ъ]л[а]ки*, *д[ъ]р[а]би* (на месте буквы *о*); *н[ъ]раб[а]т[а]лся*, *н[ъ]в[а]т[а]л*, *д[ъ]р[а]ба*, *н[ъ]р[а]ба* (на месте буквы *а*). Обратите внимание на равницу гласных 2-го и 1-го предударных слогов. Во втором предударном слоге произносится [ъ], а в первом предударном — [а]. Тот же краткий редуцированный звук [ъ] на месте букв *о* и *а* произносится в заударных слогах: *в[ъ]д[ъ]ры*, *в[ъ]с* (на месте буквы *о*); *в[ъ]д[ъ]н[ъ]*, *в[ъ]д*. Как видно из примеров, и на конце слова на месте *о* и *а* произносится [ъ]. Поэтому слово *дело* в именительном падеже и *дела* в родительном падеже единственного числа произносится одинаково: у меня есть к тебе *дел[ъ]*, у меня нет к тебе *дел[ъ]*; *в[ъ]д[ъ]н[ъ]* удостоверение, *в[ъ]д[ъ]н[ъ]* справка. Слово *приход* в форме творительного падежа единственного числа (пишется *о*) и дательном падеже множественного числа (пишется *а*) произносится одинаково: я недоволен твоим *приход[ъ]м*, я радуюсь твоим частым *приход[ъ]м*.

Редуцированный краткий гласный [ъ] на месте букв *о* и *а* произносится и после твердых шипящих [ш] и [ж]: *ш[ъ]к[а]лад*, *ш[ъ]к[а]мья* (на месте *о*); *ш[ъ]к[а]мист*, *ш[ъ]р[а]тан*, *ш[ъ]р[а]-ары* (на месте *а*). В заударном слоге на месте *а*: *невож[ъ]* (им. пад.

ед. ч.), *невѣж[ъ]м* (дат. пад. множ. ч.), *грѹш[ъ]*, *грѹш[ъ]м*. Тот же звук в заударном слоге после [ш], [ж] произносится в именительном и творительном падежах единственного числа существительных на месте буквы *e*: *лѡж[ъ]* — 'постель', *с ѹж[ъ]м*, *невѣж[ъ]й*, *грѹш[ъ]й*.

В заключение хочется подчеркнуть, что гласные на месте букв *o* и *a* в 1-м и 2-м предударных слогах должны различаться: ясное [a] в 1-м предударном и краткий редуцированный [ъ] в других предударных: *м[ъ]л[a]кѡ*, *м[ъ]л[a]кѡ*. Недопустимо произношение *м[о]л[о]кѡ*, *ѡ[ъ]р[ъ]гѡй*. А для уроженцев западных и юго-западных областей специально замечу: в 1-м предударном слоге в случаях типа *п[ъ]м[a]глѡ*, *м[ъ]л[a]кѡ*, *ѡ[ъ]р[a]гѡя* (при ударном [a]) надо произносить такое же ясное [a], какое они произносят в случаях, где под ударением находится другой гласный (не [a]): *п[ъ]магѹ* и *п[ъ]м[a]глѡ*, *ѡ[ъ]р[a]гѹю* и *ѡ[ъ]р[a]гѡя*, *м[ъ]л[a]кѡм* и *м[ъ]л[a]кѡ*.

Продолжение в следующем номере

С ПОМОЩЬЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

На подготовительном факультете для иностранных граждан Азербайджанского института нефти и химии имени М. Азизбекова успешно закончили курс обучения около 300 иностранных студентов — представители 39 социалистических и развивающихся стран. Курс обучения на подготовительном факультете завершили студенты из Панамы, Руанды, Бурун-

ди, Доминиканской Республики, Намибии, Верхней Волты и ряда других государств. За время обучения посланцы зарубежных стран получили необходимые знания по русскому языку, которые позволяют им продолжить учебу в вузах нашей страны, в том числе и Азербайджана.

«Баку» (вечерний выпуск),
5 июля 1973

Русская речь все чаще звучит в различных уголках мира. Это закономерный процесс, связанный с огромным авторитетом нашей страны на международной арене и ее мирной политикой. Русский язык изучают в 97 странах. Он входит в учеб-

ные планы университетов Франции, Швеции, Норвегии, Финляндии, стран африканского континента. В США его преподают в 600 колледжах и высших учебных заведениях. «Советская Россия», 5 февраля 1974

НОВЫЕ ОЛИМПИАДЫ

Слово *олимпиада* употребляется в наше время в разных значениях. Прежде оно было связано только со спортом, с олимпийскими играми (как известно, они ведут свое происхождение из Древней Греции). Ныне оно приобрело в русском языке еще и новое значение, выходящее за рамки спортивно-физкультурной терминологии. В первом толковом словаре русского языка, созданном после революции, в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, это новое значение было обозначено следующим образом: 'международный или межнациональный культурный праздник, сопровождающийся смотром сил в какой-нибудь области культуры'. Организация массовых олимпиад художественной самодеятельности, ставших обычным явлением в нашей стране, повсеместное проведение химических, математических, биологических и других олимпиад среди школьников и студентов — все это привело к утверждению нового значения за давним словом *олимпиада*, встречающимся в словарях русского языка уже с XVIII века.

В словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) приводятся такие неологизмы, как *олимпиец*, *олимпийка*, *олимпийский*, употребляемые только по отношению к фактам спортивной жизни. *Олимпиец*, *олимпийка* — это спортсмены, участники олимпийских игр, а *олимпийский* — 'относящийся к спортивной олимпиаде, олимпийским играм; участвующий в олимпийских играх': олимпийский ринг, олимпийский чемпионат, олимпийское первенство, олимпийские награды, олимпийская система, олимпийский дух.

Для обозначения того, кто соревнуется не на спортивном, а на театральном, художественном или учебном поприще, прибегают к составным обозначениям: *участник (участница) олимпиады*. За словами же *олимпиец*, *олимпийка* закрепилось их первичное (спортивное) значение.

Прилагательное *олимпийский* тоже обнаруживает пока смысловую сочетаемость только в спортивном значении; другими словами, не говорят *олимпийские правила*, когда речь идет о правилах олимпиады, скажем, художественной самодеятельности. Приведем еще такой пример: за словосочетанием *олимпийский комитет* утвердилось определенное (традиционное) значение: 'комитет по проведению олимпийских (спортивных) игр'. Вот почему, когда на одном из обсуждений хода студенческой олимпиады по русскому языку (в марте 1974 года) в устном выступлении было высказано пожелание создать в институте *олимпийский комитет*, при формулировании официального постановления было записано иначе: «Совершенствовать организационные формы работы, в частности создать постоянный *комитет* по проведению *олимпиады*».

Характерно, что здесь же в разговорной речи было использовано не зафиксированное словарями прилагательное *олимпиадный*: «Олимпиадные задания надо помещать в специальных бюллетенях; это даст возможность подобрать литературу в библиотеке, почтять, подготовиться».

Отметим, что недавние образования такого же типа, как *олимпиада*, *спартскиада* (впервые отмечено в Словаре под редакцией Д. Н. Ушакова) и *универсиада* (студенческие спортивные соревнования стали называться так с 1957 года, до этого они носили названия *студенческие игры*) — закрепились в языке только как спортивные термины; однако от них образованы прилагательные *спартакиадный* и *универсиадный*, часто употребляющиеся в последнее время в спортивном обиходе.

Слово же *олимпиада*, как видим, расширило сферу своего применения и стало обозначать не только спортивные состязания. «На областной олимпиаде она пела так непосредственно и столько в ее звонком неокрепшем голосе было настоящей нежности и тепла, что, когда она кончила, таинственная полутьма зала мгновенно молчала, а потом взорвалась аплодисментами» (Б. Полевой, *Золото*); «Специализированная школа-интернат при Новосибирском государственном университете — учебное заведение нового типа. Здесь учатся подростки, проявившие себя на олимпиадах, которые проводятся в городах Сибири, Дальнего Востока, Казахстана и Средней Азии» («Правда», 11 марта 1974).

Широко практикуются олимпиады творческого характера, причем самых различных профилей. Недавно в «Вечерней Москве» сообщалось: «Сегодня подведены итоги двенадцатой городской олимпиады школьников по изобразительному искусству... В финале... участвовали около 600 ребят. Работы были разные: живопись, скульптура, линогравюра, резьба по дереву» (20 марта 1974).

Бывают и олимпиады производственного характера; они проводятся у верстака, швейной машины и т. п. Вот что говорится в сообщении об одной из таких олимпиад: «Кто самый лучший слесарь и швейник? Ответ на этот вопрос дала олимпиада, прошедшая в Гагаринском районе столицы. Участвовали в ней семиклассники районных школ... Подобные соревнования... стали традиционными. Победители участвуют в городской олимпиаде». («Учительская газета», 23 марта 1974).

В 1973—1974 учебном году Министерство высшего и среднего специального образования СССР и ЦК ВЛКСМ проводят Всесоюзную олимпиаду студентов под девизом «Студент и научно-технический прогресс». Цель и задачи ее — содействие глубокому, творческому овладению знаниями, воспитание интереса и любви к избранной специальности, развитие навыков самостоятельной работы в среде студенческой молодежи.

Эта олимпиада состоит из трех туров. Первый тур (вузовский) проводился с ноября 1973 по март 1974 года. В положении о проведении этого тура были предусмотрены предметные олимпиады, конкурсы по специальности, смотр курсовых и дипломных работ и проектов, смотр-конкурс результатов производственной практики. Второй тур (городской) состоялся в апреле 1974 года; в ходе первого и второго туров проводились олимпиады в высших учебных заведениях Москвы, Ленинграда, союзных республик. Третий (заключительный) тур состоится в Москве осенью 1974 года, когда этот номер «Русской речи» уже выйдет из печати.

Примечателен тот факт, что впервые в программу олимпиады включен русский язык (состязание проводится еще по следующим предметам: математике, физике, химии, биологии, сопротивлению материалов, иностранному языку, литературе, экономике).

Вопросы и задания по русскому языку и литературе на вузовском и городском этапах олимпиады выполняются в письменной форме. Они включают проверку теоретических знаний, практических навыков и умений, предусмотренных программами для филологических факультетов. Каждому участнику дается семь заданий; задания эти комплексные, включающие вопросы как по русскому языку, так и по русской литературе. Вот образцы заданий [цитируются из брошюры «Положение о городской олимпиаде студентов высших учебных заведений Ленинграда „Студент и научно-технический прогресс“». Л., 1974].

«1. Что называется в литературоведении портретом? Дайте портретную характеристику студента (студентки) вашей группы (курса), используя синтаксическую форму определенно-личных и неопределенно-личных предложений и адъективную лексику, употребляя ее в прямом и переносном значениях.

*Оживленное обсуждение олимпиадной почты...
Справа налево: И. Ф. Протченко (ведущий передачу), Л. Н. Спиридонова (редактор), Ф. П. Филин (председатель жюри), Е. В. Ланина и В. В. Лопатин (члены жюри), А. Маликов (режиссер).*

2. Назовите славянские языки, определите среди них место русского языка. Приведите примеры из художественной литературы, когда русский и еще один славянский язык используются для речевой характеристики персонажа и местного колорита».

Поскольку эта олимпиада не завершена, еще рано говорить об ее итогах. Вот почему целесообразно ограничиться сказанным, тем более что приведенные выше сведения дают общее представление об этом большом и важном общесоюзном мероприятии.

Следует более подробно рассказать об уже завершённой олимпиаде (кстати, также комплексного типа), проводившейся среди школьников.

Речь идет о Всесоюзной телевизионной олимпиаде школьников по русскому языку «Язык мой — друг мой», впервые организованной по инициативе Центрального телевидения в минувшем учебном году (в октябре 1973 — январе 1974 года). Авторы данной статьи были участниками жюри этой олимпиады. Нам представляется, что в условиях реализации новой школьной программы по русскому языку, программы более совершенной по сравнению с предыдущей и направленной на более углубленное и лучше отражающее современную лингвистическую науку изучение русского языка, большая роль должна быть отведена различным

формам внеклассной работы. Проведенная телевизионная олимпиада была одним из удачных опытов такой работы.

Каждый из трех туров олимпиады носил форму сказочного театрализованного представления, повествующего о событиях в «Королевстве от А до Я» (автор сценария — писатель Ф. Д. Кривин, композитор — Л. Д. Печников, редакторы передач — В. М. Помян и Л. Н. Спиридонова, режиссеры — Л. Н. Сердюк и А. К. Маликов). В ходе этого представления и задавались школьникам вопросы по русскому языку. Ответам на вопросы каждого из туров были посвящены специальные передачи, построенные, как и заключительная передача, в виде импровизированного диалога членов жюри с присутствующими в телестудии школьниками (председатель жюри — член-корреспондент АН СССР, директор Института русского языка АН СССР Ф. П. Филин; члены жюри — действительный член АПН СССР, главный редактор журнала «Русский язык в школе» Н. М. Шанский, учительница средней школы № 25 г. Москвы Е. В. Ланина и авторы этих строк; к участию в отдельных передачах были привлечены писатели А. А. Жаров и Ф. Д. Кривин).

Мы уже рассказывали более подробно о круге вопросов, затронутых в каждом из туров олимпиады (И. Ф. Протченко, В. В. Лопатин. Пропаганда знаний по русскому языку и школьное преподавание.— «Русский язык в школе», 1974, № 2). Здесь же нам хотелось бы остановиться на некоторых особенностях этой олимпиады, имеющих, как нам кажется, принципиальное значение.

Во-первых, ориентируясь на участие в олимпиаде школьников разных возрастных групп, организаторы ее обратили большое внимание на занимательность передач. Это очень важная сторона работы, связанной с подготовкой подобных олимпиад. Ведь долгое время не уделялось почти никакого внимания популяризации среди школьников русского языка и науки о нем, привлечению их интереса к этому важнейшему предмету школьного преподавания (чаще всего — традиционно сухому и малоинтересному). Первые шаги в этом направлении делаются, по существу, только сейчас. Одним из таких шагов и была телевизионная олимпиада, проведенная впервые в столь широкой аудитории.

Разумеется, занимательность не должна быть самоцелью. Интерес к предмету может быть достаточно прочным только в том случае, если он основан на интересе к самому содержанию предмета. Поэтому очень важной задачей олимпиады было добиться равновесия занимательности формы с серьезностью ставящихся языковых заданий. Задача эта чрезвычайно трудна, и не во всем авторы и редакторы передач сумели ее осуществить (что, впро-

чем, в значительной степени оправдано новизной самого предприятия). Однако несомненно и то, что олимпиада вызвала большой интерес школьников; свидетельством этого являются многочисленные живые отклики из самых различных районов нашей страны. На вопросы отвечали и отдельные школьники, и целые классы, и кружки любителей русского языка.

Особенно показательны письма преподавателей русского языка, в которых постоянно сквозила мысль о том, что олимпиада ценна именно своей занимательностью (в сочетании с широтой содержания), способствующей развитию интереса школьников к русскому языку. Не случайно многие отклики содержали просьбы о повторении передач или о высылке сценариев для проведения олимпиад на местах (отвечая на такие просьбы, публикуем ниже текст и ноты одной из песен, прозвучавших в передачах олимпиады).

Много подобных писем пришло из школ с нерусским составом учащихся (из национальных республик). Этот факт полон особого значения: он демонстрирует подлинно общесоюзный характер олимпиады.

Во-вторых, собственно лингвистические вопросы олимпиады, касавшиеся самых разнообразных сторон языка, не были ограничены рамками тех сведений, которые даются в существующем школьном курсе русского языка, а напротив, были рассчитаны на расширение и углубление знаний, предусмотренных школьной программой.

Вот несколько вопросов по истории русского алфавита. Когда и кем были введены буквы *й* и *ѣ*? Как буква *й* в разное время называлась? Когда она была включена в алфавит?

В вопросе по истории лингвистической науки, а затем и в беседе на эту тему говорилось о значении трудов и деятельности таких ученых, как М. Смотрицкий, М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, Я. К. Грот.

В связи с проблемой истории русской лексики был задан вопрос о путях проникновения новых слов в русский литературный язык и о роли писателей-классиков в закреплении этих слов (конкретно речь шла о словах *промышленность*, *головоунытие* и *стусеваться*, связанных соответственно с именами Карамзина, Салтыкова-Щедрина и Достоевского).

Упомянем также вопросы о происхождении отдельных слов и фразеологических сочетаний (*бить баклуши*, *злоба дня*), ряд вопросов по занимательной грамматике. Не случайно был задан и такой вопрос, как «Сколько слов в русском языке?», позволивший продемонстрировать неисчерпаемость словарных богатств русского языка.

Подготавливая ответы на подобные вопросы, учащиеся должны были обратиться к существующим словарям и справочникам, к научно-популярной литературе по русскому языку и показать свое умение работать с этой литературой. Судя по письмам учащихся и их наставников-учителей, при работе над олимпиадными заданиями они пользовались такими пособиями, как, например, вышедшие в издательстве «Просвещение» книги: В. И. Кодухов «Рассказы о синонимах» (Л., 1971); В. И. Максимов «Точность и выразительность слова» (Л., 1968); А. П. Аверьянова «Как образуются слова» (М.—Л., 1968); Е. Г. Ковалевская «История слов» (М.—Л., 1968); М. Д. Феллер «Как рождаются и живут слова» (М., 1964).

Обращение к словарям, к научно-популярной лингвистической литературе, в свою очередь, не могло не стимулировать интереса участников олимпиады к русскому языку. Недаром учащиеся одной из школ писали, адресуясь к «Самому Главному Грамотею» (основному персонажу сказочных представлений олимпиады): «Олимпиада заставила нас обратиться к книгам о русском языке. Мы не только находили ответы на заданные вопросы, но и делали для себя открытия. Книги о русском языке стали нашими друзьями и верными спутниками». «Мы узнали много нового о нашем родном языке, научились работать с большими словарями», — читали мы в другом письме.

Члены жюри стремились раскрыть в беседах со школьниками многообразие науки о русском языке, охватывающей множество интересных проблем, в том числе и таких, которые остаются неразрешенными, вызывают споры. В последней же передаче олимпиады была выделена мысль о громадном значении усвоения языка для всех специальностей и наук, для всех сфер деятельности человека. Эта важнейшая мысль, как правило, ускользает от внимания учителей русского языка. А между тем еще Ломоносов писал: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики» (Российская грамматика. 1755).

В-третьих, нам хотелось бы подчеркнуть комплексность заданий олимпиады, тесную связь задаваемых вопросов со смежными литературно-лингвистическими проблемами, затрагиваемыми в школе на уроках литературы, и прежде всего с проблемой выразительных средств художественной речи. Причем авторы и участники передач стремились не к механическому сочетанию лингвистических и литературоведческих проблем, а к их органической связи. Так, вопрос о диалектном членении русского языка и о диалектной лексике был непосредственно увязан с проблемой использования диалектизмов в языке художественной литературы,

с примерами употребления диалектной лексики писателями-классиками (Тургеневым, Некрасовым, Шолоховым).

На примере одного из лучших произведений А. К. Толстого — стихотворения «Коль любить, так без рассудку...» — был поставлен вопрос о гармоничной целостности художественного произведения — целостности, существенными компонентами которой являются определенное синтаксическое построение, отбор лексических средств и другие собственно языковые особенности. Этот пример позволил поставить и более широкий вопрос — о роли поэзии в жизни человека.

Большое внимание было уделено экспрессивно-выразительным средствам юмора. Разговор об омонимии, о специфике собственно омонимов, омоформ и омофонов вылился в беседу о каламбуре — художественном приеме, основанном на игре омонимов. При этом были проанализированы примеры использования каламбурной рифмы в поэзии — как классической, так и современной. Вот один из таких примеров (из современной поэзии), содержащий и собственно омонимы, и омоформы:

Мы сражаться стали,
В ход пустили пашки.
Пашки не из стали —
Мы играем в пашки.

Я. Козловский.

(Из сборника «Каламбуры»)

Наконец, в-четвертых, организаторы и жюри олимпиады обратили большое внимание на практические задачи развития речи, языкового чутья. Этой цели служили такие, например, задания, как составление короткого рассказика с использованием фразеологизмов, подбор синонимов к заданным словам, приведение пословиц и крылатых слов на заданную тему. С другой стороны, рассматривались примеры речевых ошибок, приводящих к комическому эффекту (типа лингвистических курьезов, собираемых журналом «Крокодил» в рубрике «Нарочно не придумаешь»). Анализировались причины таких ошибок, связанные с нарушением правил грамматики и словоупотребления; отмечались ошибки в ударении некоторых слов, встречающиеся в разговорной речи. Тем самым акцентировалась мысль о необходимости бережного отношения к родному языку.

В заключение председатель жюри член-корреспондент АН СССР, лауреат Ленинской премии Ф. П. Филин сказал, обращаясь к участникам олимпиады: «Дорогие ребята! Перед вами открыты широкие пути в жизнь. Вы можете быть учеными, рабочими, специалистами сельского хозяйства, инженерами, служащими. Кем бы вы ни были, русский язык всегда будет вам помощником, независимо от характера вашей будущей специальности. Русский

язык — хранитель, собиратель и передатчик любой информации, любых знаний, могучее средство общения. Изучайте его, берегите его от засорения и искажений. Не забывайте о нашей олимпиаде, активными участниками которой вы были. Вы хорошо поработали, для вас кое-что стало яснее в структуре русского языка. Новых больших вам успехов!».

Занимательность и широкий охват языковых проблем, дающий более углубленные знания о языке по сравнению со школьной программой и стимулирование интереса к русскому языку и к науке о нем, комплексно-филологический характер вопросов, связь с практическими задачами развития речи — вот то направление общесоюзных телевизионных олимпиад школьников по

**ПЕСЕНКА САМОГО ГЛАВНОГО ГРАМОТЕЯ
ИЗ СПЕКТАКЛЯ «КОРОЛЕВСТВО ОТ А ДО Я»
ТЕЛЕВИЗИОННОГО ЦИКЛА «ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ»**

Слова Феликса Кривина

Музыка Леонида Печникова

Легко, оживлённо

Я - друг и взрос-лых и де-тей - ста-рин-ный ваш при-я-тель.

Я - Са-мый Глав-ный Гра-мо-тей - ор-фо-граф и грам-ма-тик. Не по-на-слы-ше, а в ли-цо - вот так! - я знаю каждо-е слов-цо и знак. И да-же мне зна-ком сек-рет, как пи-шут сло-во „ви-нег-рет“, что нуж-но ста-вить а что нет пе-ред со-ю-зом „как“. ор-фо-граф и грам-ма-тик... Я - Самый Главный Грамотей!

русскому языку, которое, как нам представляется, может обеспечить их успех. А успех этот служит важнейшей задаче — поднять изучение русского языка в нашей стране на более высокий уровень. Вот почему мы присоединяемся к многочисленным пожеланиям участников телевизионной олимпиады, предлагающих, чтобы такие олимпиады проводились ежегодно и стали традиционными.

Член-корреспондент АПН СССР

И. Ф. ПРОТЧЕНКО,

старший научный сотрудник

Института русского языка АН СССР

В. В. ЛОПАТИН

Я — друг и взрослых и детей —
Старинный ваш приятель.
Я — Самый Главный Грамотей —
Орфограф и грамматик.

Не понаслышке, а в лицо —

Вот так —

Я знаю каждое словцо

И знак.

И даже мне знаком секрет,

Как пишут слово *винегрет*,

Что нужно ставить, а что нет

Перед союзом *как*.

Я — Самый Главный Грамотей,

Моя известна роль:

Порой без помощи моей

Не сможет сам король

Удвоить в слове букву *эн* —

Вот так —

Оставить *эн* без перемен —

Пустяк!

И не знаком ему секрет,

Как пишут слово *винегрет*,

Что нужно ставить, а что нет

Перед союзом *как*.

Я — друг и взрослых и детей —

Старинный ваш приятель.

Я — Самый Главный Грамотей —

Орфограф и грамматик...

Я — Самый Главный Грамотей!

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ПУТЕМ ЗАМЕНЫ МОРФЕМ

I

Рассмотрим такой текст: «Если он заморожен и затуркан, лучше уйди. А когда я дождусь другого состояния хозяина? Когда он *растуркается* и *разморочится*?» («Вечерняя Москва», 26 июня 1969). Как образован глагол *растуркаться*? С помощью присоединения приставки? Но к какому глаголу? Глагола *туркать* в русском языке нет. Приведенный текст ясно показывает путь образования этого слова: в глаголе *затуркать* была заменена приставки *за-* на приставку *раз-* (одновременно был присоединен и постфикс *-ся*). Так же возник и глагол *разморочиться*.

Образование слова путем замены приставки возможно и в том случае, если бесприставочный глагол имеется в языке, но с его помощью нельзя объяснить («мотивировать») значение приставочного глагола. Так, глагол *отклеить* обозначает 'отделить, оторвать что-либо приклеенное' и мотивируется отнюдь не глаголом *клеить*: с помощью этого глагола невозможно объяснить значение глагола *отклеить*. Глагол *отклеить* мотивируется глаголом *приклеить* и означает действие, аннулирующее результат действия по глаголу *приклеить*. Приставка *при-* глагола *приклеить* отсекается и заменяется на приставку *от-*. Аналогично образованы и такие глаголы, как *отколоть* (*от приколоть*), *отпаять* (*припаять*), *разгримировать* (*загримировать*), *разбронировать* (*забронировать*), *разминировать* (*заминировать*), *разгипсовать* (*загипсовать*), *разморозить* (*заморозить*), *раскутать* (*закутать*). Чаще всего в роли «заменителей» выступают глагольные префиксы *раз-* и *от-* (а также *за-*, если заменяется префикс *раз-*). Это не случайно: замена префикса часто осуществляется при образова-

нии глаголов со значением действия, результат которого противоположен результату действия по мотивирующему глаголу. Подобные замены нередко осуществляются на наших глазах при образовании окказионализмов. Молодой читатель пишет в редакцию журнала «Юность»: «Иногда меня просто тянет зарифмовать всю существующую прозаическую литературу!..». Редакция журнала отвечает ему в разделе «Каков вопрос — таков ответ»: «Дорогой Олег! Ну что Вам посоветовать?! Если тянет, то зарифмуйте! Только потом обязательно разрифмуйте! А то ведь так у нас литературы не останется...». Ясно, что глагол *разрифмовать*, отсутствующий во всех словарях современного русского языка, был образован в ответе редакции путем замены приставки *за-* в глаголе *зарифмовать* на приставку *раз-*. Слово с заменяемой приставкой, как правило, предшествует в тексте слову с заменяющей приставкой. Приведем еще ряд примеров таких замен: «Опять я *завалился* бумагами, когда я *разваляюсь* от всего этого» (из устной речи); «Тут *законсервировали* не плоды и овощи, а... саму фабрику... За два года консервации корпус фабрики изрядно подпортился. Когда это обнаружили, было принято решение: *расконсервировать* фабрику» («Вечерняя Москва», 10 июля 1964).

Слово с заменяемым префиксом легко устанавливается и в том случае, если оно отсутствует в тексте, содержащем слово с заменяющим префиксом; например употребительное в спортивном жаргоне *заминаться* — «совершать физические упражнения с целью постепенного уменьшения нагрузки на организм после выступления в соревновании», образованное путем замены приставки в глаголе *разминаться*: «Шарафетдинов, как говорят спортсмены, *заминается*» (из спортивного телерепортажа).

Образование глаголов со значением «противоположного результата» может происходить и без отсечения приставки мотивирующего глагола, но довольно редко, ибо в результате возникают глаголы, в которых соседствуют приставки с противоположными значениями, одно из которых предполагает отсутствие другого, например *разукрупнить*, *разукомплектовывать(-ся)*: «Не очищены от грязи и *разукомплектовываются* плуги и лущильники» («Крымская правда», 20 февраля 1963). Такие «нелогичные» глаголы иногда вызывают протест у носителей языка, однако, по-видимому, замена приставки *у-* на приставку *раз-* вообще не свойственна русскому словообразованию. «Нелогично» выглядит и глагол *отсоединить*, тем более, что существует близкий по значению глагол *отъединить* (см.: «Русская речь», 1969, № 5). Надо полагать, однако, что глагол *отсоединить* является результатом замены приставки *при-* в глаголе *присоединить* (*отсоединить* —

‘отделить что-либо присоединенное’); а глагол *отъединить* — приставки *со-* в глаголе *соединить* — ‘отделить что-либо соединенное’.

Кроме глаголов, означающих действие с противоположным результатом, путем замены приставок образуются глаголы со значением действия, осуществленного в противоположном направлении (по сравнению с действием, названным мотивирующим приставочным глаголом): «Я *воткнул* палку! — *Выткни* обратно!» (из устной речи).

II

О словообразовании посредством замены корня есть основания говорить лишь в том случае, если слово возникает «на глазах» носителя языка по образцу какого-либо конкретного слова. Недавно возникшее слово *осовременить* (в Словаре Д. Н. Ушакова оно еще не зафиксировано), по-видимому, такого образца не имело: оно возникло по модели *о-* + основа прилагательного + *-и(ть)*, представленной в языке многими словами: облагородить, обогатить, оголить, оздоровить.

Образец, по которому создан окказионализм, чаще всего присутствует в непосредственно предшествующем контексте. Приведем ряд примеров: «Люди смогут *учащать* или *урезать* ритм своего сердца» (из радиопередачи); «Дай *выстрадать* стихотворенье! Дай *вышагать* его!» (Самойлов. Счастье); «*Пятиборцы* оказались *нулеборцами*» («Советский спорт», 23 ноября 1968); «*Сиюминутность*, пожалуй, даже *сиюсекундность* спортивного телерепортажа под силу только весьма сведущему человеку» («Советский спорт», 16 сентября 1971).

Один и тот же неологизм в разных контекстах может возникнуть по образцу разных слов. *Безбабье* возникло в одном случае по образцу слова *безрыбье*, а в другом — *безлюдье*: «На *безрыбье* и рак рыба, на *безбабье* и Райка баба» (Смирнов. Эшелон); «Тут в *безлюдье* и, простите, в *безбабье*, омедвеживаемся вовсе» (Лиханов. Паводок). Но чаще всего «конкретный образец» один.

Создание окказионализма посредством замены корня обычно имеет своей целью «столкновение» образуемого слова и образца, по которому оно образовано. Заменяющий корень нередко тесно связан по значению с заменяемым: оба корня входят в группу слов, объединенную каким-либо семантическим признаком. «Тысячи людей, пришедших и приехавших на ярмарку, что называется, *собственноножно* полностью вытоптали травяной покров» («Советский спорт», 1 ноября 1972) (образец — *собственноручно*; корень *рук-* заменен на корень *ног-*); «Я думаю, что эта снисхо-

дательность; терпимость к „инакоговорящим“ — качество, необходимое не только литературному герою, но и в большей мере самому писателю» («Литературная газета», 24 сентября 1969) (ср. *инакомыслящий*); «Мы дожили до того, что теперь можно утверждать: „Человек — это таблеткопитающееся животное“» («Литературная газета», 16 февраля 1972) (*млекопитающееся*).

Такая «переключка» заменяющего и заменяемого корней может создаваться одновременно и смысловыми, и фонетическими («материальными») средствами: заменяющий корень нередко лишь на одну — две фонемы отличается от заменяемого. «Конечно, он болел иногда болезнью рифмы, *рифматизмом*, как он сам говорил» (Шкловский. О Маяковском) (*ревматизм*); «Что это — дань давно устаревшей моде иметь в своем огороде свою баню? Возможно и так. Однако давайте глянем в суть этой *банно-собственнической моды*» («Советская культура», 23 марта 1973) (*частнособственнический*); также *людовед* и *душелюб*, постоянно используемые в юмористическом разделе «Литературной газеты».

Корень слова может заменяться не только на корень другого слова, но и на составное наименование, состоящее из нескольких (обычно двух) слов, но в смысловом отношении эквивалентное слову; сравните *ясли* и *детский сад*:

Ведь теща — это *микроясли*,
А также *микро-детский сад*.

(«Крокодил», 1969, № 6)

III

Замена суффиксов существенно отличается по своим причинам и результатам от замен приставок и корней.

В некоторых случаях путем замены суффикса возникает слово того же значения, но имеющее иную стилистическую окраску — разговорную или просторечную. Так, слово *общежиха*, возникло, надо полагать, путем замены суффикса *-тие* на «экспрессивный» суффикс *-из(а)* в стилистически нейтральном слове *общежитие*: «Тимка распорядился подкинуть эти корзины в „общежику“» (Фоменко. Память земли). Сравните также *лиственница* и *листвяга*: «— Руби вона те *листвяги*, тащи сюда... Васятка направился было к трем небольшим *лиственницам*» (Комраков. До осени полгода) и др.

Значительно чаще замена суффикса не зависит ни от значения заменяемого суффикса, ни от значения заменяющего, а определяется фонемным строением этих суффиксов. В русских словах имеется довольно много фонем или их сочетаний, находящихся

ся в конце основы мотивирующего слова, но отсутствующих в составе многих мотивированных слов.

Если эти фонемы (сочетания фонем) обладают каким-либо словообразовательным значением, то они являются морфемами (суффиксами), если нет, то они являются частями других морфем. Так, элемент *-ец* в слове *ленинградец* является суффиксом: он в этом слове передает значение 'житель города, названного мотивирующим словом' и повторяется с тем же значением в других словах: *саратовец*, *астраханец*, *воронежец*, *волгоградец*. Но в словах *скворец*, *палец* или *немец* элемент *-ец* не обладает значением. Если значение слова *ленинградец* ('житель Ленинграда') легко «распределяется» по составляющим это слово частям (*ленинград* — Ленинград и *-ец* — житель), то значение, например, слова *палец* — 'подвижная конечная часть кисти руки, стопы или лапы животного' — таким путем «распределить» невозможно: мы не знаем, какую часть значения приписать элементу *пал-*, а какую — элементу *-ец* (если пытаться выделить в этом слове эти части). Ни один из этих элементов не повторяется в других словах с каким-либо значением, которое составляло бы часть значения слова *палец*.

Таким образом, в слове *ленинградец* элемент *-ец* является суффиксом, а в словах *палец*, *скворец*, *немец* — составляет часть корня.

В слове *беженец* этот элемент представляет собой часть суффикса *-енец* (корень этого слова *беж-*, сравните *бежать*).

Итак, один и тот же элемент, стоящий в конце основы слова, может быть либо суффиксом (*ленинградец*), либо частью суффикса (*беженец*), либо частью корня (*палец*). Но в словообразовательных процессах этот элемент ведет себя тождественно: он отсекается и на его месте появляются словообразовательные морфемы. От слова *беженец* — *беженский*, от *палец* — *беспалый*, от *ленинградец* образуется слово *ленинградка*. (Названия лиц женского пола, как правило, образуются от названий лиц мужского пола: *москвич* — *москвичка*; подробнее об этом см.: Е. А. Земская. О соотносительности однокоренных существительных мужского и женского рода со значением лица. — «Русский язык в национальной школе», 1970, № 5.)

Отсечение и замена элемента *-ец* очень распространены в русском словообразовании, хотя есть слова, в которых он сохраняется (с чередованием *ц* — *ч*: *резец* — *резцовый*, *кузнец* — *кузнечить*, *купец* — *купеческий*).

Не менее распространена в русском словообразовании замена таких конечных элементов основ существительных, как *-иј-*, *-ј-*, *-к-*, *-ок-* и *-ик-*. Так, в словах *участие* и *лицемерие* элемент *-иј-*

является суффиксом: в первом — со значением «действия» (участвовать — участие), во втором — со значением «определенного качества» (лицемерный — лицемерие); в словах *перерождение*, *сомнение* *-иј-* входит в состав суффикса *-ениј-*, а в слове *препятствие* — в состав корня. Элемент *-иј-* отсекается далеко не всегда: событие — событийный, событийность; орудие — орудийный, житие — житийный.

Аналогично ведут себя и другие перечисленные конечные элементы основ существительных; *-ј-*: *счастье* — *счастливый* (не отсекается перед *-ов* в *белье* — *бельевой*, *сырье* — *сырьевой* и др.); *-к-*: *шкурка* (от *шкура*) — *ошкурить*, *мальчишка* — *мальчишеский*; *скрипка* — *скрипач* (не отсекается в *нянька* — *нянчить*, где чередуется с *ч*; *известка* — *известковать* и др.); *-ок-*: *суглинок* (от *глина*) — *суглинистый*; *кусок* — *кусина* (нет усечения в *кусок* — *кусочник*, *черенок* — *черенковать* и др.).

У прилагательных наиболее часто заменяемыми элементами являются *-н-*, *-к-*, *-ск-*, *-ок-*: *безлюдный* — *обезлюдеть*, *низкий* — *занизить*, *антисоветский* — *антисоветчик*, *высокий* — *вышина*.

В глаголах чаще всего заменяются конечные гласные основы инфинитива *-и-*, *-а-* и другие, которые могут быть как суффиксами, так и «тематическими гласными» (или «классовыми показателями»), не передающими никакого значения. В словах *сушить*, *высушить* *-и-* является суффиксом (глагол *сушить* мотивирован прилагательным *сухой*, а суффикс *-и-* передает семантическое отношение между мотивирующим и мотивированным словом: *сушить* — «делать сухим»), одновременно *-и-* в этом слове является и «тематическим гласным», указывающим, к какому из словоизменительных классов принадлежит этот глагол. В немотивированных словах *говорить*, *носить* *-и-* является только классовым показателем, не имеющим никакого значения. Но в словообразовательных процессах эти фонемы *и*, *а* и другие ведут себя одинаково: они отсекаются перед всеми суффиксами, начинающимися на гласную, например перед *-ива-* (*высушить* — *высушивать*; *выровнять* — *выравнивать*), перед *-ение* (*сушение*), и перед частью суффиксов, начинающихся на согласную — перед *-к(а)* (*сушка*, *читка*); *-щик*, *-ник*, *-лив-*, *-н-*, *-енн-*, *-ск-*, *-ист-*, *-чат-* и многие другие. Перед суффиксами, начинающимися на согласную, конечные гласные инфинитивной основы отсекаются: перед *-тель* (*сушитель*, *читатель*); *-льщик* (*сушильщик*); *-льн-* (*сушильный*, *говорильный*, *читальный*); *-лк(а)* (*сушилка*, *читалка*). Исключение составляют образования от глаголов, имеющих в инфинитиве односложный корень на гласную: *греть* — *грелка*.

Наряду с суффиксами, состоящими лишь из конечных гласных мотивирующих глаголов, могут заменяться суффиксы, состо-

ящие из большего числа фонем, например суффиксы *-ова* (коронавать — коронация), *-ыва-* (вкладывать — вкладыш).

Таковы разные виды замены морфем, существующие в русском словообразовании. Как видим, замена суффикса в большинстве случаев представляет собой формальную часть словообразовательного механизма. Замена приставки, напротив, никак не связана с ее формой (фонемным составом), а осуществляется чаще всего для создания слов противоположного значения по сравнению с мотивирующим приставочным словом. Наконец, замена корня производится лишь при создании окказионализма, играющего роль стилистического средства благодаря смысловым связям, сохраняемым с «исходным» словом.

И. С. УЛУХАНОВ

С ПОМОЩЬЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

Уже почти год по второму каналу «Эн-Эйч-Кэй» регулярно передаются уроки русского языка. Программа, в которой преподавание языка сопровождается широкой демонстрацией специально подготовленных советских короткометражных фильмов, рассказывающих о жизни и быте советских людей, о многонациональной культуре советского народа, полюбилась японскому зрителю, приобрела

за это время широкую популярность.

Проведенный подсчет показал, что сейчас уроки русского языка регулярно смотрят свыше 300 тысяч человек. И это не только школьники, студенты, молодежь, но и люди пожилого возраста, которые хотят больше знать о Советском Союзе.

«Учительская газета», 23 марта 1974

Общество польско-советской дружбы (ОПСД) — ровесник возрожденной Польши. Важнейшая задача общества, всех его воеводских отделений и первичных организаций — укрепление братской дружбы между польским и советским народами, пропаганда достижений Советской страны в области народного хозяйства, науки и культуры. Многообразны формы деятельности общества. И одна из них — традиционные олимпиады по русскому языку,

которые пользуются большой популярностью среди учащейся молодежи.

Недавно во всех воеводствах Польши проводился третий тур олимпиады по русскому языку. Ему предшествовала большая подготовительная работа: олимпиады прошли в школах, лицеях, техникумах, училищах, были проведены районные и городские олимпиады.

«Учительская газета», 6 апреля 1974

О НАЗВАНИЯХ ЖИТЕЛЕЙ

ПСКОВ

-ИЧ?
-ИТИН?
-ИТЯНИН?
-ИЧАНИН?
-ЧАНИН?
-ЕЦ?
-ЯНИН?
-ЯК?

Вопрос о словообразовательной норме в названиях жителей, о действующей тенденции развития лексики, служащей для названия лиц по месту жительства, интересует многих. Это нашло отражение на страницах журнала «Русская речь» (Г. И. Петровичева. О неуклюжих *-чанах* и словообразовательной норме.— 1967, № 1; Г. И. Петровичева. Живут ли «мамки» в поселке Мама.— 1967, № 6; А. А. Абдуллаев. Давно ли появились *-чане*.— 1967, № 1).

В нашей заметке делается попытка заглянуть в глубь процесса формирования названий лиц по месту жительства, сознательно подойти к объяснению существующего разнобоя в названиях жителей.

Для выявления тенденции развития того или иного звена словообразовательной системы необходимо провести наблюдения над изменениями в нем за сравнительно большой срок. С этой целью сопоставим названия жителей, зафиксированные при подписании Уложения 1649 года, с современными.

Около 300 человек подписало Уложение 1649 года. Более 100 подписей, сопровождаются самоназваниями по месту жительства, например: *новгородец* Семен Путилов руку приложил; *карачевец* Григорей Юрасов вместо *одоевцов* Фалимера Шетилова да Федора Колунаева и вместо *орлян* Воина Козина да Козарина Булгакова по их веленью руку приложил (Приложение к книге «Уложение государя, царя и великого князя Алек-

сея Михайловича». М., 1913). Используемый здесь материал ценен тем, что перед нами самоназвания: несамоназвания часто искажают действительную языковую картину.

Вот выявленный материал (форму родительного падежа названия находим тогда, когда подпись была несобственноручной): алатарец, алаторец, алексинца, арзамасец, арзамасца, атемарец, бежачанин, бежеченин, белгородец, белгородца, белевец, белевца, белозерца, болохонец, болховитин, болховитина, брянченин, великосолца, верейтина, вологжанина, вологженина, володимерец, володимерца, воронежец, вороженцов, волоченин, вятчанин, вятченин, вязметин, вязмитин, галичанин, гдовлянина, гороховленин, деминовца, дмитриевца, дмитровца, елчанин, зарайченина, зубченин, кадашевец, кадомец, казанец, карачевец, каширенин, клинненин (г. Клин), козмодемьянец, кодашевец, козлитин, козмитина, колмогорца, коломлетина, коломнетин, колужанин, колуженин, колуженина, костромитин, костромитина, кромченина, кузмодемьянца, курмышина, курмышенин, курчанин, ладоженин, ливенцов, лихвинец, луховец, лучан, лучанин, лученин, лушанин, лушанина, мецнянин, мецнянина, мещенин, мещенина, мещеренин, муромец, муромца, неремченина, нижегородец, новгородец, новосилец, новосиль, новоторжца, новоторца, одоевца, одоевцов, опоченин, орзамасец, орлян, осколенина, переславец, пошехонец, псковитин, порховитин, пусторжевец, пусторжевца, путивлец, путивльца, резанец, резанца, ржевитина, романовец, ростовец, руженин, рылинина, санчуринина, свияженин, серпуховитина, смольянина, соловлян, стареченин, стародубец, староружнина, суздалец, тверетин, тверитин, торопчанин, торопчанина, торопченина, торушлинина, тулен, углеченин, углеченина, уфинцов, уфинца, чаранец, чебоксаренин, чердынец, черниговец, чернян, чухломец, цивелинина, шуенина, ядринца, ялатомца, яранец, яронец, ярославец, ярославца.

В некоторых случаях вместо специального названия жителя была использована описательная форма: яронец посадкой человек... вместо Боровского города посацкова человека... да города Вереи посацкова человека... да города Кременеска посацкова человека... да вместо города Менска Петрушки... да Ряскова города посацкова человека; Бежичкова Верху Богдан; Василья Городца посацкова человека Ондreja; Новгородка Северского Иван Люпин; Переславль Залескова Ондрей Головин; Юрьева Полскова Федор и др.

Как видно из приведенного материала, наиболее часто отмечаются названия, образованные при помощи суффикса *-ец*. Основная масса этих названий продолжает употребляться и в настоящее время, лишь у некоторых названий существовали или существуют в настоящее время варианты.

Употребляются в настоящее время: алатырец (г. Алатырь Чувашской АССР), алексинец, арзамасец, белгородец, белозерец, владимирец, карачевец, казанец, кашинец, ливенец, лихвинец (г. Лихвиц Тульской области до 1944 года), новосилец, одоевец, пусторжевец, переяславец, путивлец, рязанец, стародубец, уфимец, черниговец, ядринец (г. Ядрин Якутской АССР), ярославец.

Названия, в которых сохранился суффикс *-ец* до настоящего времени, но были варианты: белевец — *устар.* белевич, воронежец — *устар.* воронежанин, дмитровец — *устар.* дмитровчанин, новгородец — *устар.* новгородчанин, сольвычегодец — *устар.* сольвычегодчанин, новоторжец — *устар.* новоторжанин. Названия, у которых до сих пор существует конкурирующий вариант: муромец — муромчанин, ростовец — ростовчанин (г. Ростов Ярославской области), кадомец — кадомчанин (пос. Кадом Рязанской области), чердынец — *разг.* чердак (г. Чердынь Пермской области), пошехонец — *разг.* пошехон (г. Пошехонье), каргополец — *разг.* каргопол.

Очень редки случаи вытеснения названий с суффиксом *-ец*: житель города Луховицы Московской области называется *луховчанин* (в Уложении находим *луховец*), житель Суздаля Владимирской области называется, по-видимому, только *суздальчанин* (в Уложении фиксируется *суздалец*).

Отдельные названия с суффиксом *-ец*, встретившиеся в Уложении, затруднительно прокомментировать или поместить в ту или иную рубрику.

Названия с суффиксом *-анин* (*-янин/-енин*) встречаются несравненно реже, чем названия с суффиксом *-ец*; они оказались менее устойчивы. В настоящее время употребляются: бежечанин (г. Бежецк), ельчанин, колужанин, опочанин, старичанин (г. Старица), торопчанин (г. Торопец), угличанин, чернянин (с. Чернь Тульской области), шуянин.

Названия, у которых был вариант: галичанин — *устар.* галивон, рылянин — *устар.* рыльчанин, рыльцы (г. Рыльск), цивильянин — *устар.* цивилец (г. Цивильск Чувашской АССР). Названия, у которых вышеуказанный суффикс был заменен: брянченин — *совр.* брянец, воложенин/воложжанин — *совр.* вологодец, каширенин — *совр.* каширец, мещенин — *совр.* мещовец (г. Мещовск Калужской области), орлянин — *совр.* орловец, осколенин — *совр.* староосколец, чебоксаренин — *совр.* чебоксарец, гороховленин — *совр.* гороховчанин, вятчанин/вятченин — *совр.* вятч.

Сравнительно много названий в Уложении 1649 года зарегистрировано с суффиксом *-итин* (форма множественного числа имела суффикс *-ич*: вязьмитин — вязьмичи).

Ни одно из названий с указанным суффиксом не сохранилось до настоящего времени: вериетин (*множ. ч.* вериечи) — *совр.* ве-

реец (г. Верея Московской области), коломнетин/коломлетин — *совр.* коломенец (*устар.* коломчанин), болховитин — *совр.* болховчанин, козлитин — *совр.* козельчанин (г. Козельск), серпуховитин — *совр.* серпуховчанин, псковитин — *совр.* псковичанин (из старой формы — псковичи), костромитин — *совр.* костромич (из старой формы — костромичи), вязметин/вязмитин — *совр.* вязьмич (из старой формы — вязьмичи).

С суффиксом *-чанин/-ченин* в Уложении 1649 года отмечается лишь два названия: кромченин (г. Кромь), курчанин. В настоящее время название *кромчанин* сохраняется (*устар.* кромич, кромлянин, кромец), название *курчанин* было вытеснено названием *курянин* (*разг.* куряк).

Самым распространенным суффиксом для образования лиц по месту жительства был в середине XVII века *-ец*; он оказался самым устойчивым: почти все названия с *-ец*, судя по нашему материалу, сохранились (здесь не принимаются во внимание выбывшие из употребления названия населенных пунктов); варианты суффиксы лишь незначительно затронули сферу функционирования *-ец*; отмечается даже много случаев вытеснения названий с суффиксами *-анин/-янин(-енин)*, *-итин* названиями с *-ец*; с тем же суффиксом нередко возникали варианты названия. Сдерживающим фактором еще большего распространения суффикса *-ец* в указанной функции является в настоящее время его многозначность (так, его использование для образования названий жителей городов *Мичуринск, Красногвардейск, Ленинск, Киров, Кировск, Комсомольск* и т. п. приводит к нежелательной омонимии).

Суффикс *-анин/-янин (-енин)* в середине XVII века часто использовался для образования названий лиц по месту жительства. В последующий период, особенно начиная с XIX века, действует четко выраженная тенденция к вытеснению его суффиксом *-ец*, единично суффиксом *-чанин, -ич* (правда, появляющееся варьирование не всегда приводит к вытеснению названий с интересующим нас суффиксом).

В XVII веке многие названия лиц по месту жительства имели суффикс *-итин*. В последующий период они постепенно вытесняются названиями с суффиксом *-ец, -чанин* или же происходит более строгая соотношенность между формами единственного и множественного числа: от формы на *-ичи* образуется форма на *-ич*, например, было *костромитин* — *костромичи*, стало *костромич* — *костромичи*.

Суффикс *-чанин (-ченин)* в середине XVII века в названиях лиц по месту жительства встречается единично, но уже наметилась тенденция к его постепенному расширению, что можно объяснить однозначностью этого суффикса (Е. А. Левашов. Москвичи и иных мест люди. Л., 1968).

Знакомясь с рассмотренным в статье материалом, легко убедиться, что названия лиц по месту жительства возникают в разное время, имеют длительную историю развития, тесно связанную с именами собственными, что сильно мешает их унификации по словообразовательному типу; всем этим нужно объяснить и чрезвычайную пестроту словообразовательных типов, нечеткость и некоторую противоречивость тенденций их развития.

*Доктор филологических наук
И. С. КОЗЫРЕВ*

Выходит из печати «Словарь русского языка XI—XVII вв.»

Выпуском первым (М., 1974) начинается издание «Словаря русского языка XI—XVII вв.», который дает представление о лексической системе русского языка в ее развитии. «Словарь русского языка XI—XVII вв.» является прежде всего словом-справочником, необходи-

мым для чтения и перевода памятников русской письменности. Он составлен на базе Картоteki Древнерусского словаря XI—XVII веков (Институт русского языка АН СССР), содержащей богатое собрание выписок из разнообразных древнерусских письменных источников XI—XVII веков, и будет включать до 60 тысяч слов (в Словаре И. И. Срезневского около 40 тысяч слов).

Указатель источников к Словарию издается отдельной книгой, что облегчит читателю работу с любым из его выпусков.

«Словарь русского языка XI—XVII вв.» рассчитан на широкий круг читателей-специалистов, занимающихся проблемами материальной и духовной культуры русского народа (языковедов, литературоведов, историков, археологов, этнографов, правоведов и т. п.).

Словарь олонецкого наречия Г. И. Куликовского

Появлением Словаря олонецкого наречия мы обязаны энтузиазму Германа Илларионовича Куликовского. Он был известным в свое время ученым-этнографом: занимался описанием быта, обычаев и нравов жителей Олонецкой губернии и собиранием произведений народного творчества в этих местах, опубликовал ряд заметок и статей на эту тему. Куликовский — активный участник Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. Им составлен библиографический указатель к журналу «Этнографическое обозрение», издававшемуся этим обществом.

Еще студентом, начав в 1885 году свою собирательскую деятельность, Куликовский вместе со своим товарищем В. А. Мошковым (тоже будущим этнографом) объездил на лодке всю Олонецкую губернию. В работе по собиранию диалектных слов Куликовского поддерживали такие крупные ученые, как академик А. А. Шахматов, географ П. П. Семенов (в то время президент Русского географического общества), профессора В. И. Ламанский и В. Ф. Миллер.

Однако Куликовскому пришлось долго хлопотать об издании составленного им Словаря (за это время Словарь дважды едва не погиб от пожара), пока, наконец, Второе отделение Академии наук не взялось его напечатать.

Перед изданием Словарь был просмотрен и дополнен академиком Шахматовым (его дополнения, как вообще все материалы, записанные не самим Куликовским, в работе соответственно отмечены). Словарь областного олонецкого наречия вышел в свет в 1898 году. А в 1901 году Вторым отделением Академии наук Словарю Куликовского была присуждена премия имени М. В. Ломоносова.

Словарь Куликовского представляет собой наиболее полное собрание олонецких слов. Дело в том, что Куликовский поместил не только слова им собранные, но также все олонецкие слова, которые он нашел в опубликованных этнографических, лингвистических и фольклорных статьях и заметках (из Олонецких губернских ведомостей, журнала «Живая старина» и изданий «Русского географического общества»), а также все слова с пометой «олонецкое» из Словаря В. Даля. Это обеспечивало известную полноту Словаря, но в то же время имело и отрицательную сторону, поскольку не все слова имели точное указание на место записи и не всегда значение их было правильно записано собирателем-любителем.

Как и А. О. Подвысоцкий в Словаре архангельского наречия, Куликовский включает бытовую лексику с различными местными выражениями и оборотами речи, лексику местных промыслов, обрядов, обычаев, народной медицины, народных игр, слова, относящиеся к местным верованиям.

Словарь Куликовского во многом напоминает Словарь Подвысоцкого: тот же этнографизм (обилие разного рода этнографических сведений), наличие в нем большого разряда местной терминологической лексики с подробным толкованием ее, большое количество пословиц и поговорок. Недаром название Словаря полностью совпадает с названием Словаря Подвысоцкого. Все это не случайно: Куликовский сознательно придерживался тех же взглядов на составление областных словарей, что и Подвысоцкий, а взгляды были в значительной мере обусловлены духом времени (об этом уже упоминалось — см.: «Русская речь», 1974, № 1).

В Словаре Куликовского собрано большое количество разнообразных фразеологических выражений. Такие выражения и обороты можно найти в статьях на отдельные диалектные слова; кроме того, они могут быть объединены в отдельную статью при каком-то общенародном слове, включенном в Словарь ради приведения этих фразеологизмов: такова, например, статья на слово *пень*, где приводится фразеологизм *в пень вырубил* — «все вырубил, одни пни торчат» или статья *поход*, где находим только фразеологические выражения: *в поход идти*, что значит «идти вслед за кем-нибудь, идти по тому же пути, нагонять, преследовать кого-либо» (Я ему шел в поход, а он навстречу) и *в поход ходить*, означающее «ходить из угла в угол, из конца в конец селения, города, без усталы, не отдыхая, не садясь».

Большая часть фразеологизмов выделяется в самостоятельные статьи: и не только те, которые состоят из слов общенародных, как выражение *клубом сердце вьется*, значащее, что человек испытывает сильное горе, отчаяние, страдание, или *глаза с глазом не*

было — говорят о ком-либо, кто совсем не спал, не смыкал глаз, но и фразеологизмы, имеющие в своем составе диалектное слово, как *одоли берут* — 'изумление овладевает', *ростучий огонек* — 'жар, лихорадочное состояние у маленького ребенка'.

Богатство приведенных Куликовским фразеологических выражений вместе с теми фразеологизмами, что собрал в своем Словаре Подвысоцкий, явилось своеобразным открытием: оно красноречиво свидетельствовало об образности и выразительности языка русских северян. Читатели находили примеры на каждой странице Словаря. Про молчаливого, необщительного человека на Севере говорят: *перво слово скажи — не ответит; дождем бежать, бежать как дождь* — это значит 'бежать толпой или врассыпную', а выражение *собраться на ум* у олончан означает 'подумать о чем-либо, представить себе что-либо' (Не могу, любка, и на ум собраться).

Слова расположены преимущественно в алфавитном порядке, хотя автор так же, как и Подвысоцкий, прибежал к объединению нескольких слов в одной словарной статье, но делал это гораздо реже, объединяя главным образом слова-синонимы, а не вообще родственные слова, как это сделано в статье *Поровенки, поровеночки* — 'ровня, ровесник, однолеток' (Где-то есть у молодешеньки дорожке поровеночки. Песня) или в статье *Сугрэва, сугрэва, сугрэвушка, сугрэва моя теплая, сугрэвушка* — 'ласковое обращение к женщине'. Поэтому статьи в Словаре Куликовского короче (исключая, конечно, статьи с энциклопедическими толкованиями).

В Словаре большинство слов имеет краткие, лаконичные толкования, как *сторонник* 'челюдим, кто бегаёт от людей, дичится', *околежь* 'озябнуть, промерзнуть' (Ребята ваши страсть околели!), *овершье* 'верхний слой сена в стоге'; другая часть слов толкуется путем перевода на литературный язык: *ольга* 'болото', *опереж* 'прежде', *отняться* 'отказаться', *пригореться* 'влюбиться'.

Терминологическая лексика (рыболовецкая, сельскохозяйственная и др.) имеет пространные, энциклопедические толкования с детальными объяснениями внешнего вида и устройства реалий и их применения. Подробно объясняются различные устройства для ловли рыбы, охотничьи ловушки на зверей (в статье *поездок* или *сетка* не только рассказывается, как вяжется этот рыболовный снаряд, но указывается также, как ловить им и какую рыбу; приводится даже его цена). Целую страницу занимает описание *невода* (*неведа*); такие же пространные, детальные описания получают *мережа, мерда, мутник* и другие рыболовные снаряды и снасти. Очень подробно толкуются слова терминологического характера, относящиеся к местному быту, обычаям, нравам, а также лексика народной медицины и т. п. При этом приводятся различные приметы, поверья, сведения из народной медицины. Примером может

служить статья с заголовком: *он, сам, хозяин, овсяник, зверь и реже грядной* — такими словами, по свидетельству Куликовского, олончане называют медведя. Далее следует объяснение, почему, говоря о медведе, олонецкие жители употребляют именно эти слова; здесь же приводятся местные суеверия, приметы, поверья и обычай, связанные с медведем.

Такие сведения можно найти и при других словах, например в статье на слово *желанный* 'приветливый, способный на сильную привязанность, любящий'. Как сообщает автор, олонецкие крестьяне лебедя называют «желанной птицей» за то, что, по их поверью, он не может пережить смерти своей пары, и в случае гибели одного из них, живой, поднявшись на большую высоту, бросается вниз и разбивается о землю. Веря в эту красивую легенду, крестьяне Олонецкой губернии никогда не стреляют в лебедей.

Как и в Словаре Подвысоцкого, у Куликовского почти отсутствуют грамматические пометы; но тем не менее о грамматических особенностях олонецких говоров можно судить по богатому материалу записей живой речи и по некоторым приемам, использованным автором, чтобы показать отмеченные им местные грамматические черты олонецких говоров.

Наконец, несомненным достоинством Словаря были иллюстрации употребления слов в живой речи, которые вместе с выражениями и оборотами, пословицами и поговорками подтверждали богатство народной речи. Этим интересна статья *пал, паль* — 'выжженное в лесу место для посева ржи, репы и т. п.'. Здесь же говорится, что собранные с этого места обгоревшие стволы и пни зовутся *палбвый лес*, а поляна, расчищенная таким способом, называется *палбвым полем*.

Примечательна также статья на слово *надия* со значением 'надежда'. В этой статье можно найти не только примеры употребления этого слова в живой речи (На отца надия нуе плохая!), но также и выражения: *Надия ты наша! И надия моя крепкая!* — их адресуют человеку, от которого надеются что-либо получить, ждут помощи, поддержки.

Можно привести еще статью на слова: *пясть, пясточка, пястка* — 'щепотка, горсть, горсточка' (Дай пясточку муки. Нет ли пясточки соли до завтра?). По свидетельству автора, *пясть* означает у олончан также 'меру кудели, часть горсти'. Из этой же статьи можно узнать, что скупого человека дразнят *скупая пясть*, а выражение *душа в пясти* употребляют, когда хотят сказать, что кто-то сильно испугался (Не говори, не спрашивай, у него душа в пясти).

О. Д. КУЗНЕЦОВА
Ленинград

Второй Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы

В сентябре 1973 года в городе Варна (Болгария) состоялся второй Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Конгресс проходил под патронатом Председателя Государственного совета Народной Республики Болгарии Тодора Живкова. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Николай Викторович Подгорный в своем послании конгрессу подчеркнул важную роль съезда и выразил благодарность всем преподавателям русского языка и литературы за их вклад в дело всеобщего мира и прогресса.

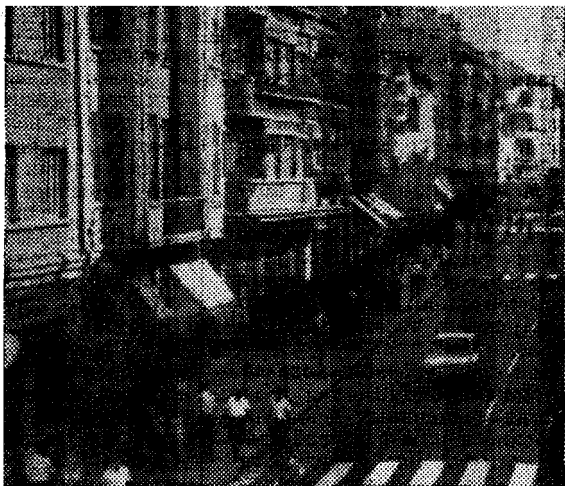
В докладах президента МАПРЯЛ академика М. Б. Храпченко (СССР) и генерального секретаря профессора В. Г. Костомарова (СССР) было отмечено международное значение русской литературы, ее демократических и гуманистических тенденций, подчеркивалась возрастающая роль русского языка в современном мире. В 87 странах мира изу-

чается русский язык, почти полторы тысячи посланцев представляли на конгрессе 54 страны. Здесь были руководители кафедр русского языка и литературы зарубежных вузов, преподаватели и методисты средних школ, активные члены Обществ дружбы с СССР, представители различного рода ассоциаций, способствующих распространению русского языка, русской литературы и шире — русской культуры в своих странах.

Успешному проведению конгресса способствовала большая организационная работа наших друзей, членов Общества русистов в Болгарии.

Основная тема конгресса «Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному» была конкретизирована в работе секций и в общих пленарных докладах: А. Менац (СФРЮ) «Сопоставительное изучение языков и теория учебников»; С. Сятковского (ПНР) «О структуре учебников иностранного языка»; К. Габка (ГДР) «О соотношении теоретического курса русского языка и практических занятий при подготовке филологов»; О. Митрофановой, В. Иванова и Т. Одинцовой (СССР) «Лингвистические и методические основы учебника русского языка для специалистов-нефилологов». Секция первая объединяла доклады на тему «Учебники и учебные пособия по русскому языку для школ», вторая обсудила доклады об учебниках и учебных пособиях по русскому языку для филологов, третья — учебники и учебные пособия по русскому языку для специалистов-нефилологов, четвертая занималась учебниками и учебными пособиями по русскому языку для курсов, кружков и краткосроч-

Улица
В. И. Ленина
в Варне

ных форм обучения. Пятая рассматривала учебные словари русского языка, шестая — технические средства обучения русскому языку, седьмая объединила тематику, связанную с изучением русской литературы, и все проблемы страноведения, последняя, восьмая секция, занималась общими проблемами изучения русского языка и вопросами теории учебника.

Тезисы всех докладов опубликованы в специальном издании «МАПРЯЛ. Общество русистов в Болгарии. Второй Международный конгресс преподавателей русского языка и литературы. Теория и практика создания учебников и учебных пособий по русскому языку как иностранному. Тезисы докладов и выступлений» (София, 1973).

Пленарный доклад С. Сятковского (ПНР) носил в известной мере общеметодологический характер. В докладах Б. Есаджания (СССР) и И. Мельниченко (СССР) рас-

сматривались вопросы психологического обоснования структуры учебных пособий, было показано, что для понимания процесса формирования речевых механизмов как на родном, так и на неродном языке большое значение имеет «теория поэтапного формирования умственных действий», предложенная профессором МГУ П. Я. Гальпериным и нашедшая развитие в трудах ряда советских психологов, лингвистов и методистов.

В докладе М. Вятюгнева (СССР) подчеркивалось, что теория учебника — это новый, формирующийся раздел методики составления, художественного оформления и использования учебника. Автор обратил внимание на то, что для теории учебника важна не только и, пожалуй, не столько та часть лингвистики, которая изучает язык как структуру, сколько тот отдел лингвистики, который занят изучением языка как деятельности, как творчества.

Методика обучения как устному, так и письменному языку поставила вопрос о соотношении этих разделов в учебниках. Необходимость усвоения сначала устного языка обосновал в своем докладе М. Галя (ЧССР). Академик АПН СССР Н. М. Шанский (СССР) подчеркнул, что одну из основных задач следует видеть в определении «лингвистических границ» учебника, в создании словарей-минимумов, в отборе словарного и текстового материала.

Как в пленарном докладе А. Менац (СФРЮ), так и во многих секционных докладах, особенно в работе первой секции, всесторонне обсуждался вопрос о сопоставительном изучении языков (в отношении к теории учебника). Во всех докладах на эту тему подчеркивалась мысль, что контрастный метод построения учебника не связан с простым параллельным изложением материала о строе двух языков, когда параллельное использование в учебнике русского и родного языка рассеивает внимание учащегося и мешает усвоению материала. Обсуждение контрастного метода связывалось с наиболее общей проблемой взаимосвязи лингвистической теории и педагогической практики. Определяя возможность применения сопоставительного языкознания в педагогической практике, авторы докладов обращают внимание на вопросы языковой интерференции, а в связи с этим — на разработку системы ошибок и их иерархии. Поэтому учебник русского языка для иностранцев, оставаясь однозначным и относительным, в то же время может быть разным для монголов, венгров, французов и других народов, так как учебный материал распределяется и орга-

низуется различно по критериям трудности и ошибок, вызываемых интерференцией.

Среди докладов на заседаниях второй секции были и такие, в которых излагались результаты опыта работы над пособиями с учетом сопоставительного изучения языков.

О том, что второй конгресс МАПРЯЛ придает большое значение контрастивному методу при разработке теории и практики учебников русского языка для иностранцев, свидетельствует решение Генеральной Ассамблеи МАПРЯЛ о создании новой секции «Сопоставительное изучение языков». Председателем секции избран С. Галсац (МНР). О соотношении теоретического курса русского языка и практических занятий говорилось не только в связи с контрастивным методом, но и в связи с обсуждением вопроса о том, какие именно теоретические работы должны лечь в основу практической деятельности. Так, в докладе К. Габка (ГДР) подчеркивалось, что теоретический курс языка не является самоцелью преподавания; он должен соответствовать основному назначению языка как средства общения.

Роли синтаксиса как основы учебника по русскому языку для филологов был посвящен доклад М. Кубика (ЧССР); об организации синтаксического материала в учебных пособиях говорил и Л. Ю. Максимов (СССР). И снова обращалось особое внимание на семантическую характеристику синтаксических моделей. О практическом значении теории валентности, об определении нужных при изучении языка как коммуникативного средства семантико-синтаксических конструкций, о значении логико-семантической функции слов в таких моделях подробно гово-

*Памятник
архитектуры
в Варне*

рилось в докладе В. Мюльнера и Д. Радтке (ГДР).

Во многих докладах подробно рассматриваются вопросы теории и практики обучения фонетике и интонации.

Кроме постоянной темы о характере вводного фонетического курса, на конгрессе обсуждались и более сложные вопросы практики преподавания. Так, в докладе П. Полья (Франция) обращено внимание на то, что при значительном опережении в изучении языка устных форм речи без всякой ссылки на графику и орфографию, возрастает роль фонологии как теоретической базы морфологии, и в связи с этим методисты сталкиваются со значительными трудностями, так как до сих пор не решен вопрос о месте и объеме фонологии в учебниках различного типа.

В докладах о наглядных пособиях значительное место отводилось психологии воспри-

ятия устной и письменной речи. В этой связи примечателен доклад Д. Карамбеласа (США) о русской фонетике в цвете. Автор показывает трудности применения фонетической транскрипции наряду с орфографическим письмом в средней школе и намечает пути преодоления этих трудностей.

В основе многих докладов третьей секции, естественно, лежали вопросы специфики научного стиля: рассматривалась проблема своеобразия термина, отбора терминов при изучении языка специальности, учебных текстов, подготавливающих усвоение научных публикаций и под.

Во многих докладах обращалось внимание на значительные методические трудности, возникающие при создании учебных пособий по русскому языку для студентов-нефилологов, из-за недостаточной разработки общей теории функциональных стилей языка (докла-

ды Н. Лариохиной и В. Таничевой, СССР).

Конгресс уделил особое внимание роли различного рода учебных словарей, выделив специальную пятую секцию — об учебных словарях русского языка. Правда, здесь приходится не столько подводить итоги, сколько говорить о задачах будущего: учебных словарей пока подготовлено мало, технические средства для отбора слов и составления словника почти не используются. Поэтому необходимо обосновать критерии отбора лексических единиц, определить характер словарной статьи в учебных словарях, принципы составления словарей разного типа: толковых, двуязычных, словарей терминов, словарей служебных слов, частотно-стилистических, энциклопедических, фразеологических, словарей-минимумов по специальностям, словаря сочетаемости слов, обратных словарей, синонимических, словаря русской разговорной речи и других.

Ясно, что всю эту огромную по объему и сложную по содержанию работу невозможно провести в обозримые сроки без хорошей организации подобной работы.

Об одном опыте организации такой работы в Институте прикладной лингвистики при Дрезденском техническом университете рассказывает в своем докладе Э. Бауманн (ГДР). Здесь составляются словари объемом от 50 до 60 тысяч слов, а также так называемые «малые» словари по специальности. Словари по специальности содержат примерно 5 000 терминов и рассчитаны главным образом на самостоятельную работу с оригинальной литературой. При составлении словариков и специальных словарей осуществляется сотруд-

ничество между преподавателями русского языка и специалистами соответствующих областей науки.

Анализ учебных пособий по русской и советской литературе и страноведению и определение задач по созданию таких пособий составило содержание работы седьмой секции. Среди общих проблем обсуждались такие, как проблема национального и интернационального в курсе советской литературы в зарубежных университетах (доклад Л. Бурчак, СССР), об использовании результатов сравнительного литературоведения в учебных пособиях (доклад Т. Бялокозович, ПНР), о построении учебного курса русской литературы в свете типологического изучения (доклад В. Велчева, НРБ), о значении русской литературы для понимания русской истории.

Многие доклады были посвящены страноведческому аспекту преподавания литературы, частным вопросам изучения русской литературы в средней школе и вузах отдельных стран, а также подготовке специальных хрестоматий по русской и советской литературе для иностранцев. После закрытия конгресса в течение 10—12 сентября 1973 года шли заседания Генеральной Ассамблеи МАПРЯЛ. Были выбраны на следующие три года президент МАПРЯЛ — академик М. Храпченко (СССР), генеральный секретарь — профессор В. Костомаров (СССР), вице-президенты, казначей, члены исполнительного совета. Определено место следующего конгресса в 1976 году — город Варшава (ПНР). Общая тема следующего конгресса — научные основы преподавания русского языка как иностранного.

*Профессор
К. В. Горшкова*

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ КУРИЦЫ

В русских народных говорах бытует более ста пятидесяти различных наименований курицы. Чем объяснить такое многообразие? Курица повсеместно известна на обширной и богатой диалектами территории СССР. Она разводится чаще любой другой домашней птицы (уток, индеек), употребляется в пищу, дает пух и перо. А носителям говоров свойственно детализировать оттенки качеств, характерных особенностей, поведения домашних животных. В наименованиях курицы эта тенденция к детализации проявляется особенно наглядно по сравнению с другими домашними птицами, количество диалектных имен для которых несравненно меньше.

Само слово может обозначать взрослую курицу-наседку вообще, независимо от периода ее жизни и отличительных особенностей. Основная масса всех названий отмечена собирателями прежде всего именно в этом общем значении: Куриц здесь называют паруньями, наседками, квочками. Но кроме того, каждое из таких общих названий может употребляться еще и в более узком значении.

Наименование может обозначать курицу в один из трех периодов воспроизведения потомства. Курица в период «квохтанья», приготовления к высиживанию цыплят. К этой группе относятся названия типа *квакуга*, *квачка*, *квокушка*, *квохтунья*, *квочка*,

клокта, клохтушка, клочка, клуша, клушка, клыка, шкверуха. Но в этом же значении могут употребляться названия с другими корнями: Курица *паруха*, если она квохчет; *Паруха*, которая клохчет. В то же время слова с корнями *квок-, клок-* могут иметь иное значение: *Сходи, клушу* с цыплятами покорми.

Названия курицы в период высиживания цыплят представлены группой с корнем *пар-* и группой с корнем *сед-*: *Парунья* — это курушка на яйцах сидит, парит; *Квохтушка*, некоторые зовут *седунья*, она сперва клохчет, а потом сидит; Когда курица на яйцах сидит, она *наседоха*; *Самоседка* у меня на полтора десятка посажена. В указанном значении 'курица, сидящая на яйцах' могут употребляться наименования от других корней: *Квочка* сидит на куренятках; Как сядет на яйца, так и *клуша*.

Многочисленны названия курицы в период вождения цыплят. Шире других распространены слова с корнями *дет-* и *цып-*: *Детинуху* покорми с цыплятами; *Детитница* клюнет в нос kota, цыплят защитит. Иногда слово *детинуха* употребляется в значении 'курица, уже выведшая, имевшая цыплят': Наша *детинуха* уже в другой раз начала клохтать; Раз с цыпками вышла — это *цыплатница*; *Цыплатуха*, как уж цыплят вывела, Реже встречаются имена *жатка, матица, типлатница, чиплатница, писклятница, селятница, пыленятница* (от диалектных наименований цыплят *писклята, сальки, пыльки*). Сравните также отглагольные образования: *водуха, выведуха, куроводуха*. Для обозначения курицы, водящей цыплят, могут быть использованы также названия со звукоподражательными корнями: Опять *квочка* пришла с цыпчатками; *Клуша, клохтуха*, одинаково, это курица, когда цыплят водит; Курица вывела цыплят, *клохтушкой* называли.

Приведенные примеры показывают, что в сознании носителей говоров деление на три подгруппы далеко не четкое. Одни тщательно различают эти значения: Когда курица на яйцах сидит, она *наседоха*, а с цыплятами *детиница*; *Кладушка* — курица кладется, а когда сидит — *наседыха*, а потом *детиница*; Как начнут клохтать, они все *клокуши*, а посади на яйца — *наседки*; Парунья выпарит, дак уж *цыпнятуха*; Когда курица на яйцах сидит, она *наседка*, а с цыплятами — *детиница*. Другие в одном и том же говоре употребляют одно название в двух значениях (на это указывают сами говорящие): *Клуша* водит цыплят, и на яйцах сидит клуша и водит цыплят; Цыплят высиживает *клуша* и водит их.

В некоторых случаях трудно определить оттенки значений, настолько они переходны: Кого ж *квяхтуха* сидит три дня на одном яйце, надо подсыпать, пуцай высиживает; Курица не клюкала долго, а теперь заклюкала, так я посадила; *клуша* сейчас.

Наименования могут обозначать специфические признаки той или иной птицы, ее индивидуальные качества.

Самое важное свойство курицы — яйценоскость. Для его обозначения употребляются такие названия: *кладушка*, *кладышка*, *несётка* — 'курица, которая несет яйца'; *несучка* — 'курица, которая рано начинает и поздно кончает нестись'; *несушка* — 'курица, которая часто несет яйца'. К этой же группе относятся и негативные названия: *некладуха* — 'курица, которая не кладет яиц'; *беспёрая* — 'курица без яиц'; *цыпка* — 'курица, еще не несшая яиц'. Последнее слово встречается с пометой «просторечное» в 17-томном академическом словаре.

Названия, указывающие, сколько раз или когда курица высидела цыплят: *двоечипница*, *троечипница* — 'курица, высидевшая цыплят соответственно два или три раза'; *позднушка* — 'курица, которая позднее других садится на яйца, позднее других оканчивает класть яйца'; *молодка* — 'молодая курица, еще не несушка или только начавшая нестись'.

Названия могут отражать внешние признаки: *белая* — 'белая курица'; *рябуха*, *рябуша* — 'рябая курица'; *вороновка* — 'черная (вороная) курица'; *хорхора* — 'редкоперая, шершавая курица'.

Различны индивидуальные признаки и качества, например названия, определяющие курицу, которая высидивает яйца без ведома хозяйки: Двух куриц садили, да еще третья *самоседкой* отыскалась на повите в сене; *Самоседка* сама усядется на яички, ее ищешь, а она уходит с цыплятами; У меня было, помню, тринадцать штук кур, глядишь, там *самоседкой* выведут; *Парунья* или *самоседка* наносила яичек в крапиве да села. Иные признаки: *голанка* — 'всякая курица особой породы' (по-видимому, от *голландка*). В разных областях различные значения имеет слово *молодка* 'молодая курица; курица, которая еще не неслась; молодая курица весеннего выводка под осень'. *Цыпочкой* называют молодую курицу: Яичко маленькое, верно от *цыпочки*. *Ерошка* — 'курица, с неправильно растущими перьями'. *Кутюшка* — ласкательное имя курицы.

В большинстве случаев для каждого из корней названий можно определить довольно четкую сферу распространения. Названия с корнем *квок-*, *квокт-* (квокуха, квокушка) бытуют в основном на севере и западе Европейской части СССР: в Ленинградской, Новгородской, Псковской, Смоленской, Брянской областях, а также на Урале и в Сибири. Названия с корнем *клад-* (кладуха,кладышка) — северо-западные: Архангельская, Новгородская, Псковская области. В группе с корнем *пар-* слова *парунья* и *паруха* также северо-западные, но гораздо больше случаев регистрации этих двух названий и других однокоренных в Сибири, куда этот ко-

рень был занесен переселенцами из Архангельской, Псковской и Новгородской областей. Названия с корнем *цып-* — северные, преимущественно архангельские и вологодские, но слово *цып-лятница* распространено шире: с захватом Ярославской, Ленинградской, Новгородской, Смоленской областей. Названия с корнем *клок-*, *клект-* бытуют по линии: Вологда — Киров — Пермь и далее в Сибири.

Другая часть однокоренных слов имеет более узкую территорию распространения. Корень *квак-*, *квакт-* преимущественно брянский, с отдельными случаями употребления в Курской, Смоленской и Псковской областях. Наименования с корнем *кloch-*, *кlochт-* в основном употребляются в Ярославской области, откуда отдельные названия распространились шире: к западу (Псковская область), к востоку (Кировская), к северу (Архангельская), а также перенесены в Сибирь. Корни *дет-*, *квоx-*, *сед-*, *шквер-* типично псковские, хотя имеются единичные случаи их регистрации в других областях.

Названия *квочка* и *наседка* распространены по говорам чрезвычайно широко.

Примечательно, что на территории Псковской области зарегистрированы образования почти от всех указанных корней, не менее 35-ти различных наименований курицы.

Ниже прилагается общий список народных наименований курицы, составленный по данным Картотеки Словаря русских народных говоров (Институт языкознания АН СССР, Ленинград). Картотеки Псковского областного словаря (ЛГУ, Ленинград), Картотеки Брянского областного словаря (ЛГПИ, Ленинград), Архива Диалектологического атласа русского языка (Институт русского языка АН СССР, Москва).

Г. М. ЛЕВИНА

НАРОДНЫЕ НАЗВАНИЯ КУРИЦЫ

Беспёрая (Олон.), белáха (Арх.), водúха (Смол.), вороновка (Даль, ?), выведúха (Смол.), детúниха (Пск., Великол., Лен., Смол.), детúнуха (Пск., Смол., Ср. Урал), детúтница (Пск.), детоводúха (Курск., Ворон., Смол.), дéтуха (Пск., Смол., Моск., Калинин.), детúниха (Пск.), детúтница (Пск.), ербшка (Сиб.),

квактúха (Брян., Пск., Смол., Курск.), квактúша (Пск.), квактúшка (Пск.), квакúха (Смол., Брян., Нижегород.), квакúша (Брян.), квакúшка (Брян.), квахтúха (Пск., Брян., Костр., Курск.), квáчка (Брян., Смол., Прибалт.), квоктúнья (Новг., р. Обь), квоктúха (Пск., Лен., Ряз., Свердл., Ср. Урал, Красноярск.), квоктúша (Пск., Калинин., Орл., Ворон.), квоктúшка (Пск., Ряз., Ворон., Курск.),

Орл., Новосиб.), квoкúха (Брян., Смол., Горьк.), квoкúша (Ср. Урал), квoхтúнья (р. Обь), квoхтúха (Лен., Пск., Новг., Смол., Брян., Орл., Курск.), квoхтúша (Пск., Влад., р. Обь), квoкчa (Ворон., Орл.), квoхчa (Орл.), квoхша (Ср. Урал), квoчка (Волог., Яросл., Моск., Брян., Курск., Орл., Ворон., Тамб., Пенз., Саратов., Дон., Кубан., Краснодарск., Исык-Куль, Новосиб.), квúха (Калин.), квúка (Костр.), квúкала (Пск.), квúкúха (Брян.), квúхка (Брян.), квúхталка (Брян.), квúча (Костр.), квúчка (Костр.), кладúха (Пск., Арх., Новг.), кладúшка (Пск.), клoкa (Костр.), клoкa (Пенз., Ворон.), клoкa (Волог.), клoктúнья (Урал, р. Обь., Ирк.), клoктухa (Арх., Пск., Томск., Ирк.), клoктúша (Вят., Новосиб., р. Обь), клoктúшка (Вят., р. Обь), клoкúха (р. Обь), клoкúша (р. Обь, Новосиб.), клoха (Яросл.), клoхта (Яросл., Горьк., Ворон.), клoхтúнья (Пск., Калин., Рост., Яросл., Бур. АССР, Новосиб., Ирк.), клoхтúха (Пск., Яросл., Арх.), клoхтúша (Влад.), клoхтúшка (Рост., Калин., Яросл., Горьк., Влад., Омск., Ирк.), клoчка (Лен., Пск., р. Обь), клúка (Костр.), клúкша (Лен.), клúня (Лен.), клуклúха (Лен.), клúха (Рост., Калуж., Яросл., Моск., Новг., Пск., Лен., Калин., Костр., Горьк., Пенз.), клúша (Моск., Влад., Калин., Калуж., Костр., Беломор., Яросл., Пск., Новг., Горьк., Ворон., Орл., Курск., Тамб., Брян., р. Обь), клúшка (Новг., Моск., Влад., Горьк., Пенз., Саратов., Куйб., Орл., Тамб., Вятск., Челябин., Сверд., Оренб., р. Обь, Новосиб., Омск), клýка (Костр., Волог.), клýкúша (Костр.), клýха (Костр., Волог.), клýшка

(Костр.), коклúха (Лен.), кохлúшка (Лен.), коха (Брян.), коханка (Брян.), кочка (Орл., Курск.), кúра (Лен., Арх., Олон., Влад., Волог., Новг., Калуж., Пск., Горьк., Брян.), курашка (Смол., Брян.), куренýтница (Брян.), куровoдка (Лен., Смол., Брян., Горьк.), кúрка (Арх., Моск., Калуж., Влад., Урал, Юж. Сиб.), куропýтуха (Моск., Ворон.), куропýтница (Моск.), куру́ха (Смол.), куру́ша (Моск., Смол.), курашка (Орл.), курушка (Тул., Тамб., Ворон.), кúроштя (Урал), курчáтница (Новг.), куры́ха (Ржев.), куры́шка (Тамб., Орл.), кúтка (Волог.), кутýшка (Арх., Волог.), мáтка (Олон., Брян.), мáтица (Олон., Онеж., Лен., Новг.), мать, мáтуха (Олон., Лен., Новг.), молoдка (Волог., Яросл., Костр., Калуж., Ряз., Саратов., Пенз., Урал), насáтка (Волог.), насeдка (Арх., Яросл., Костр., Олон., Онеж., Лен., Пск., Новг., Калин., Смол., Брян., Курск., Ворон., Тамб., Моск., Влад., Горьк.), насeдоxa (Пск.), насeдуха (Пск., Лен.), насeдыxa (Пск.), насeдыxa (Великол.), некладúха (Даль, ?), несeтка (Пск.), несухa (Рост.), несúчка (Горьк., Саратов.), несúша (Пск.), несúшка (Пск., Горьк., Новосиб.), парунька (Моск., Влад., Горьк., Лен.), парунья (Лен., Олон., Онеж., Арх., Волог., Яросл., Новг.; Перм., Свердл., р. Обь, Енис., Томск., Новосиб.), паруньяха (Сиб.), парúха (Лен., Новг., Вят., Моск.), парúчка (Лен.), парúша (Олон., Лен., Новг., Горьк., Вят., Сиб.), парúшка (Сиб.), писклýтница (Смол., Брян., Курск.), позднúшка (Курск., Влад.), потцýлýтница (Онеж.), поцýплýтница (Кир.), пыленýтница (?), рябу́ха (Арх., Моск.), рябу́ша (Пск.), самонасeдка (Смол.),

самосѣдка (Арх., Смол., Прикамье, Новосиб.), самосѣдка (Арх., Пск., Яросл., Моск., Ряз., Калуж., Волог., Костр., Челяб.), самосѣдка (Пермь), сѣдка (Брян., Смол.), сѣданка (Брян., Смол.), сѣдох (Пск.), сидуха (Пск.), седунка (Курган., р. Обь); седунья (р. Обь), седушка (Брян.), селятница (Волог.), сидѣлка (Лен.); троечѣница (Даль, ?), хорхора (Волог.), хряпушка (Тамб.), цыпка (Олон.), цыплѣниха (Кир.), цыпленница (Арх., Волог., Лен.), цыпляница

(Арх., Лен.), цыплюха (Волог.), цыплетяха (Волог.), цыплетница (Лен., Яросл., Новг., Костр., Смол., Калинин.), цыплетуха (Арх., Волог.), цыплеток (Смол.), цыплетуха (Волог.), цыплетиха (Кир.), цыплетиха (Арх.), цыплетуха (Арх., Волог.), цыплетуха (Волог.), цыплетуха (Волог.), цыплетуха (Волог.), цыплетуха (Томск.), цыплетница (Волог.), цыплетница (Волог.), шкваруха (Пск.), шкверуха (Пск.), шквертуха (Пск.).

С ПОМОЩЬЮ РУССКОГО ЯЗЫКА

В 1973 г. в Варне состоялся международный конгресс. В течение шести дней 1 500 ученых и педагогов из 51 страны обсуждали теоретические и практические вопросы создания учебников и учебных пособий по русскому языку, методику

применения современных технических средств обучения. Представители двадцати трех государств сделали более 300 докладов.

«Советская Россия», 5 февраля 1974

Среди социалистических стран первое место занимает Польша: общее число изучающих русский язык составляет там 5 миллионов. Он преподается во всех вузах и 27 387 школах. В ГДР общее число

изучающих русский язык равно 3 миллионам, в учебный план всех вузов и 8 883 школ он входит в качестве основной дисциплины.

«Молодежь Азербайджана», 5 ноября 1973

Русский язык как одна из основных дисциплин входит в учебные планы университетов Франции, Дании, Швеции, Норвегии, Финляндии, его изучают студенты 16 вузов африканско-

го континента. А преподают его в настоящее время за рубежом свыше 120 тыс. человек.

«Молодежь Азербайджана», 5 ноября 1973

ЖЕНЩИНА

Слово *женщина* в наше время входит в активный словарь русского литературного языка, являясь основным названием лица женского пола. Значительно реже, с оттенком вежливости, почтительности, а иногда и иронии употребляется его синоним *дама*. Слово *баба* бытует в просторечии. Обратившись к истории слова *женщина*, увидим, что оно сравнительно недавно вошло в активное употребление. Это произошло как раз в тот период, когда совершался процесс становления общенационального русского литературного языка. Первое упоминание о слове *женщина*, по Словарю И. И. Срезневского, относится к XVI веку.

В своем «Очерке русской исторической лексикологии» П. Я. Черных считал слово *женщина* довольно поздним образованием от прилагательного *женьскъ* (*ый*), которое в форме женского рода и само по себе могло выражать понятие «женщина». *Женска* 'женщина' известно и сейчас в отдельных русских диалектах и некоторых других славянских языках (нижнелужицкое *žeńska*, сербскохорват-

ское *жёнска*). Первичное значение слова *женщина*, как и польского *żenszczyzna*, известного в старопольской письменности раньше, чем русское соответствие в старорусской письменности, являлось собирательным и означало 'женский пол' (древнерусское *женство* 'женский пол').

В древнерусском языке в значении 'женщина' использовалось слово *жена*. Этим же словом именовалась замужняя женщина, супруга. Слово *жена* 'женщина' продолжало употребляться и в старорусском языке, оно обычно в этом значении еще в повестях первой трети XVIII века.

Слово *баба* в древнерусском языке чаще означало старую женщину, ворожею, повивальную бабку, в качестве синонима к слову *жена* 'женщина' оно более или менее последовательно отражается в письменности с XVII века, причем в этом значении слово *баба* всегда было народно-разговорным.

Примерно с XIV века (по Срезневскому) входит в употребление производное от *жена* — *женка*, получившее распространение сначала, вероятно, в народно-разговорном языке, откуда затем проникло в деловую письменность. Так, Ричард Джемс фиксирует в начале XVII века в холмогорском диалекте слово *жонка* 'молодка' (Б. А. Ларин. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса 1618—1619 гг. Л., 1959). На распространенность этого слова в народно-разговорном языке указывают также пословицы, загадки XVII века: *Борода кажетъ мужа, а жонку ее мужа; Белой цвет [у травы] мужик, а синей женка.*

Широко отражают слово *женка* 'женщина' и памятники так называемого «среднего» стиля:

А носить... попы и диаконы скуфьи, назади хвостъ широкъ и дологъ, якобы у женокъ и у сороки (1649—1659); Та трава вельми пристоятъ жонкамъ.

Женка 'женщина' находим обычно в памятниках деловой письменности, где оно иногда чередуется с синонимом *баба* и очень редко со словом *женщина*:

Курто Перузовъ родился въ Черкесехъ отъ руского мужика, а мать де ему была жонка Буданские земли (1641); Да въ техъ же де дву походехъ на бою взялъ онъ Леонтей десять робятъ, да десять бабъ, и изъ того де числа отдалъ онъ Леонтей въ иноземцы женокъ и девокъ и робятъ пятнадцать человекъ (1681); Явил

в таможенной избе терской конной стрелецъ Иван Сергеев жонку з двема ребеночки женщине тотарское имя Акбикен, ребенкам имяна Герыслы да Темис (1651).

Вместе с тем, наблюдения над языком старорусской письменности показывают, что словом *женка* в XVII веке именовались чаще женщины низкого звания. Социальная ограниченность слова *женка* 'женщина' наиболее отчетливо выступает в деловых памятниках, авторы которых — официальные писцы — стремились к максимальной точности словоупотребления. Так, при обозначении знатных женщин, а также жен служилых людей писцы старались избегать слова *женка*, хотя нейтрального синонима для обозначения лица женского пола в общенародном обиходе в сущности не было. Стилистической ограниченности употребления слова *женка* 'женщина' способствовало то, что оно, кроме значений 'женщина' и 'жена', употреблялось и в значении 'крепостная женщина; женщина, находящаяся в услужении'. Интересен в этом плане один документ, в котором речь идет о крестьянской и стрелецкой женах. Крестьянская жена в этом документе во всех случаях именуется *женкой*, жена стрельца — *стрелецкой женой* или *стрельчихой*:

Говорила деи стрелецкая Ивашкова жена Подтонкина Марья с крестьянской женкою, а чья деи жонка, того он, сказал, не ведает... А Михайлов крестьянин Языкова Матюшка Трофимов в роспросе сказал, пришел деи он вчера, июля въ 30 день, в понедельник к стрелчихе к стрелецкой к Ивашковой жене Подтопкина во двор, ажъ деи у нее сидит жонка Катеринка, а чья она, того он не ведает...

И только в одном случае обеих женщин объединили одним словом *женки*:

И боярин и воеводы велели сотнику стрелецкому Федору Лихореву тех жонак пытати (Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912).

Другой пример взят нами из памятников XVIII века. В челобитной смоленского шляхтича сообщалось, что брат этого шляхтича поймал «дву женокъ беспощпортныхъ». В допросе выяснилось, что одна из женщин — вдова драгуна, после чего последняя именуется в изложении дела уже не *женкой*, а *драгунской женой* или *драгункой*.

Слово *женщина* в памятниках XVII века отмечено единичными примерами, как об этом свидетельствуют материалы Картотеки Словаря древнерусского языка и про-

смотренные нами памятники письменности этого периода. Одним из доказательств того, что слово *женщина* в XVII веке еще не стало общеупотребительным, является следующий факт: в шести переводах одной из польских повестей на русский язык, осуществленных во второй половине XVII века, лишь одним из переводчиков польское *białogłowa* передано словом *женщина*, другие использовали *женский полъ*, *женескъ* и *девичь полъ*, *наложница*, *девица* (Е. М. Иссерлин. Лексика русского литературного языка II-й половины XVII в. Л., 1961).

Вхождению слова *женщина* в активный словарный запас общенационального русского литературного языка препятствовали факторы не столько лингвистического, сколько социального характера. Женщина в древнерусскую и старорусскую эпоху имела одно назначение: она была жена. В этом заключалась, по справедливому мнению И. Забелина, единственная сущность ее назначения, ее человеческой доли: «Не понимая и не признавая в женщине личной самостоятельности, человеческого достоинства, человеческих прав, предок не мог, разумеется, со словом *женщина* соединять того понятия, какое ему придется. Да и самое слово *женщина* едва ли знакомо нашей древней письменности. Оно явилось с развитием общественности, в то уже время, когда сама женщина вступила в общественную жизнь, заняла принадлежащее ей место и тем внесла в общество новое о себе понятие» (Опыты изучения русских древностей и истории. М., 1872).

Активизация употребления слова *женщина* связана с петровской эпохой, когда бурными темпами совершаются изменения в политической, экономической и культурной жизни русского народа. Изменилось и отношение к женщине, которая впервые была введена в общество. Этот факт, а также насаждение западноевропейской культуры значительно изменили быт господствующего класса петровской эпохи. В это время устраиваются ассамблеи, маскарады, театральные представления, воспитывается галантное отношение к женщине, вежливое обращение — «учтивство». К этому периоду относится появление светских повестей, как оригинальных, так и переводных, в которых, как правило, присутствуют любовные сюжеты. Разработка их требовала эмоционального, изысканного языка. «В русский литературный язык начала XVIII в. вливается эмоционально насыщенный поток западноевропейской галантной фразеологии, соответствовавшей светскому этикету и ев-

ропеизированным формам светского обхождения, особенно в отношениях мужчины и женщины» (В. В. Виноградов: Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.).

Для целого ряда понятий, явлений, предметов, лиц не было общеупотребительных, нейтральных наименований. Не было до петровской эпохи в активном употреблении не только слова *женщина*, но и *мужчина*, *девушка*. Как вместо первого использовались или высокое *жена*, или сниженные *баба*, *женка*; официальное *женский пол*, так вместо второго употреблялось слово *мужик*; со значением 'девушка' были в ходу *девица*, *девка*, причем наиболее широкое распространение из последних двух синонимов имело слово *девка*. Все это нередко приводило к казусам. Так, один из русских путешественников, описывая в своих путевых заметках фонтан работы Микеланджело, увиденный им в Генуе, изваяния античных божеств называет словами *мужик*, *ребята*; статуя Венеры (слова *статуя* еще не было в русском языке) именовалась «мраморной девкой» (А. С. Елеонская, О. В. Орлов, Ю. Н. Сидорова, С. Ф. Терехов, В. И. Федоров. История русской литературы XVII—XVIII вв., М., 1969). В описании царского имущества, в том числе и предметов искусства, находим: Слышечка деревянная кругла, въ ней подь стекломъ мужикъ съ женкою (И. Забелин. Домашний быт русских царей. Ч. I. М., 1895).

В петровскую эпоху словарь русского языка изменялся не только в связи с проникновением огромного количества заимствований, которые входили в русский язык вместе с новыми понятиями, предметами. Изменения коснулись и той части словаря, которая уже была известна в русском языке. Одним из таких слов и было слово *женщина*. В конце XVII века оно стало принадлежностью разговорного языка московской интеллигенции, о чем свидетельствуют диалоги Лудольфа в его Грамматике: Скажут что пригожие женщины во французской земле. Я не водилъ ся с ними красные не глядили на меня, и не желалъ познать ся съ дурными (Б. А. Ларин. Грамматика Лудольфа 1696 г., Л., 1937). Однако в конце XVII — начале XVIII века слово *женщина* еще не вполне закрепилося в словарном составе формирующегося литературного языка в качестве нейтрального наименования лица женского пола. Об этом свидетельствует, например, смешанное употребление слов *женка*, *баба*, *женщина* в речи самого Петра I, язык кото-

рого довольно ярко отразил в себе переходные явления, характерные для эпохи становления общенационального русского литературного языка. Вот несколько примеров из писем Петра Великого:

(Съ) здоровьемъ посылать Степана Нарбекова, или сына ево, или Матюшкиныхъ; а иныхъ, и бапъ, и девокъ не посылать (1698); Бабу шпионку, которая обличилась и разыскиваете, то zelo изрядно (1706); По получении сего, пастора Аглинского, которой быть порукою по женке Шведке въ Преображенскомъ приказе, извольте ево отъ оной поруки уволнить и росписку ему изъ приказу выдать, ибо та Шведка держитца за карауломъ на подворьи изъ розряду (1707); За женщинъ верить, а за мушшинъ не верить, кроме великихъ персонъ сенаторскихъ (1707).

В первой трети XVIII века слово *женщина* получает большее распространение, мы находим его в светских повестях, правда, пока еще наряду со словом *жена* 'женщина'. В комедиях петровской эпохи слово *женщина* используется для обозначения представительниц разных сословий, в то время как его просторечный синоним *баба* употребляется для наименования лиц определенного социального положения. Однако употребление слова *женщина* и в это время было еще ограниченным (В. П. Забродченко. Лексика русских повестей первой трети XVIII в. М., 1956). В собирательном значении по-прежнему чаще используется словосочетание *женский пол*: Зрите ли, братцы-молодцы, каков наш атаман, что женский пол не хочет смотреть: не как наш прежний атаман — все глаза растерял (Хрестоматия по русской литературе XVIII в. М., 1952). И только во второй половине XVIII века слово *женщина* занимает в языке художественной литературы главенствующее положение, выступая в качестве основного наименования лица женского пола в произведениях А. П. Сумарокова, Н. М. Карамзина, В. И. Лукина, М. Д. Чулкова, И. А. Крылова и других.

Процесс закрепления в русском литературном языке слова *женщина* нашел отражение и в словарях XVIII века. Так, в Лексиконе Ф. П. Поликарпова 1704 года оно еще отсутствует; в Лексиконе 1731 года слово *женщина* мы обнаруживаем в составе синонимического ряда, объединенного значением 'женщина', — *жена, женщина, баба*. В Рукописном лексиконе первой половины XVIII века «русское» *женщина* противопоставляется «славенскому» *жена*. То же наблюдаем и в Рукописном лексиконе

В. Н. Татищева. В Словаре Академии Российской (1789—1794) представлена уже стилистическая его дифференциация в составе лексической группы с значением 'женщина': *баба* — «в общенародном употреблении значит вообще женщину низкого состояния. *Баба крестьянская*»; *женка* — «в старину употреблялось в приказных делах как уничижительное название»; *женщина* — «называется всякая находящаяся или бывшая в замужестве»; *жена* — «то же, что женщина, но употребляется в высоком слоге». Слово *дама* в Словаре Академии Российской отсутствует, хотя засвидетельствовано уже в первой трети XVIII века, в светских повестях, а в художественной литературе второй половины XVIII века оно обычно в значении 'светская женщина'. В Словаре Академии Российской (1806—1822) слово *дама* дается со значением 'госпожа, боярыня'.

Однако Словарь Академии Российской, довольно верно отразив процесс становления лексической нормы в русском литературном языке второй половины XVIII века, не смог, естественно, отразить этот процесс в местных говорах. Проследим это на материале смоленской письменности XVII—XVIII веков.

Единственный пример со словом *женщина*, относящийся к XVII веку, отмечен нами в деловом документе 1610 года:

Лета 118 года, генваря въ 17 день, став правда старица Ераида да вдова Настася да Гаврилова жена Окулина старица сказала по иноческому обещаню, а женщины сказали по государеву цареву и великого князя Василя Ивановича всеа Русии креснаму целованю (Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг.).

В активном употреблении в это время на территории Смоленского края было слово *женка* 'жена; женщина; крепостная женщина; женщина, бывшая в услужении'. Его синоним *баба*, широко распространенный в XVII веке на других русских территориях, мы не обнаружили в смоленской письменности XVII века, это слово попадает в смоленские памятники лишь в XVIII веке. Женщины из господствующих слоев общества именовались, как и везде в то время, по мужу; использовались также наименования по титулу, социальному положению: *госпожа*, *дворянка*, *пшляхтянка*, *княгиня*, *помещица*, *поручица* и *под*. Слово *женщина* для писцов Смоленского края еще в середине XVIII века не было, видимо, привычным, если вместо него они прибегают ко всякого рода синонимическим заменам:

Битые места осмотреть и описать чрез сторонних женскаго пола людей; которую [Авдотью Амлешеву] осматривая женки Вяземской воеводской канцелярии сержанта Семена Михайлова жена Федосья Тарасова дочь, Дениса Салдырева жена Анна; а народу съ обеих сторонъ как от господ ево, такъ и от объявленных Омлешовой и Извековой мужеска и женска половъ было многое число (1748).

В том же деле отмечаем попеременно то слово *женки*, то *бабы*, то *женский пол*.

И что при той драке происходило онъ Иванъ и что кричали женки Никонъ и Кирей что де вы бьете скоро и заплакали... по роспросу означенного члвка Ивана Афонасьева значить что онъ слышал прибитой лежащей от баб крик на означенного убитого дечи Никона и Кирея что они бьютъ отца своего после чего де вскоре и заплакали; толко де слышилъ крикъ женского полу которые кричали Никон Кирила полно бит вы де бьете оца своего; и ежели она Авдотя... упрямствомъ своимъ скаски не дасть ее Авдотью також и других женского полу забрать к допросомъ (1748).

Примечательно, что в документе, именуемом доездом, писец использует словосочетание *женский пол* при перечислении того, что ему приказано по инструкции, при самостоятельном же изложении дела прибегает к обычному *женки*.

Слово *женщина* в памятниках смоленской письменности первой половины XVIII века нами не отмечено, единичными примерами засвидетельствовано оно и в памятниках второй половины XVIII столетия. Вместо него по-прежнему писцами используются различные синонимические замены: *женки*, *женский пол*; иногда писцы прибегают к новому слову *персоны* с определением *женские*.

Однако зная в томъ свою правость и неложное в семъ своемъ допросе показание и на оныхъ женокъ и вяземского купца Павла Фатова во всемъ вышечисанномъ шлется; и купецъ как мужеска пола лутчей против женска пола понятнее в словахъ имееет как то оной во свидетелстват воинского протеса третьей главы... пункта против женска пола уважен (1774); Сего октября 1 числа ехаль я... из гостей от смоленского шляхтича... Куницкого в находящеюся в городе Белой квартиру на запряженныхъ в одноколке дву лошадахъ и как приехалъ в город к перевозу на реку Обшу где имееется на канате перевозной плотъ, в то время на томъ плоту наехалъ на купца Гайдукова стоящего на томъ плоту

в женскими персоны тремя или четырьмя члвкми, а как их зовуть и прозваньемъ о томъ за незнаемъ их показать не имею... которой Гайдуковъ с теми стоящими на плоту женками.. (1765).

В одном из дел встречаем словосочетание *дамская особа* по отношению к жене коллежского асессора, которая ответчика и мать его «ругателными словами поносила напрасно ж чего б не точию от нее истицы яко дамской особы но и от мужеского пола таковых непристойных речей не открылось бы» (1767).

Параллельное употребление синонимов *женка* и *женщина* мы засвидетельствовали лишь однажды: Мы де секли ту девку по повелению госьпожи своеи той же недели на которой она умерла возъмте де из дому ее Соколинской техъ женщинъ которые то мертвое тело обмывали; а обмывали ее вышеписанные жъ женки (1768).

Таким образом, слово *женщина* на территории Смоленского края не получило широкого распространения и во второй половине XVIII века, в связи с чем в деловой письменности чаще других отмечаем слово *женка* 'женщина', хотя оно, по данным Словаря 1789 года, использовалось лишь «в старину» в приказных делах как уничижительное название. Кстати, в смоленских говорах слово *женка* 'женщина' находится в активном употреблении до сих пор.

Материалы смоленской письменности XVII—XVIII веков, а также данные Картотеки Словаря древнерусского языка (в Картотеке примеры со словом *женщина* для XVIII века представлены лишь художественными произведениями) позволяют предположить, что процесс нормализации словарного состава русского литературного языка протекал неравномерно в центре Московского государства и на периферии. Вполне возможно, что те культурные сдвиги петровского времени, которые способствовали вхождению слова *женщина* в активный словарь русского литературного языка, были не столь заметными на окраинных территориях.

Е. Н. БОРИСОВА

Смоленск

ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКА

Язык — величайшее достояние человечества и человека. В то же время язык — неотъемлемый продукт человеческого общества, который, подобно барометру, точно отражает мельчайшие сдвиги и изменения в обществе. Он складывался в течение веков, но до сих пор сохраняет в себе следы сложных и нередко навсегда утраченных историй судеб и взаимоотношений человеческих коллективов, их обычаев и верований. Можно без преувеличения сказать, что знание истории слов (по крайней мере, в тех случаях, где эта история вполне достоверна) дает ключ к пониманию человеческой цивилизации и культуры. Однако судьбы языка, судьбы отдельных слов, намного сложнее, шире, удивительнее и разнообразнее человеческих судеб (см. статью: W. Shibles. Sprache als Paradox.—«Zeitschrift für allgemeine Wissenschaftstheorie», 1971).

До сих пор ученые-лингвисты не могут до конца ответить на вопрос о том, как связаны в систему отдельные слова языка и их значения. Известно, что слова изменяют свое значение в ходе истории языка. Но каким образом это происходит? По каким законам? Какие «силы» одновременно удерживают в языке определенные слова и значения? Какие значения обязательно должны (а какие не могут) переходить в другие значения и в какие именно? Наука не всегда может дать однозначный ответ на все эти подлинные загадки языка! Загадочными остаются и такие явления языка, как выход слов и значений и повторное их возрождение в языке (реге-

нерация) через определенное время. Не получило удовлетворительного объяснения и явление так называемых «подвижных формативов», то есть возможность употребления одного и того же корня с начальным *c* и без него в пределах одного или нескольких языков: русское *жертвий*, но *смерть*, русское *прыгать*, но литовское *springti*, русское *крыло*, но польское *skrzydło*, русское *кура*, но древнерусское *скура* ‘кожа’ и др.

Нередко слова совершают целые кругосветные путешествия, возвращаясь в родной язык совсем в другом значении и в другом внешнем облике. Одно и то же слово может как бы раздваиваться в пределах одного языка, становясь совершенно неизвестным и по форме, и по значению. Самое же интересное состоит в том, что слова, связь и близость которых некогда была абсолютно очевидна для говорящих, с течением времени утрачивается. Это происходит не только в пределах нескольких языков, но и в пределах одного языка. Русские слова *досуг* и *присяга* восходят к одному и тому же (ныне не употребляемому в литературном языке) корню *сгагъ* ‘дотронуться’ (*посыгать*, *досыгать*): первое из этих слов первоначально означало ‘то, что достигнуто’, а второе — ‘прикосновение к чему-либо как символ верности’. Кроме того, многие слова одного корня в родственных языках часто передают совершенно различные понятия: русское *рылый*, но чешское *rychly* ‘быстрый’, русское *урод*, но польское *uroda* ‘красота’, русское *штука*, но польское *sztuka* ‘искусство’! Иногда можно наблюдать полную утрату связей между словами и их значениями, так что говорящие совершенно не осознают их. В этой статье мы постараемся вскрыть некоторые из таких странных и неожиданных связей (вопрос касается главным образом слов, заимствованных русским языком).

Вряд ли можно сразу предположить какую-либо смысловую связь между русскими заимствованными словами *крокодил* и *сахар*. И тем не менее такая связь совершенно очевидна.

● Слово *крокодил* — греческого происхождения и заимствовано русским языком из немецкого (XVI век), куда оно в свою очередь попало из латыни — *crocodilus*. Древнерусское и церковнославянское же слово *коркодилъ* заимствовано непосредственно из греческого. Греческое *crocodilos* — сложное слово, составленное из *krokē* ‘каменьшек’ и *drilos* ‘червяк’ (в слове *крокодил* звук *г* выпал в связи с процессом диссимиляции с первым *г*). Именно это греческое слово *krokē* и соотносится непосредственно с древнеиндийским *śārkaḡā* ‘гравий; галька; сахар’, пали *sakkharā* (то же — персидское *shākār*), откуда оно попало в арабский — *sūkkaḡ*. Арабское слово было заимствовано в средневековую латынь (*succagum*), а оттуда и в европейские языки: итальянское *zucchero*, румынское

zahar, немецкое Zucker, английское sugar, французское sucre. Испанское azucar, португальское асucar сохраняют арабский начальный артикль al.

● Очевидно, немногим придет в голову, что русские слова *здоровье* и *дерево* — самые близкие родственники, и тем не менее связь этих слов не подлежит сомнению. *Здоровый* (корень *дорос*, ср. *дрова*), в соответствии с представлениями древнего человека, означало 'физически крепкий, как дерево' (з в начале слова — приставка *с*, которая стала звонкой под влиянием последующего *д*). Этот интересный факт был впервые установлен и обоснован еще в начале нашего века немецким лингвистом Г. Остгофом (H. Osthoff) в его работе «*Etymologica Parerga*» [«Этимологическая смесь»] (Leipzig, 1904).

Кроме того, с деревом в различных языках нередко сравнивается не физическая крепость, а моральная надежность: английское *tree* 'дерево', но *true* 'верный, надежный', *truth* 'правда' (древнеиндийское *dagu* 'полено', греческое *dogu* 'дерево, копье', готское *triu*). Аналогичное положение наблюдается в латыни: *gobur* 'древесина дуба, дубовое дерево', но *robustus* 'крепкий, здоровый'.

● Слово *поликлиника* — греческого происхождения и состоит из компонентов *polus* 'много' и *klinē* 'кровать' (т. е. буквально 'многокроватьная'). Отсюда через латинское *clinicus* (непосредственно или через посредство других языков) это слово попало в большинство индоевропейских языков, в том числе и в русский. Таким образом, *клиника* означает просто 'больница' (буквально 'лечебное учреждение больничного типа, где больные должны лежать в кровати; стационар'). Смысл этого слова в русском языке несколько видоизменился: известно, что не все больные в больнице, в клинике обязательно лежат в кровати. Слово *клинический* в русском языке приобрело совершенно особый смысл 'всесторонний, доскональный, проведенный по всем возможным направлениям' (о лечении). В этом плане слово *поликлиника* утратило связь со значением исконного корня (греческое *klinē* 'кровать') и означает 'лечебное учреждение, где принимают врачи многих специальностей'. А сочетание *клиническая больница* по существу представляет собой просто тавтологию; так как означает буквально 'больничная больница'!

Греческое существительное *klinē* 'кровать', которое легло в основу разобранных выше слов *поликлиника*, *клиника*, непосредственно связано с греческим глаголом *klinein* 'приклонить; склонять'. В свою очередь этот глагол — ближайший родственник русских слов (*при-*), (*за*)*слонить*, (*на-*), (*при-*)*клонить*.

● Многие, очевидно, знают, или, по крайней мере, догадываются, что слово *кошмар* — иностранное и заимствовано в русский

язык из французского. Но каково его происхождение? Прежде всего надо отметить, что это сложный гибрид, состоящий, с одной стороны, из латинского корня, представленного глаголом *causare* 'наступать ногой на что-либо; сжимать' от *calx* 'пятка' (старофранцузское *chaucer*), и, с другой, из древневерхненемецкого *maha* 'удушь', среднеголландского *mahe* 'злой дух, который ложится на спящих людей' (английское *nightmare* 'кошмар', буквально 'призрак, приходящий ночью'), немецкого *Mahr* 'злой дух' (французское *maître* 'раздражать, выводить из себя': *j'en suis maître*).

Этот последний корень широко представлен в русских диалектах и в славянских языках — *марá* 'призрак; домовый', украинское *марá* 'привидение', болгарское *мора, морава* 'ночной кошмар', чешское *mřga* 'ночной кошмар', *mařiti* 'избить; тратить'; польское *mara, moga, zmoga* 'сновидение, призрак, кошмар'. Интересно, что слово *мара* родственно таким русским словам, как *манить, обман* (латышское *manģities* 'навязываться', польское *manu* 'напрасный'; словенское *maģen* 'ничтожный, тщетный'), которые в свою очередь связаны с греческим *pmos* 'обман, фокус', откуда русское *мимика, мим*. Слово *марá, мора* входит также в состав слова *кикимора* 'ночное привидение, домовый' (первая часть этого сложного слова, видимо, связана с литовским *kaũkas* 'домовой, гном').

● Знаете ли вы, что русские слова *дебош* и *балка* — ближайшие родственники? Дело в том, что старофранцузское *debaucher* 'оставлять работу, бездельничать', первоначально означало 'отесывать бревна'. Это слово в свою очередь образовано из латинского префикса *de-* 'прочь' и *bauc, vauch* 'бревно' (подобно переходу латинского *causare* в *cauch* во французском языке), заимствованного из германских языков (древневерхненемецкое *balco*, древнеанглийское *balca*). Значение старофранцузского *debaucher* развивалось примерно следующим образом: 'отесывать бревна' (французское *ébaucher* 'делать первые шаги в работе, делать черновую работу, эскиз') → 'разбивать, отделять, раскалывать' → 'разлучать, отлучать от чего-либо' → 'отвлекать кого-либо от работы или обязанностей' (старофранцузское *vauch*, как указано во французском словаре Литтре, означало не только 'бревно', но и 'мастерская, где проводилась обработка дерева', а затем и 'мастерская' вообще) → 'сбивать с правильного пути' → 'сбивать(ся) с хорошего поведения, с порядка, покоя' → 'причинять беспокойство, нарушать порядок; буйствовать'. Именно в этом последнем значении *дебош, дебоширить* и были заимствованы в русский язык из французского. Интересно употребление того же французского корня *vauch* с противоположным по значению префиксом: *embaucher* 'вербовать, привлекать на работу'.

● Знаете ли вы, что слова *космос* и *косметика* — одного корня? В самом деле, в основе этих слов лежит один и тот же греческий глагол *kosmēn* 'устраивать, упорядочивать, украшать'. *Космос* — это вселенная, рассматриваемая как упорядоченное целое. Ну а *косметика* — это упорядочение, украшение своей внешности. Того же происхождения и слово *костюм*.

● Слово *арктика* происходит от греческого *arcticos* 'медвежий' (от *arctós, arcos* 'медведь', откуда оно заимствовано в латинский — *arcticus*). Речь идет о созвездии Большой Медведицы, то есть о севере. Слова, родственные греческому *arcticos*, широко представлены в различных индоевропейских языках: древнеиндийское *ṛkṣak*, армянское *arj*, албанское *arj*, латинское *ursus*, валлийское *arth* 'медведь'. Слово *антарктида* составлено из греческого *arcticos* и латинского префикса *anti-* 'против' — 'точка, противоположная арктике'. Греческое *arcticos* (вернее, соответствующее ему валлийское слово *arth*) легло в основу имени собственного *Артур*. Один из героев романа В. Гюго «Человек, который смеется» назван *Урсус* (французское *ours* 'медведь').

● Слова *пролетариат*, *пролетарий* 'класс наемных рабочих, лишенных средств производства (в капиталистическом обществе)', как это ни парадоксально, происходят от латинского *proles* 'потомство, дети', которое в свою очередь составлено из приставки *pro-* 'вперед' [сравните русское *про-дукт* из латинского *pro-* и *ducere* 'выводить, вести' — 'то, что произведено', *про-гресс* из латинского *pro-* и *gressus* — причастие прошедшего времени от *gradi* 'итти' и *alere* (ранее **olere*) 'питать'. Словом *пролетарий* обозначался в Древнем Риме гражданин, не имевший имущественного ценза и служивший государству только тем, что имел детей.

● Заимствованные слова *аппетит* и *петиция* тесно связаны между собой: в основе их лежит один и тот же латинский глагол *petere* 'страстно желать' (в первом слове имеется также префикс).

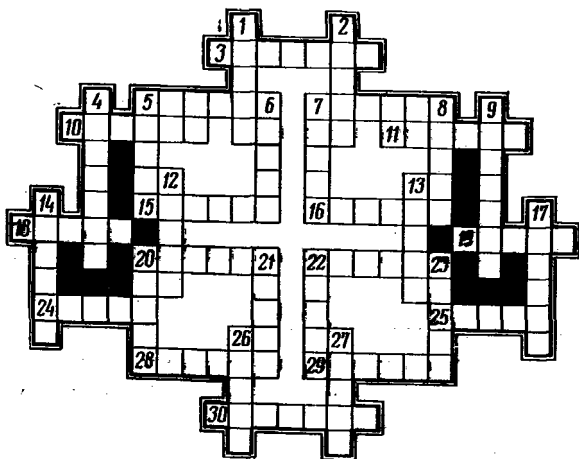
Доктор филологических наук

М. М. МАКОВСКИЙ

КРОССВОРД «РУССКАЯ СТАРИНА»

По горизонтали: 3. Книга с описанием лечебных трав и способов лечения. 5. Оружие — топор с лезвием в виде полумесяца. 7. Боль-

шой закрытый четырехколесный конный экипаж на рессорах. 10. Орган городского самоуправления в России XVIII — начала XIX века.

11. Жезл с шарообразным утолщением на конце. 15. Представитель монгольской знати в феодальной Руси. 16. Название военно-административных должностей в казачьих войсках в старину. 18. Древнерусский струнный музыкальный инструмент. 19. Старая забайкальская мера длины. 20. Младший командир в русской армии XVIII—начала XIX века. 22. Свернутая трубкой рукопись на полосе бумаги или иного писчего материала. 24. Крупный почерк древних славяно-русских рукописей, отличающийся тщательно выведенными буквами. 25. Женский головной убор. 28. Солдат-новобранец в старой России. 29. Денежная единица в Древней Руси. 30. Вид старинного узорного плотного бархата.

По вертикали: 1. Письменный указ ханов Золотой Орды в XIII—XV веках на Руси. 2. Металлический плем с острием, заканчивающимся

пишкой. 4. Крестьянская одежда свободного покроя. 5. Узорчатая твердая сталь для клинков. 6. Верхняя женская одежда, напоминающая кофту или телогрейку. 7. Старинная шелковая узорчатая ткань. 8. Трехкопечная монета. 9. Народный духовой музыкальный инструмент. 12. Древнее орудие для разрушения крепостных стен. 13. Широкое женское пальто особого фасона. 14. Верхняя женская одежда в виде накидки. 17. Оружие — тяжелая дубинка с утолщенным концом. 20. Военный головной убор в старой русской армии. 21. Род полевого укрепления в старину. 22. Речное деревянное судно. 23. Древнерусский праздничный головной убор замужней женщины. 26. Длинный суконный кафтан. 27. Старая русская мера длины.

Ответы на стр. 160

*Составил В. С. Загородний
Московская область*

ПО СТРАНИЦАМ СЕЛЬСКО- ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КНИГ XVI—XVII ВЕКОВ

Об известном распространении грамотности на Руси в XVI—XVII веках свидетельствуют рукописные деловые бумаги, в том числе и так называемые посевные, ужинные и умолотные книги. В этих книгах учитывалось, сколько семян какой культуры было посеяно, на каких полевых участках, сколько снопов сжато и обмолочено. Писаны они скорописью, датированы порой не только годом, но иногда и месяцем и днем. Вели их в селениях, принадлежавших монастырям или вотчинникам. Со временем в отдельных хозяйствах сложилась определенная культура ведения сельскохозяйственных книг: их переписывали набело, а для украшения выписывали первую строку вязью.

Таких книг сохранилось сотни. Составляли их либо местные дьячки (писцы-профессионалы), либо сельские старосты и целовальники.

О местном происхождении писцов свидетельствуют особенности их речи, получившие отражение в книгах. Известно, например, что в части северновеликорусских говоров на месте гласного звука, передававшегося буквой *ѣ*, в положении под ударением перед мягкими согласными произносится *и*. Следы этого наблюдаем в сельскохозяйственных книгах, созданных в тех же местах: *симяни, пesiaял, сиял, диясья, дити*.

Аканье отразили книги XVII века, составленные на территории современных среднерусских говоров: *асталось, снапов, конап-*

ли, на пусташи. О том, что книги писали грамотей, нетвердо владевшие правописанием и, значит, с наибольшей вероятностью принадлежавшие к местному населению, говорят и колебания в наименованиях деревень: Обабурово и Обобурово, Бужарово и Бужерово, Ангилово и Ангелово.

Общее представление о характере записей дают посевная и умолотная книги Белогостицкого монастыря, находившегося близ Ростова: «По приказу архимандрита Игнатия з братею в селе во в Юцком посельской старец Адам [представитель монастырской администрации] да целовальник Иван Афонасьев мнстырскую озимую пашню пахали и сеяли. Высеяли в поле и на пустошь Вишенки ржи сорок пять четверт[ей] с осминою» (Посевная книга. 1694). «Мнстырской хлеб жали и молотили. Вымолотили ржи восьмьдесят 4 четверти с осминою и с полуосьминою, да овса вымолотили сто шестдсят чётырє четверти с осьминою... да ячмени пять четвертей, да пшеницы четверть, гороху осмину, да семяни конопляного осмину же. Двести пятьдесят шесть чётвертей с полуосьминою всего» (Умолотная книга. 1694).

Казалось бы, некоторое однообразие и краткость подобных записей ограничивают возможность изучения по ним истории русского языка. Конкретный анализ материалов книг рассеивает это сомнение. Обратимся к лексике.

Земледелие было главной отраслью русского хозяйства в XVI—XVII веках, следовательно, лексика посевных, ужинных и умолотных книг принадлежит к особенно актуальной. Книги показывают былую географию и значение отдельных сельскохозяйственных названий, обозначающих жизненно важные понятия.

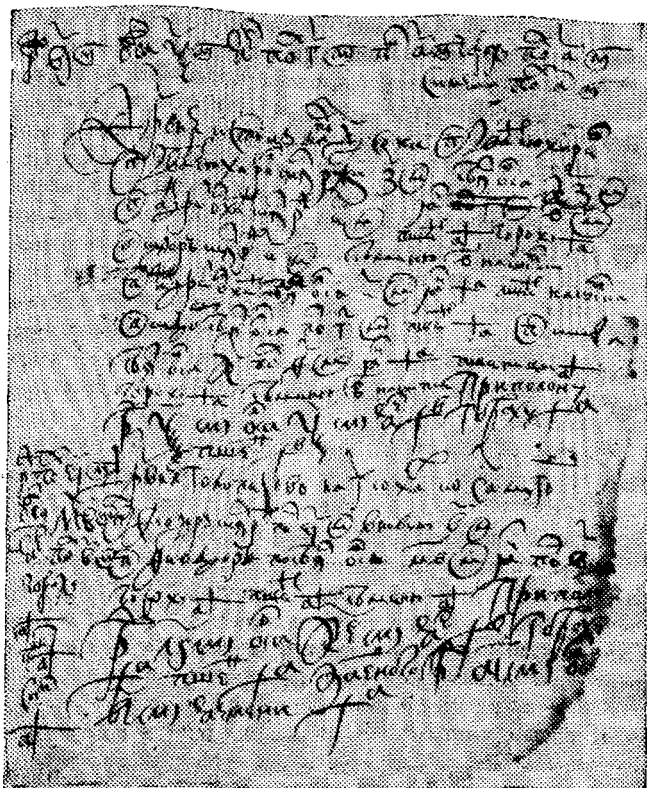
Три-четыре столетия назад общим наименованием продовольственного зерна было уже не *жито*, как, например, в «Русской Правде», а *хлеб*: «Книги мнстырскому яровому хлебу овсу и ячмени» (книги Суздальского Покровского монастыря. 1699); «Хлеба... ужали две копны сотных ржи да три копны сотных жита» (Новгородские книги. 1586); «И всего всякого хлеба... ржи, и пшеницы, и ячмени, и гороху, и симяни конопелнаго, и ярицы, и овса [умолочено] 1026 чет» (книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1606). *Житом* в одних русских говорах еще не так давно называли рожь, в других — ячмень, в третьих — яровые хлеба, в четвертых — зерновые культуры вообще. «В древнерусских памятниках в большинстве случаев точно определить значение слова *жито*... из-за неясности контекста невозможно» (Ф. П. Филин. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972). Посевные, ужинные и умолотные книги, правда, для более позднего времени, раскрывают его значение, поскольку слово *жито* выступает в перечне зерновых культур.

В качестве названия одной культуры *жито* представлено в волоколамских и новгородских книгах: «Дано ангилловским крестьяном 14 четей овса, 3 чети жита» (1617); «Высияно... жита 7 четвертей, овса 4 четверти» (1605); «Взято... ржи, и пшеницы, и жыта, и овса 58 четвертей» (1605). Можно думать, что в этих случаях речь идет о ячмене. Известно, что в соответственных местах ячмень высевался.

О древнем более общем значении слова *жито* говорит производное образование *житница*, которое с давних пор означает хранилище всякого зернового хлеба. Не случайно *житарем* в ранних памятниках называли пекаря: «Постави старец отца моего житаря» (Синайский Патерик. XI в.); «Житарь пришед к преподобному Селеукию» (Минеи Четьи. XVI в.); позднее *житарем* считался «пристав, имеющий надзиранье за хлебом» (Словарь Академии Российской. 1806). Учет монастырского зернового хлеба вели *житники*: «Кирилова мнстыря большого житника соборнаго старца Павла Фоминского тетрадь посевному хлебу»; «Тетрадь Кирилова мнстыря житенные службы большого житника Васьяна Троецкого» (книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1677; 1699). Заметим, что территория распространения производных *житенный*, *житничный* довольно широка: о *житнике* и *житничном целовальнике* упоминается в книгах Кирилло-Белозерского монастыря, о *житничном чернеце* — в книгах Иосифо-Волоколамского, о *житничной старице* — в книгах Суздальского Покровского, а о *житенном старосте* — в книгах Медведевой пустыни (близ Дмитрова).

Выявляются некоторые лексические различия, а также различия в оформлении одних и тех же слов в южновеликорусском и северновеликорусском наречии. Если в южнорусских памятниках XVII века исследователи отмечают, хотя и незначительное, преобладание над *гречей* названия *гречица* (С. И. Котков. Очерки по лексике южновеликорусской письменности XVI—XVIII веков. М., 1970), то в исследуемых книгах северо- и средневеликорусских областей преобладает слово *греча*, и только в книге деревни Душиловой, вотчины Московского Знаменского монастыря, находим в большинстве случаев *гречица* наряду с образованием *греча*: «Гречици умолочено 29 копен, а вымолочено гречици 29 четвертей, а отодно той гречици делоть на [к]рупы 4 четверти 20 четверте[й], а вышло ис то[й] гречи деветь четвертей... круп»; «В той же житнице осталось гречици десеть четвертей». В современном литературном языке обе формы равноправны.

В некоторых книгах северных и центральных районов России встречаем название конопля в формах именительного и родительного падежей множественного числа: «Конопель умолочено 14 четвертей и те конопля в монастырь свезены»; «Семянных конопель

Страница из «Книги записной посева и урожая хлеба и сена» Троицко-Гледенского монастыря. 1692

осьмина, да исполовых конопель полосьмины» (книги Иосифо-Волоколамского монастыря. 1605); «Высеяно... чет конопель» (книги Кирилло-Белоозерского монастыря. 1612). Производные от этих слов — конопельный либо конопляный: «Семена конопельнаго черпок», «семяни конопляного пол 2 черпка» (книги Кирилло-Белоозерского монастыря. 1677), «симени конопляного полмеры» (книги Троицко-Гледенского монастыря, близ Устюга Великого. 1678). В южновеликорусских памятниках находим конопи (в форме именительного множественного) и производное — конопный наряду с конопля (множественное — конопли) и конопляный.

По данным рассматриваемых книг уточняется география отдельных слов. Возьмем название дерба. Так называлась «залежь,

сильно задерневшая... поросшая лесом, новина или целина, некогда паханая» (В. Даль. Толковый словарь). Связанное с подсечно-огневой системой земледелия, слово *дерба* зарегистрировано в Картоотеке Древнерусского словаря Института русского языка АН СССР дважды: в порядной записи 1633 года (Ленинградское отделение Института истории АН СССР) и в Дневных записках Ивана Лепехина (1780—1805). В. Даль отмечает это слово в архангельских и вологодских говорах; *Лепехин — около Арзамаса*. Книги XVII века фиксируют его в устюжских и белозерских местах: «Яким з братьями посеял ржи пол 11 м[еры] да в дербу пол 4 м[еры]»; «Исак посеял ржи 15 м[ер], в дербу и в новину пол 4 м[еры]» (книги Троицко-Гледенского монастыря. 1674); «В поле, и в пали, и в дерби высеяно ржи 34 чети (1675); «В поле и в дерби, что от слободы, высияно ржи 30 чет» (книги Кирилло-Белозерского монастыря. 1677).

В текстах сельскохозяйственных книг находим и отдельные лексические факты, не известные ни современным говорам, ни иным историческим источникам.

Таково, например, название пахотных участков *изорные десятины*, впервые отмеченное С. И. Котковым и Н. Ф. Савченко (сб. «Изучение русского языка и источниковедение». М., 1969). Оно было широко известно в суздальских местах: «Овса посеяно на мистрской жеребей на взгоне и на изорные на дватцетъ десятин восьмьдесят четвертей» (книги Суздальского Покровского монастыря. 1689); «С их крестьянских пахотных изорных десятин... [молотили] одение овса» (1659). В тех же книгах встречаем названия *изорницы* и *изоры*: «Привезли со крестьянских изорниц сорок шесть сотниц [ржи]»; «Ужато овса на монастырских изорницах... 183 сотницы»; «Ужато на монастырских изорах... овса восемьдесят сотниц» (1632). Сравните *изорник* и прилагательное *изорный*, отмеченные только в Псковской судной грамоте (1467).

Несколько слов относительно выражения качественных характеристик урожая. Обычно для этого повсеместно служили слова *добрый* (или *лучший*), *средний* и *худой* (или *плохой*): «Ужато... доброго и среднего и плохова двести сорок девять сотниц овса» (книги Суздальского Покровского монастыря. 1690); «А умолоту из сотницы доброго овса и середняго и худова по чети с полуосьминою» (книги Иосифо-Волоколамского монастыря. 1605); «Ужато ржи доброй и середней и плохой тысяча восемьсот пятьдесят сотниц» (с. Измайлово. 1689). Однако в 1693 году в книгах села Измайлово вместо подобных привычных оценок обнаруживаем иные: «Ужато ржи *первой статьи* на сороке на одной десетине чытыреста десять сотниц», «*второй статьи*... триста семьдесят две сотницы», «*третьей статьи*... шестьсот дватцетъ две сотницы», «все-

го ужато ржи *первой и второй и третьей статьи* тысяча четыреста четыре сотницы». По-видимому, характеристики такого рода были навеяны влиянием официальной приказной письменности. Позднее, как обычно, писали: «Всего ужато ржи доброй и средней и плохой две тысячи триста тридцать сотниц».

Содержательны сведения о наименованиях мер. В белозерских местах в XVII веке, наряду с официальными хлебными мерами — *четвертью, осьминою*, был известен *черпок* и его части: «Ржи приполонной и четвертной [собрали] 739 четей с полуосьминою и с черпком и треть черпка» (книги Кирилло-Белозерского монастыря: 1675); «Заплатили рукинцы 2 чети с черпком, а на них остался черпок пшеницы» (1602). *Черпок* в качестве меры не зарегистрирован в Картоотеке Древнерусского словаря. Книги Кирилло-Белозерского монастыря позволяют определить соотношенность этой местной меры с мерами общерусскими. Обратимся к следующей записи: «Ячмени высеяно 3 чети с осьминою и с черпком. Умолочено ячмени 21 четь с осьминою. Приполону бог дал 17 чети с осьминою и с тремя черпки» (1676). Зная, что приполоном в этом монастыре считалось количество собранного зерна за вычетом семян, устанавливаем, что *черпок* — это четвертая часть осьмины, равная по величине общепринятому с начала XVII века *четвернику*.

В Троицко-Гледенском монастыре, где общеизвестная *осьмина* называлась *мерой*, наряду с *четверником* и *третником* *осьминным* известны были *насыпка, кадулка, ситвао, решето, чаша, чаша в полрешета, ставец, ковш* и особый *ковш двестебелый*. Соотношенность названных мер с общерусскими пока еще не ясна.

На страницах книг встречаем и некоторые расширяющие наши представления о средствах русского языка лексико-словообразовательные факты. В книгах Суздальского Покровского монастыря писали, что «молочена рожь на семена для поспешенья пахотново времени... сыромолотом» (1661), или иначе *сыробоем*, без просушки снопов в овинах. По свидетельству этнографов, этот способ заключался в хлестании снопов о стойку и известен был суздальцам еще в минувшем веке. В XVII столетии в этих местах, во Владимиро-Суздальском ополье, для обозначения подобного процесса пользовались и особым глаголом *колосовать*: «Ржи обмолочено на семена с овинов и сыробоем колосовано шестьдесят сотниц» (1697), «Да тое ж ржи околосовано на семена сыробоем... сто дватцеть сотниц» (1699). Не развязанные после сыромолота снопы, которые потом домолачивали цепами, называли *околотками*: «Да околотков сто дватцеть сотниц перемолочено, а вымолочено с тех околотков сорок две четверти» (1699); «Омолочено околотками на семена... двести семьдесят сотниц» (1697). В суздальских местах бытовало и прилагательное *околотошный*: «Да [ржи] околотош-

ной, что намолочено из околотков моей же молотьбы, дватцеть чет» (1699). В волоколамских книгах мелькают *омолотки*: «Из омотков вымолочено 3 чети» (1605).

Сельскохозяйственные книги дают известный материал для исследования словообразования посредством сложения основ. Рядом с отмеченными в Словаре В. Даля такими образованиями, как *сыромолот*, *сыройой*, *градобойный* и *морозобитный*, в книгах употреблялись и неизвестные ныне *червоедина* и *новочисть*. Как видим, в русской народной речи имелись значительные возможности для образования сложных слов с соединительной гласной *-о-*.

Не чужды были для данных книг имена существительные с суффиксом *-ение*, церковнославянским по происхождению: *бережение*, *кладение*, *молочение*, *поспешение* и другие, которые сохра-

ПИСЬМО
А. А. ШАХМАТОВА
А. А. БУСЛАЕВУ
(публикуется впервые)

Алексею Александровичу Буслаеву. Москва. Ваганьковский пер., 8, кв. 1 [Надпись на конверте сделана рукой академика А. А. Шахматова. Дата московского штемпеля «26 мая 1918»]

Дорогой Алексей Александрович!

Вы спрашиваете, на каком тексте остановиться для анализа его со стороны синтаксиса. Посмотрите псковские летописи (в IV и V томах Полн. Собр. Р. Л.), можно остановиться на рассказе, относящемся к XV веку, язык яркий и интересный. Но также интересны судные дела (Правая и судная грамоты, изд. Лихачевым и др. издания). О Житии Аввакума я уже говорил с Вами. Может быть лучше начать с анализа текста нар[одной] речи в современной записи. Признаюсь, вопрос для меня не так прост и определенно на него ответить я бы затруднился. Если облюбовать какую-нибудь группу синт[аксических] явлений, то число текстов можно было бы увеличивать в разных направлениях, а темы могут быть вроде таких, как употребление падежей, значение глагольных форм, безличные предложения (их типы), употребление деепричастий, согласование имен с числительными и т. п.

Для занятий славяноведением вообще необходимо знание самих языков. Советовал бы начать теперь же знакомство с польским языком; хорош учебник Генрика Улашина.

Искренне Ваш

22 мая 1918

А. Шахматов

нились в некоторых говорах и поныне. Название сева оформляли префиксами *вы-, по-, у-, за-*. В волоколамских книгах встречаем *высев:* «Слугам [изошло хлеба], как живут у высеву», в суздальских — *посев:* «У посеvu была старица», в Медведевой пустыни — *усев:* «Усев ярового хлеба сельца Васнева», а в новгородских книгах — *засев:* «Были целовальники... у засеву». Префикс *за-* широко представлен в новгородской сельскохозяйственной терминологии: книги здесь называли *засевными, замолотными*, начало сева — *засевом*, а начало жатвы — *зажином*.

Таким образом, сельскохозяйственные книги XVI—XVII веков (посевные, ужинные, умолотные) раскрывают интереснейшие страницы истории русского языка.

Л. Ю. АСТАХИНА

ПУБЛИКАЦИИ «РУССКОЙ РЕЧИ»

Подлинник письма передан вдовой А. А. Буслаева, Марией Александровной Буслаевой, в архив Сектора лингвистического источниковедения Института русского языка АН СССР. Письмо написано по старой орфографии.

Примечание: Буслаев, Алексей Александрович (1897—1965), правнук Ф. И. Буслаева по матери (сын известного московского врача А. А. Фейденгольда, принявшего в 1915 году фамилию своей жены). Окончил в 1918 году Московский университет по славяно-русскому отделению историко-филологического факультета. Ученик Д. Н. Ушакова и Н. Н. Дурново, отчасти В. Н. Щепкина. Член Московской диалектологической комиссии Академии наук с 1916 года. Один из членов-учредителей Московского лингвистического кружка в 1915 году (в 1921—1922 годах его председатель). В 1921—1923 годах — ученый секретарь редакционной коллегии первого «Толкового словаря современного русского языка», организованной по личному указа-

нию В. И. Ленина (работа над словарем была прекращена в 1924 году). В 1924—1926 годах — старший научный сотрудник ГАХН (по комиссии изучения формы), где была принята и печати его статья «Учение Штейнталя и Потемби о внутренней форме языка» (не напечатана). Позже — преподаватель русского языка в разных учебных заведениях и на курсах. С 1943 года до выхода на пенсию — сотрудник Радиокomiteта (контрольный редактор передач на славянских языках).

После смерти А. А. Шахматова Буслаев закончил работу «Некоторые синтаксические явления в языке Лаврентьевской летописи» и читал ее в Московском лингвистическом кружке в присутствии Н. Н. Дурново.

В Институте русского языка АН СССР составляется экспериментальный учебник русского языка для средней школы (IV—VIII классы). Цель учебника — помочь учителю приблизить преподавание русского языка в школе к уровню современной науки о языке, одновременно прививая учащимся навыки грамотного устного и письменного владения русской речью в ее различных стилевых разновидностях. Учебник носит название «экспериментальный» и не имеет целью заменить собой существующие учебники, авторы которых во многом преодолели недостатки прежних. Предполагается, что учебник будет использоваться сначала в отдельных школах и, пройдя необходимую практическую проверку, сможет послужить основой для создания в будущем нового, наиболее совершенного. Предлагаем нашим читателям в порядке обсуждения один из разделов учебника для IV класса — «Синонимы», написанный старшим научным сотрудником Института русского языка АН СССР И. С. Ильиной.

СИНОНИМЫ

Прочитаем стихотворение и найдем в нем такие два слова, которые звучат по-разному, а значение у них одинаковое.

С неразлучным своим автоматом
 Не в одной побывал я стране,
 Но везде и повсюду, ребята,
 Я скучал по родной стороне.

Михалков.

Сторонка родная

Найти их нетрудно: везде и повсюду. Такие слова называются синонимами — от греческого *synonymos*, что значит «одноименный».

ЗАДАНИЕ. В следующих предложениях разные писатели употребили различные синонимы, чтобы выразить одно и то же значение. Укажите их.

Слома голову несутся ребята из сада на двор смотреть, кто одет (Пришвин. Кощеева цепь). Рысак мчал по пустым ночным улицам (Федин. Первые радости). Мой борзый конь, мой конь удалый, Несись, лети! (Пушкин. Какая ночь!..). Мчатся тучи, вьются тучи (Пушкин. Бесы).

Какое значение выражают эти синонимы? К какой части речи они принадлежат?

ЗАДАНИЕ. Среди следующих слов найдите пары синонимов (синонимические пары), выпишите их.

Спешить, конница, тушить, передник, неприятель, кавалерия, громадный, торопиться, гасить, миг, фартук, противник, огромный, мгновение.

Относятся ли синонимы каждой пары к одной или к разным частям речи?

Синонимы — это принадлежащие к одной и той же части речи разные слова, но имеющие одно и то же значение.

ЗАДАНИЕ. Можно ли заменить слово *учитель* словом *преподаватель* в следующем тексте из речи Кирова, произнесенной им в 1934 году:

Исполнилось ровно десять лет с того момента, когда нашему историческому городу было присвоено имя нашего великого учителя. Петроград был переименован в Ленинград.

Что значит слово *учитель* в этом тексте? Является ли оно в этом значении синонимом слова *преподаватель*?

Слово может быть синонимом другого слова в одном из своих значений и не быть им — в других значениях.

РАЗЛИЧИЕ СИНОНИМОВ ПО ЧАСТОТЕ ИХ УПОТРЕБЛЕНИЯ

Прочитаем отрывок из повести «В стране вечных каникул» писателя А. Алексина, в котором он вспоминает свои школьные годы:

Ребята в нашем классе мечтали о разном: строить самолеты, которые тогда чаще назывались аэропланами, водить по морям корабли, быть шоферами, пожарниками или вагоновожатыми...

Тогда (это, примерно, лет сорок тому назад) чаще говорили *аэроплан*. Поэт В. Маяковский в 1925 году писал:

Только что
приказ крылатый
дан:
— Пролетарий,
на аэроплан!

Летающий пролетарий

А как сейчас чаще говорят — *самолет* или *аэроплан*?

ЗАДАНИЕ. 1. Прочитайте следующие отрывки из того же произведения В. Маяковского и найдите в них синонимы.

Где не проехать
коннице,
где не пройдут
ногам —
там
только
летчик гонится
за шквалами врага.

Над лесами жар и зной.
Жрет пожар их желтизной.
А вилот над этим адом
Льет водичу водопадом.

2. К найденным двум синонимам укажите третий в отрывке из воспоминаний писателя В. Катаева о знаменитом летчике, пионере русской авиации Уточкине:

Уточкин был вообще прирожденный спортсмен во всех областях: он был не только авиатором, но также яхтсменом, конькобежцем, пловцом, прыгуном с высоты в море, ныряльщиком, стрелком из пистолета, бегуном, даже, кажется, боксером и неоднократно поднимался на воздушном шаре...

Какой из трех синонимов вы употребляете чаще? Какой почти или совсем не употребляете?

ЗАДАНИЕ. Прочитайте отрывок из «Книги детства» писателя Ю. Нагибина о том, как он в школьные годы играл в футбол. Укажите синонимы.

И вот я у мяча... Рядом, но так близко, что я кожей чувствую их, — мои постоянные партнеры, инсайды, как говорили мы, полусредние, как говорят сейчас, правый — Сережа Алексеев и левый — Люсик Варт.

Знакомы ли Вам оба эти синонима или только один из них? Знаете ли Вы, кто такой голкипер? Что такое корнер?

ЗАДАНИЕ. Какой из следующих синонимов вы употребляете чаще? Какой не употребляете совсем?

Почтальон — письмоводец, резинка — ластик, бегемот — гиппопотам, градусник — термометр.

РАЗЛИЧИЕ СИНОНИМОВ ПО ИХ СОЧЕТАЕМОСТИ С ДРУГИМИ СЛОВАМИ

ЗАДАНИЕ. Прочитайте текст.

Тимур, герой известной повести А. Гайдара «Тимур и его команда», был смелый мальчик. Его товарищи были тоже храбрые ребята. Какой смелый план придумали они, чтобы победить шайку хулиганов!

Укажите синонимы. Выпишите сочетания слов, в которых употреблены эти синонимы. В каком из этих сочетаний нельзя употребить и тот и другой синонимы?

ЗАДАНИЕ. Какого цвета карие глаза? Можно ли о других предметах того же цвета сказать *карие*?

Синонимы могут различаться своей сочетаемостью с другими словами в предложении.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ СИНОНИМОВ

Вспомним старую пионерскую песню, которую распевают в походах, собравшись у костра:

Ах, картошка — объеденье,
Пионеров — идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошку не едал!

Попробуем вместо *картошка* сказать *картофель*: ведь картошка и картофель — одно и то же.

Ах, картофель — объеденье,
Пионеров — идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картофель не едал!

Нехорошо получилось! Не подходит синоним *картофель* к веселой пионерской песне. Хочется здесь сказать именно *картошка*. А почему? Чтобы в этом разобраться, прочитайте текст следующего задания и ответьте на поставленные в конце вопросы.

ЗАДАНИЕ. Проголодавшись после дальней экскурсии, Вова Бутузов и Настя Кувшинчикова (Вова Бутузов, Настя Кувшинчикова и Иван Семенович Полушпенный — постоянные персонажи заданий учебника) зашли в ближайшую столовую. У кассы висело меню — листок, на котором было написано, какие имеются блюда и сколько они стоят.

— Котлеты с жареным картофелем, — прочитал Вова. — Почему с картофелем, а не с картошкой? — удивился он. — Я всегда говорю картошка. Мама! Подложи мне жареной картошки, а не картофеля!

— И я обычно говорю картошка, а вот здесь, в меню, правильно, по-моему, картофель, — сказала Настя.

— А сама ты, когда выступала на сборе отряда, сказала, что пионеры помогали колхозу убирать картошку! — возразил Вова.

— Да, сказала, а в своем отчете я написала, что пионеры помогали колхозу в уборке картофеля, — ответила Настя и показала на висевшую тут же газету. — Давай посмотрим, как в газете!

Они прочитали напечатанный жирным шрифтом заголовок:

СБОР УРОЖАЯ КАРТОФЕЛЯ

— Да... Сбор урожая картошки здесь было бы нехорошо, — решили оба.

По дороге домой они остановились у книжного магазина. В витрине лежала книга:

ВЫРАЩИВАНИЕ КАРТОФЕЛЯ

— И здесь, по моему, правильно — картофеля, а не картошки, — сказала Настя.

Правда или неправда Настя Кувшинчикова? В каких случаях более уместно слово *картошка*, а в каких — *картофель*?

Совпадая в своем значении, синонимы могут различаться по их употреблению в разных видах нашей речи.

ЗАДАНИЕ. 1. Найдите синонимы в следующих текстах:

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев в его появлении
На рассвете весеннего дня.

Заболоцкий И. Я воспитан природой суровой...

Прошел вдоль моря вешний гром
По хвойным перелескам.

Твардовский И. Дом у дороги

Как сладок вешний липовый воздух!

Бахметьев В. Преступление Мартына

2. Скажите, можно ли заменить *весенний* синонимом *вешний* в следующих предложениях. Если нельзя, то постарайтесь объяснить почему: Весенние каникулы я провел в деревне. Моя сестра купила себе весенний костюм. Колхоз «Заря» приступил к весенней пахоте.

Какое из рассмотренных слов *весенний* или *вешний* можно употребить в любом случае?

ЗАДАНИЕ. Прочитайте следующий текст.

Семья Бутузовых переехала в новую квартиру, и в ЖЭКе им выдали такую справку: «Бутузовы, Петр Григорьевич, Ольга Ивановна и сын их Владимир, проживают в доме № 15, кв. 12 по улице Писарева».

Вова Бутузов написал своему товарищу письмо, в котором сообщил: «Мы живем теперь в новой квартире и очень этим довольны».

Иван Семенович Подушпенный тоже поселился в новой квартире и написал об этом своему сослуживцу: «Я проживаю теперь в новой квартире и весьма этим доволен».

Укажите синонимы в справке из ЖЭКа и в письмах. Какая между ними разница? Какое письмо лучше написано?

ЗАДАНИЕ. В следующих двух отрывках из повести А. Гайдара «Тимур и его команда» найдите синонимы со значением 'говорить неправду'. В первом отрывке дядя Тимура обращается к племяннику:

— ...Ольга говорит, что ты учишь девочку хулиганству.
— Она лжет, — возмутился Тимур, — а еще комсомолка!

Во втором отрывке дядя спрашивает Тимура:

— ...Итак, может быть, ты мне все-таки скажешь, кто ночевал у нас сегодня на диване?
— Одна знакомая девочка, — неохотно ответил малячуган...
— Вот и врешь! — ...Если бы она была тебе знакома, то здесь, в записке, ты назвал бы ее по имени.

Чем отличаются эти синонимы друг от друга? Чем отличаются оба синонима от выражения *говорить неправду*?

ЗАДАНИЕ. Прочитайте следующий текст.

Для рыбы нужна чистая вода — будем охранять наши водоемы. В лесах, степях, горах разные ценные животные — будем охранять наши леса, степи, горы.

Рыбе — вода, птице — воздух, зверю — лес, степь, горы. А человеку нужна родина. И охранять природу — значит охранять родину (Пришвин. Напутствие пионерам).

Слово *родина* употребляется и в стихах:

Идешь с людьми в строю необозримом, —
У каждого своя родная сторона,
У каждого свой дом, свой сад, свой брат любимый,
А родина у всех у нас одна...

Твардовский. Земляку

А вот Н. А. Некрасов, говоря о долге гражданина перед родиной, употребляет другой синоним:

Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой...

Поэт и гражданин

У В. Маяковского в поэме «Хорошо!» — третий синоним:

И я,
как весну человечества,
рожденную
в трудах и в бою,
пою
мое отечество,
республику мою!

Какой из этих синонимов употребляется как в устной, так и в письменной речи? Какой (или какие) чаще в письменной? Какой из синонимов звучит особенно торжественно?

Итак, каждый синоним хорош на своем месте. Из двух (или нескольких) синонимов, имеющих в языке, мы выбираем тот, который больше подходит именно в данном случае, более уместен именно в той или иной разновидности нашей речи. Синоним *картофель* употребляется главным образом в письменной речи (в газетах, научной, учебной литературе, деловых бумагах), а *картошка* — обычно в устной повседневной речи. Синоним *вешний* мы чаще встречаем в стихах, вообще в художественных описаниях природы. Слово *жить* такое же широко распространенное слово, а его синоним *проживать* встречается чаще в справках, удостоверениях. *Весьма* (в сравнении с *очень*) отличается официальностью, особой серьезностью. *Врать* — слово грубое, а *лгать* таким не является, но оно все же более резкое, чем *говорить неправду*. *Отечество* и *отчизна* чаще встречаются в письменной речи; *отчизна* к тому же звучит торжественно, подчеркивая особую значимость, важность того, что обозначается синонимом *родина*, который мы употребляем в любой разновидности нашей речи.

Различия синонимов по их употреблению в разных видах речи называются в лингвистике (науке о языке) стилистическими различиями (от слова *стиль* — вид, разновидность речи).

Таким образом, синонимы, совпадая в своем значении, могут друг от друга отличаться частотой употребления, сочетаемостью с другими словами, различаться своей стилистической окраской. Про синонимы поэтому можно сказать, что они «то же, да не одно и то же». Заменять один синоним другим можно, но далеко не всегда.

СЛОВА, БЛИЗКИЕ ПО ЗНАЧЕНИЮ

Кроме синонимов, в языке имеется много слов, которые, хотя и не совпадают, но близки в своих значениях и отличаются друг от друга только некоторыми смысловыми оттенками.

К таким словам относятся, например *отрывать* — *отдирать*.

Отрывать — значит «отделять что-нибудь рывком, рывками»: отрывать листок календаря. *Отдирать* — значит

делать то же самое — ‘отрывать, но с силой, преодолевая сопротивление’: отдирать обои от стены. В этом оттенке — с силой — и заключается их различие.

Идти — шагать. *Идти* — значит ‘передвигаться, делая шаги’, а шагать — ‘идти, передвигаться, делая широкие размеренные шаги’: По улице шли ребята. По улице шагал отряд призывников.

С этими словами можно сопоставить слово *семенить*. Оно значит тоже ‘идти, передвигаться, делая шаги’, но частые, мелкие шаги: Отец молча шагал к дому, а Колька семенял рядом с ним.

Эти слова в свою очередь можно сравнить и с такими, как *брести*, *ковылять*, *выступать*. Все они значат то же, что идти, но у каждого есть свой оттенок. *Брести* — значит ‘идти медленно, не спеша’; *ковылять* — ‘идти медленно, с трудом и прихрамывая’; *выступать* — ‘идти не спеша, важно, с достоинством’.

ЗАДАНИЕ. Составьте со словами *брести*, *ковылять*, *выступать* предложения, в которых различие их смысловых оттенков было бы заметно.

ЗАДАНИЕ. Сравните следующие слова и укажите, чем второе слово каждой пары отличается по значению от первого.

Хороший — отличный; плохой — скверный; большой — огромный; холод — мороз; тепло — жарко; размолвка — ссора.

Можете ли вы к словам этих пар прибавить еще какие-нибудь другие слова, отличающиеся от них оттенками значения?

Слова, близкие по значению, хотя и отличаются от синонимов — слов, совпадающих в своем значении, — часто называются также синонимами. Из близких по значению слов нужно выбирать именно то, которое больше всего подходит по смыслу.

ЗАДАНИЕ. Прочитайте весь следующий текст. Выберите из слов, поставленных в скобки, наиболее подходящее для каждого предложения, но так, чтобы эти слова в разных предложениях не повторялись.

На спектакле в кукольном театре было очень весело, и мы все громко (смеялись, хохотали, хихикали). Вова Бутузов (смеялся, хохотал, хихикал) так, что соседи на него зашикали. Он долго сдерживался, а потом как (засмеется, захохочет, захихикает, прыснет)! Только Настя, как всегда, была серьезна и лишь изредка тихо (смеялась, хохотала, хихикала).

ЗАДАНИЕ. Укажите близкие по значению слова в следующем тексте.

— Я Петьку вздую!— сказал однажды Вова Бутузов Насте Кувшинчиковой, грозясь расправиться с одноклассником-хулиганом.— Я его отколошмачу, я ему так наподдаю, что он забудет, как малышей задирать, подножки подставлять и плевать!

— Побить его, может быть, и не мешает,— ответила Настя,— только ты уж не слишком...

Различаются ли эти слова оттенками значения? Какие слова, близкие по значению, делают речь Вовы более взволнованной и грубой, чем речь Насти?

Слова, отличающиеся оттенками, могут так же, как синонимы, различаться по их употреблению в разных видах, стилях речи.

СИНОНИМИЧЕСКИЕ РЯДЫ

Синонимы, имеющиеся в языке, образуют синонимические ряды. С ними вы уже знакомы. Вы узнали о синонимах *летчик — пилот — авиатор*.

Это и есть синонимический ряд. Главным синонимом в нем является *летчик*, так как он употребляется чаще остальных:

Вы рассмотрели синонимы *родина — отечество — отчина*.

Слова этого синонимического ряда различаются стилистически. Главный синоним в этом ряду — *родина*.

Слова, близкие по значению, также образуют ряды, подобные синонимическим.

Вы встретились с рядом таких слов: *идти — шагать — семенить — брести — ковылять — выступать*. Главное слово этого ряда *идти*: его значение 'передвигаться, делая шаги' объединяет все остальные слова этого ряда.

Нам встретились слова: *побить — вздуть — наподдавать — отколошматить*. Слова этого ряда различаются и оттенками значения, и стилистически. Главное слово этого ряда — *побить*: оно объединяет все остальные по смыслу и употребляется в любом виде речи.

ЗАДАНИЕ. В разное время школьные отметки обозначались неодинаково. Прочитайте следующие тексты, укажите в них синонимические названия отметок и запишите синонимические ряды. Писатель Л. Кассиль, вспоминая двадцатые годы, пишет:

Отныне учителя не ставили в наши дневники и тетради единиц и пятерок. Вместо единицы писалось «плохо», вместо двойки — «неудовлетворительно». Тройку заменяло «удовлетворительно». «Хорошо» означало прежнюю четверку, а «отлично» стоило пятерки (Кондуит).

Не помню, когда я в последний раз видела, что Кира плачет. Кажется, в пятом классе, из-за «неуда» по черчению (Каверин. Два капитана).

По правде сказать, я знала немецкий на трояк... (Сальников. Экзамен Гали Перьфирьевой).

Можно ли в эти синонимические ряды добавить еще другие слова, относящиеся к школьным отметкам? Что можно сказать о стилистической окраске этих синонимов?

ЗАДАНИЕ. 1. Сравните два отрывка из повести «Тимур и его команда» А. Гайдара:

А в это время в комнате той самой дачи, где ночевала Женя, стоял высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати.

Ольга... спросила молочницу, кто этот мальчишка, который совещается о чем-то с хулиганом Квакиным.

Почему сам писатель называет Тимура *мальчуганом*, а Ольга, сестра Жени, — *мальчишкой*? Что изменится, если сказать *мальчик*?

2. Почему о Тимуре А. Гайдар не сказал, например, *мальчонка*? Какие еще слова входят в тот же ряд близких по значению слов? Подойдут ли они к Тимуру?

Создавая свои произведения, писатели и поэты много работают над словом. Они по несколько раз переделывают свои произведения, вычеркивают целые куски, пишут новые, подбирают нужные слова, самые подходящие синонимы. Черновики Пушкина сохранили нам следы его работы над словом. Заглянем в них.

ЗАДАНИЕ. Сравните отрывки из черновых набросков и окончательного текста «Сказки о мертвой царевне и о семи богатырях»:

Черновые наброски

В ручку яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Кожу только прокусила
И ломотик проглотила.
Пес на яблочко стремглав
С лаем кинулся — сердился,
Проглотил его — свалился
И издох...

Окончательный текст

В руки яблочко взяла,
К алым губкам поднесла,
Потихоньку прокусила
И кусочек проглотила...
Пес на яблочко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился,
И издох.

Укажите, какие замены сделал Пушкин в окончательном тексте. Постарайтесь объяснить, почему он их сделал.

И. С. ИЛЬИНСКАЯ

Два учебных года работали школы города Севастополя по пробному учебнику русского языка для VII класса под редакцией действительного члена АПН СССР доктора филологических наук Н. М. Шанского. Опыт работы над экспериментальным учебником позволяет сделать некоторые выводы о том, что дает данная книга учащимся, что в ней хорошо и что требует известной доработки.

ПРОБНЫЙ УЧЕБНИК ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ VII КЛАССА

Авторы учебника И. И. Кулибаба, М. Т. Баранов, Л. Т. Григорян, Г. А. Ладыженская, Л. А. Тростенцова сохранили прежние методические приемы в подаче теоретических сведений, отборе дидактического материала, структуру, к которой учащиеся привыкли ранее.

Начинается учебник, как и прежние, со сведений о русском языке. В тексте статьи «Всеобщий и родной» рассказывается о русском языке как языке межнационального общения нашей страны, а в 1—2 упражнениях эта мысль раскрывается в стихотворениях и высказываниях Кубаныча Акаева, Расула Гамзатова и Андрея Упита. Как показал опыт, учащиеся с большим удовольствием выполняли данные упражнения, имеющие большое воспитательное значение.

Раздел «Повторение изученного в IV—VI классах» построен так, что, повторяя ранее изученный материал, мы одновременно готовим учащихся к восприятию последующих тем. Так, упражнение 8, предназначенное для повторения основных сведений по морфологии, содержит дополнительное задание, облегчающее в дальнейшем восприятие темы «Словосочетание». Следует заметить, что все упражнения учебника заставляют детей сопоставлять языковые явления, группировать отдельные факты, делать соответствующие выводы. В этом отношении интересно упражнение 9, развивающее логическое мышление учащихся. Однако раздел «Повторение» (параграф 3, Орфография) нуждается в определенной доработке. Дело в том, что в упражнениях, помещенных в этом параграфе, не преду-

смотрено повторение правописания падежных и глагольных окончаний. Да и повторение безударных гласных носит, как нам кажется, эпизодический характер.

Тема «Словосочетание» в разделе «Синтаксис» не является для учащихся новой. Между тем, сопоставление «слова» и «словосочетания» в VII классе помогает понять не только суть словосочетания, но и природу этого грамматического явления в целом. Ученики «открывают» новые свойства, явления, получают возможность на практике убедиться в том, какую роль играют словосочетания в точной формулировке названий явлений, процессов, предметов. А это в конечном итоге обогащает речь учеников. Упражнения этого раздела настолько интересны по содержанию, что пропустить какое-нибудь из них нельзя. Упражнение 43 помогает совершенствовать речевые навыки детей, дает возможность широко использовать на практике теоретические сведения о простых и сложных словосочетаниях и в то же время готовит ребят к умению описывать местность. Задание к упражнению 44, требующее от учащихся распространения простых словосочетаний, в то же время дает определенное представление о стилистической окраске некоторых словосочетаний. Разграничивая простые и сложные словосочетания (упр. 49), учащиеся дополнительно выполняют задание по развитию устной и письменной речи (отмечают особенности языка писателя).

Интересно преподносится материал в разделе «Предложение». Мне кажется, что разграничение по форме сказуемого, как это сделано в учебнике, усваивается ребятами легче и лучше запоминается. С точки зрения подбора дидактического материала, имеющего большое значение для работы над образностью языка,— это один из интересных разделов учебника. Знакомя учеников с односоставными предложениями, авторы показывают роль этих предложений в художественной речи, функции односоставных предложений в описании. Например, текст упражнения 126 — стихотворение М. Лисянского «Космонавт приходит к Ильичу». Назывные предложения в этом стихотворении рисуют обстановку Кремлевского кабинета В. И. Ленина, а упражнение 127 дает ученикам возможность попробовать свои силы в описании обстановки. Заменяя выделенные двусоставные предложения односоставными, ученики начинают осознавать роль назывных предложений в контексте. Упражнение 129 показывает, как используются назывные предложения при описании обстановки в ремарках пьес. Значение односоставных предложений в создании картин природы прослеживается в упражнении 128.

Дидактический материал 22 параграфа (Безличные односоставные предложения) предусматривает показ сферы употребления безличных предложений в устной и письменной речи. Если боль-

пая часть упражнений данного раздела подобрана удачно, то нельзя этого сказать о параграфах 12 (Тире между подлежащим и сказуемым) и 26 (Обобщающие слова при однородных членах предложения).

Учителям, работающим в 5—8 классах, хорошо известно, что тема «Обособление второстепенных членов предложения»,— одна из самых трудных для учащихся. Авторский коллектив учебника удачно определил для тренировки целый ряд содержательных упражнений, особенно посвященных закреплению обособления определений. Что же касается упражнений для закрепления обособления дополнений и уточняющих обстоятельств, то их, на наш взгляд, недостаточно. Как показал опыт, данный материал усваивается учащимися поверхностно.

Не менее трудной для учащихся темой является тема «Вводные слова и вводные предложения».

В параграфах, посвященных этому разделу, только одно упражнение 286 содержит сведения о том, что некоторые слова в предложении могут быть или вводными словами, или членами предложения. Следовало бы дать побольше упражнений подобного типа. Целесообразно было бы показать роль вводных слов и словосочетаний в деловой речи.

Первые два параграфа раздела «Прямая и косвенная речь» не вызывают споров, а вот параграф 37 (Диалог) заставляет учителя дополнительно искать материал. Более того, в названном параграфе дается один способ оформления диалога, в повседневной же практике ребята встречаются и с другими способами оформления диалога (кавычки, тире). Стоило бы предусмотреть и такой способ оформления диалога.

Недостаточно упражнений для закрепления всех случаев постановки знаков препинания на месте разрыва прямой речи.

Учебник завершается разделом «Повторение и обобщение изученного в VII классе». В упражнениях, данных в этом разделе, нет дублирующих заданий, вопросов. Каждый вопрос требует от учащихся обобщения сведений о языке, ставит новые проблемы, новые задачи.

Список изученных орфограмм и пунктограмм, слов, произношение которых следует запомнить, толковый словарик в значительной степени облегчают работу ученика и являются большим подспорьем для учителя.

Выше уже говорилось о том, что в каждой программной теме значительное место уделено развитию речи учащихся. Не является исключением в этом отношении и завершающий раздел учебника. Наряду с известными (описание природы, обстановки, животных, внешности человека), мы встретимся и с такими новыми темами,

как «Описание местности», «Отзыв о картине», «Рассуждения на морально-этическую тему» и др. Учащиеся познакомятся с описанием Москвы и Подмосковья, перенесутся на Урал, побывают на границе Европы и Азии, увидят новый Арбат, памятник Крылову в Ленинграде; услышат «Слово о Родине» М. Шолохова, прочитают высказывания В. Пескова о природе средней полосы России, стихотворение М. Рыльского об Украине и Я. Хелемского — о Белоруссии, познакомятся с высказыванием Р. Фраермана о Дальнем Востоке, а затем узнают о происхождении слова *Родина*.

Учебник предлагает замечательные образцы речи-описания А. Куприна, И. Бунина, К. Паустовского, стихотворения К. Симонова, М. Лисянского, А. Твардовского и других.

В упражнениях по развитию связной речи материал подается в определенной системе. Сначала это выбор позиции, точки обзора (упражнение 11). Ученикам дают возможность понять, что к описанию местности можно подойти с разных точек зрения. Главная мысль — нацелить юных авторов на отбор нужных языковых средств. В тексте упражнения 41 отобранные автором языковые средства подчинены раскрытию темы «Киев — самый зеленый город СССР». А описание Ленинских гор в Москве подчинено другой задаче. В. Тельпугов показывает, что Ленинские горы — излюбленное место художников, изображающих Москву.

Для того чтобы научить ребят описывать местность, учебник предлагает описания по разным источникам: по картине (упражнение 133) — «Утро индустриальной Москвы» К. Ф. Юона (жаль, что нет, по-прежнему, цветных репродукций), по наблюдению (упражнение 115), по воображению (упражнение 40) — граница между Европой и Азией, улица будущего (упражнение 80).

Учебник учит писать сочинения, вырабатывает у детей чувство слова и умение говорить и писать последовательно, убедительно, выразительно. Учитель может варьировать систему упражнений. Это плюс, и плюс значительный. Воспитывающая сторона текстов учебника значительна. О чем бы ни говорили авторы: об отдаленных уголках нашей страны, о прошлом Родины, о современных городах, — они воспитывают чувство патриотизма, заставляя учащихся гордиться тем, что они приобщены к великому делу созидания родной страны. Большое место отводится в учебнике теме подвига советских людей.

Некоторые отмеченные нами недочеты не снижают того значения, которое имеет этот учебник, развеявший скуку, доказавший, что можно интересно работать и на уроках русского языка, каждый день открывать для себя что-то значительное.

Заслуженный учитель УССР
Т. А. РЫЖИК

ЧИТАЯ ДРЕВНИЕ РУКОПИСИ...

В одном из лечебников XVII века (в настоящее время эта рукопись хранится в Отделе письменных источников Государственного Исторического музея) неизвестным автором-составителем написана статья о значении чая для организма человека. Отдельные высказывания из написанного русским человеком 300 лет тому назад и сейчас вызывают большой интерес. Естественно, современному читателю многое покажется неправдоподобным, преувеличенным, но следует учесть, что это сообщение автора о чае отвечало уровню развития естественных наук в XVII веке и духу той эпохи.

Из этого отрывка видно, как высоко

Та трава растет в китайском государствѣ и оттуду розвозят ѣ во вся страны пограничныя и за многую доброту и приносящую ея силу многіе народы дивно употребляют поваря в водѣ. А китайцы сказывать к намъ же из братства нашего многіе к намъ писали и за истину подтверждаютъ что та трава имѣетъ такую силу отворительную и гонительную [избавляющую от недугов] мочь [силу] в себѣ содержать и тѣмъ всѣ жилы и проходы и ис почекъ и из головы вычищаетъ; и от находящихъ властных [имеющихъ силу] мокротъ [мокрота-вредная — «лишняя жидкость, кроме крови, в человеческом организме»], от которыхъ случаются многіе вредности очемъ [глазамъ] зубомъ, грудем, желудку и протчим частемъ содѣваетъ [оказываетъ благотвор-

ценили наши предки чудодейственный напиток чай и приписывали ему целебные свойства для лечения различных недугов человека и предупреждения многих болезней.

Данное извлечение из лечебника печатается с небольшими сокращениями, используются средства современной графики; предлоги, союзы со словами и частица *не* с глаголами написаны раздельно. Для выяснения значения некоторых древнерусских слов (эти объяснения заключены в скобки) использовались данные словарей: И. И. Срезневский «Материалы для Словаря древнерусского языка» (СПб., 1893—1903; В. Даль «Толковый словарь живого великорусского языка» (М.—СПб., 1880—1882); Г. Е. Кочин «Материалы для терминологического словаря древней России» (М.—Л., 1937).

Кандидат филологических наук

А. П. СЛОВЯГИН

Мичуринск

ное действие]. И для того частое употребление тое травы зѣло [очень] способно людямъ мокротным [вероятно, флегматичным], тяжелымъ [очень полным] ученым и управляющимъ и книгъ читателемъ мнительным [заботящимся] о попечении и дѣлами обязующимся [занятым] для того человекъ творит легка бодра и мозгъ его очищаетъ и хотя сначала непривыклымъ людямъ явится та трава вкушением неприятна... чай всѣхъ травъ силою превосходит ради того как желчь разженеть [разведет или очистит]. А чай кто хотя четверицею [вчетверо больше обычного] днемъ употребляетъ то никакова повреждения не будетъ имѣти но великую бодрость и легкость хотящимъ приключится болѣзнемъ подаетъ свободу... конечно китайцы, частаго ради употребления сей травы камчюжной каменной болѣзни [ломоты в суставах, ревматизма] никогда не знают и в нихъ сего не именуется.

Онъ [чай] выгоняет всякие недуги внутренние и дух тяжелый угашает бодрость легость подаетъ мокроту выводитъ тяжелый сонъ отводитъ и всякое повѣтрие [наносные, повальные болезни] отгоняетъ брюхо не пучить стомахъ [желудок] направляет.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРАВИЛЬНОСТЬ РУССКОЙ РЕЧИ

Начало см.: «Русская речь», 1973, № 4—6,
1974, № 1—4

АЛТАЙСКИЙ КРАЙ — АЛТАЙ. Однословные названия республик, краев, водных бассейнов, административных и других территориальных районов получили широкое распространение в языке современных информационных заметок и сообщений. Словообразовательные модели таких названий довольно разнообразны и продуктивны: Алтайский край — Алтай, Каспийское море — Каспий, Бурятская АССР — Бурятия, Таджикская ССР — Таджикистан. Иногда такое название — просто омоним топонимического: Камчатка, Сахалин.

Составные и однословные наименования употребляются в одних и тех же стилистических условиях, однословные при этом значительно преобладают: «...Найдено коренное золото в горах Станового хребта (Амурская область), исландский шпат в Эвенкий, месторождение газа в Устьюрте» («Известия», 15 декабря 1969).

Для названия районов промыслового назначения употребляются, как правило, однословные наименования: «Советские рыболовные суда, ведущие промысел в Атлантике...» («Известия», 6 декабря 1969); «Волга и Каспий, известно, являются постоянными местами жительства осетровых» («Известия», 8 декабря 1969).

В письменной речи однословные названия союзных республик или варьируют с аббревиатурой: Украина — УССР, Белоруссия — БССР, или явно предпочитают: Молдавия, Грузия, Азерб.

байджан и т. п. Во избежание словесного однообразия в названии республик могут чередоваться однословные наименования и словосочетания, состоящие из прилагательного и инициальной аббревиатуры: «Иностранные журналисты в Узбекистане» (заголовок); «Большая группа зарубежных корреспондентов, аккредитованных при Отделе печати МИД СССР, в течение недели находилась в Узбекской ССР...» («Известия», 15 декабря 1969).

ТИПИЧЕСКИЙ — ТИПИЧНЫЙ. Некоторые словари-справочники обращают особое внимание на употребление подобных пар прилагательных (Ю. А. Бельчиков и М. С. Панюшева. Словарь-справочник. Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка. М., 1968). В самом деле, как правильно сказать или написать *гармонические* или *гармоничные* движения, *гигиенические* или *гигиеничные* условия труда, *дипломатический* или *дипломатичный* ответ, *лирическое* или *лиричное* настроение? Какой из этих вариантов предпочтительнее?

Варианты прилагательных с суффиксами *-ическ-* и *-ичн-* появляются в языке в связи с развитием у прилагательных на *-ический* качественного значения. Исследователи отмечают, что образования на *-ичный* появились первоначально как словообразовательные дублеты соотносительных прилагательных с суффиксом *-ическ-*, а затем их использование в языке получило вполне определенный смысл: служить морфологическим средством выражения развившегося качественного значения у прилагательных на *-ический* («Очерк по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного». М., 1964).

Семантика относительного прилагательного и связанные с ней особенности его функционирования в системе современного языка определяют возможность и пределы варьирования.

Значительную группу составляют прилагательные, значение которых исчерпывается понятием «иметь свойство». Все они качественные, и вариант на *-ический* либо окончательно вытеснен вариантом на *-ичный*, либо последний является преимущественно употребительным в современном литературном языке. Тождество вариантов фиксируется в словарях (4-томный Словарь, 17-томный Словарь, Словарь Д. Н. Ушакова).

Нередко прилагательное с суффиксом *-ическ-* толкуется через вариант с суффиксом *-ичн-*: аполитический — аполитичный, аритмический — аритмичный, лаконический — лаконичный, меланхолический — меланхоличичный, проблематический — проблематичный, рахитический — рахитичный, самокритический — самокритичный. Для некоторых пар этой группы прилагательных вариант на *-ический* словари дают с пометой «устар.», иногда оба варианта поме-

падают в одну словарную статью, для большинства же тождество значения выражено толкованием по схеме: «аритмический, см. аритмичный» или «дистгармонический то же, что дистгармоничный» (и наоборот). Вариант на *-ичный* в этой группе прилагательных предпочитается, потому что он несет в себе морфологический элемент выражения грамматического значения — суффикс качественного прилагательного.

Вторую большую группу составляют прилагательные на *-ический* и *-ичный*, совпадающие только в некоторых значениях: академический — академичный, анархический — анархичный, гармонический — гармоничный, демократический — демократичный, лирический — лиричный, метафизический — метафизичный, органический — органичный, поэтический — поэтичный, трагический — трагичный, фантастический — фантастичный. Относительное прилагательное этого вариантного ряда наиболее употребительно в составе терминологических словосочетаний, где оно является единственным возможным: академический словарь, театр; гармонические законы; демократический централизм; органические соединения. Если прилагательное с суффиксом *-ическ-* выражает качественное значение, то оно, так же как прилагательные первой группы, дублирует значение варианта с суффиксом *-ичн-*: «После неприятнейшей драматической сцены у главного Шошин как будто оттаял здесь» («Советский экран», 1971, № 6); «События, скажем прямо, и драматические и комичные» («Советский экран», 1971, № 13).

В приведенных примерах прилагательные независимо от их морфологической оформленности (суффикс относительного *-ическ-* или суффикс качественного *-ичн-*) являются качественными.

Прилагательное с суффиксом *-ическ-* входит в состав словосочетаний, близких по своему характеру к устойчивым. Такие словосочетания широко употребительны в профессиональной речи: трагические (минуты, противоречия, попытки, рефрен, запевка), драматический (комедия, монолог, эффект); лирический (пьеса, статья, трагедия); поэтический (образ, стихия); романтический (приподнятость, красавец, внешность).

Естественным и вполне соответствующим языковым тенденциям современного языка является преимущественное употребление варианта на *-ичный* в тех случаях, когда характеристики касаются сферы человеческих отношений или чувств. «В борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые гармоничные отношения между классами и социальными группами» («Комсомольская правда», 15 апреля 1971); «Что-то человечески трагичное заключалось в изгибах гладкобелых ветвей» (Гранин. Неожиданное утро).

В целом для большинства прилагательных на *-ический* и *-ичный* со значением качественности нормой современного языка

следует признать вариативность. Иногда варианты формы встречаются в одной и той же газетной статье, иногда даже в одной фразе. «Изображенные нами фантастические картины вовсе не фантастичны. Они реальны в своей основе» («Литературная газета», 24 марта 1971).

Продолжение в следующем номере

ХРОНИКА

Встреча в Доме ученых

9 апреля 1974 года в Московском Доме ученых состоялось заседание секции литературы и языка, посвященное вопросам культуры русской речи. С вступительным словом к присутствующим обратился профессор Н. И. Кравцов. Председательствующий на заседании старший научный сотрудник Института востоковедения АН СССР Н. А. Сыромятников представил собравшимся гостей — сотрудников Института русского языка АН СССР и редакции журнала «Русская речь».

С докладом на тему «Культура русской речи в современных спорах о языке» выступил заведующий Сектором культуры русской речи Института русского языка АН СССР кандидат филологических наук Л. И. Скворцов. В содержательном и интересном докладе были освещены важные вопросы: актуальные теоретические и практические проблемы нормализации русского языка, место и роль общественных дискуссий о культуре устной и письменной речи. Доклад-

чик затронул также основные стороны лингвистической оценки терминологии и терминотворчества в условиях научно-технической революции и возрастающей роли языка науки. Л. И. Скворцов сообщил о трудах Института русского языка АН СССР, посвященных вопросам культуры русской речи. Языковеды-руссисты ведут большую работу в области пропаганды лингвистических знаний, с их участием постоянно идут передачи по Всесоюзному радио — «В мире слов» и Центральному телевидению — «Русская речь», с 1967 года издается научно-популярный журнал «Русская речь». Л. И. Скворцов использовал в докладе яркий иллюстративный материал из произведений писателей-классиков XIX века и советской литературы.

О направлении журнала «Русская речь» рассказала собравшимся ответственный секретарь редакции кандидат филологических наук О. А. Хамицаева. Заведующий отделом языка художественной литературы М. А. Галманова сообщила о статьях, которые будут опубликованы в очередных номерах журнала.

Доклад и сообщения были выслушаны с большим вниманием. В заключение Л. И. Скворцов ответил на многочисленные вопросы присутствующих.

Ю. Ф. Хаустова

ПОДУМАЙТЕ И ОТВЕЬТЕ!

Отвeты. См.: «Русская речь», 1974, № 4.

1. Обозначение цвета (краснота, красный), а также действия (бег, бегать) выражается по-разному. В первом случае (краснота, бег) — это название предмета (*предмет* в грамматическом смысле, т. е. слово, отвечающее на вопрос *что?*).

Во втором (красный, бегать) — обозначение признака предмета и действия как процесса, протекающего при определенных условиях.

2. Русские фамилии на *-ин, -ов* в творительном падеже пишутся с окончанием *-ым*; фамилии иностранного происхождения на *-ин, -ов* — с окончанием *-ом*: Петровым, Чаплином.

3. Костюм для спорта — это любой костюм, который может быть использован для занятий спортом; спортивный костюм специально предназначен для спорта.

Эта разница в значениях объясняется и грамматически: прилагательное *спортивный* обозначает постоянный признак предмета.

4. Слово *пять* обозначает количество предметов, отвечает на вопрос *сколько?*, относится к именам числительным; *пятерка* — имя существительное, поскольку отвечает на вопрос *что?*, обозначает предмет (в грамматическом смысле).

5. Глаголы, совмещающие значения разных видов, являются двувидовыми. В первом предложении — глагол несовершенного вида, во втором — совершенного вида.

6. Для определения спряжения учащиеся ставят глагол в неопределенной форме: *мел...шь — молоть*. Чередование гласных в корне осложняет эту работу и приводит к ошибке: *мел...шь — мелить*. Отсюда вытекает ошибочный вывод: этот глагол на *-ить* относится ко II спряжению.

7. *Одеть* можно кого-то во что-то: одеть ребенка; *надеть* — что-то на кого-то или на что-то: надеть перчатки, надеть чехол на диван.

Глагол *кушать* употребляется обычно при вежливом приглашении к еде, поэтому в литературной речи в 1 лице он неуместен («Русская речь», 1974, № 4, стр. 74—79).

8. Это свидетельствует о постоянных изменениях, которые происходят в языке. Слова, в которых живет слово *ведать*, — результат действия морфологического способа словообразования.

9. М. В. Ломоносов имел в виду причастия; они употребляются чаще в книжной речи.

10. В процессе развития языка возможно переосмысление значения слов, переход явлений, возникших в разговорной речи, в литературный язык. Однако данное явление не перешло в литературный язык, осталось в просторечии.

Т. В. Напольнова

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

● ЗАОЧНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЗАОЧНОЕ ОБУЧЕНИЕ

Постоянный читатель нашего журнала москвич В. В. Понятовский просит прокомментировать происхождение, значение и употребление словосочетаний *заочное образование* и *заочное обучение*. Письмо В. В. Понятовского не совсем обычно. Это творческое, если можно так сказать, письмо. «В своей практике,— пишет В. В. Понятовский,— я сталкиваюсь с многочисленной аудиторией преподавателей и студентов. Нередко в беседе приходится затрагивать вопрос о происхождении и толковании терминов „заочное образование“ и „заочное обучение“. Ведь в нашей стране многие учатся заочно, находясь в тайге, станах, на кораблях, дальнем севере, в длительных командировках и т. д., словом, вдали от преподавателя». Далее в письме содержатся наблюдения о том, как слово *заочный* приобретает «педагогическую нагрузку», некоторые соображения, какому из двух сочетаний отдать предпочтение в «зависимости от контекста».

Действительно, старое русское слово *заочный*, зафиксированное словарями еще в начале XVIII века, в определенный период своего существования в языке наполняется специальным содержанием и входит в состав специальной лексики — юридической (когда речь идет о заочном приговоре) и педагогической (когда речь идет о заочном обучении). Поскольку нас интересует употребление этого слова применительно к обучению, то на этом мы и остановимся.

Во второй половине прошлого века появляются первые ростки нового приема получения образования, путем самостоятельного освоения определенного программного курса (с помощью методических пособий). К этому же, примерно, времени относится и появление в языке словосочетаний со словом *заочный* (примени-

тельно к обучению). Вначале — *заочные курсы* (начало XX века), затем, после победы Октября, когда в народном просвещении Советской России форма подготовки специалистов без отрыва от производства приняла широкое распространение, в языке закрепляются и другие устойчивые словосочетания со словом *заочный*: *заочная школа, заочное отделение, заочное обучение*.

Применительно к просвещению, образованию, обучению словом *заочный* обозначается сложное педагогическое понятие. Его нельзя охарактеризовать посредством какого-то одного признака, поскольку один признак не даст такого рода характеристики, которая отделила бы одно понятие от другого, с одной стороны, и поставила бы это понятие в ряд аналогичных (но не равных) ему по классификации, с другой. Поэтому необходимо выделить ряд признаков, которые охватили бы основное содержание понятия «заочный» в его специальном, педагогическом применении. В число таких признаков, видимо, войдут: происходящий без регулярного (систематического) слушания лекций, без постоянного общения с преподавателем, путем самостоятельного освоения программного курса школьных, вузовских или других необходимых дисциплин; происходящий без отрыва от основной работы. Однако выяснение содержания понятия «заочный» и тем самым значения слова *заочный* в его специальном (педагогическом) употреблении не дает возможности разграничить значения словосочетаний с этим словом, поскольку во всех словосочетаниях слово *заочный* будет в основном иметь одно и то же значение. Следовательно, основу для содержательного разграничения интересующих нас словосочетаний надо искать в словах *образование* и *обучение*.

Заметим сразу, что есть определенная трудность в разграничении значений слов *образование* и *обучение*, поскольку *образование* при условии выделения в нем двух педагогических значений [1) процесс усвоения знаний; обучение, просвещение; 2) совокупность знаний, полученных в процессе, в результате обучения] может быть расценено (в первом своем значении) как синоним к словам *обучение, просвещение*. Практика употребления этих слов в составе специальных сочетаний отражает возможность синонимичной замены слов *образование* и *обучение*, поэтому в разных изданиях можно встретить то *заочное обучение*, то *заочное образование*. Однако если исходить из общего требования к терминологии, по которому одному понятию (явлению, объекту) должно соответствовать одно наименование, один термин, то можно попытаться содержательно разграничить словосочетания *заочное обучение* и *заочное образование*. Предпосылкой к подобному разграничению (как и к их сближению) может служить значение самих же этих слов.

Многозначное слово *образование* в первом своем значении, как уже было отмечено, может употребляться наряду с аналогичными по значению словами *обучение, просвещение*. Во втором значении у него подобных заменителей нет, поэтому в словосочетаниях типа *классическое образование, техническое образование, музыкальное образование; начальное, среднее, высшее образование* возможно употребление в качестве определяемого только слова *образование*.

Значение педагогического процесса, его разновидностей (совместное обучение, раздельное обучение), форм получения образования (заочное обучение, вечернее обучение), практикой употребления закреплено за словом *обучение*. Можно напомнить, что Постановление СНК СССР от 29 августа 1938 года называлось «О высшем заочном обучении». Толковые словари современного русского языка также связывают «педагогическое» употребление слова *заочный* со словом *обучение*. В «Словаре современного русского литературного языка» в 17-ти томах: *Заочный... Относящийся к обучению без систематического посещения учебных занятий... Учиться заочно. Учиться в системе заочного обучения.*

Так в общем виде мог бы выглядеть лингвистический комментарий к значению и употреблению словосочетаний *заочное обучение* и *заочное образование*. Однако необходимо оговориться, что этот комментарий не может быть расценен как «законодательный приговор» к употреблению данных словосочетаний, поскольку последнее слово в вопросах употребления и значения терминов всегда остается за специалистами конкретных областей знания.

К тому же нельзя не учитывать и того, что в слове *образование* появляется, видимо, новое, не отмеченное пока словарями употребление его в значении «система обучения, связанная со структурой учреждений и применяемой методикой». Может быть, именно это обстоятельство и способствовало появлению в практике употребления словосочетаний *заочное обучение* (как процесс) и *заочное образование* (как система обучения). Однако и в этом случае значение словосочетаний не совпадает.

В. П. Даниленко

● ЧЕЛОБИТНАЯ, ПРОШЕНИЕ, ЗАЯВЛЕНИЕ

Кандидат технических наук Ф. И. Филатов из Москвы интересуется терминами делового стиля, в частности, когда появилось в русском языке слово *заявление* и почему оно вытеснило слово *прошение*, которое широко употреблялось в произведениях писателей XIX века.

Трудно представить себе человека, которому никогда не приходилось бы обращаться с письменной просьбой в какое-либо уч-

реждение, организацию или к должностному лицу. Просьба составлялась и составляется по определенной форме, получая тем самым вид официального документа, и в различные периоды истории русского языка называлась по-разному: *челобитная*, *прошение*, *заявление*.

В современном русском литературном языке для названия документа, излагающего письменную просьбу, употребляется слово *заявление*, оно является признанной нормой. Мы пишем заявление о приеме на работу, о предоставлении отпуска, об оказании материальной помощи, о допуске к сдаче экзаменов, соответственно адресуя его в определенную инстанцию или определенному должностному лицу. Слово *заявление*, обозначая официальную письменную просьбу, относится к словам делового стиля. В самом деле, никому не придет в голову написать заявление своему другу, родственнику, товарищу по работе, чтобы попросить книгу для чтения, какой-либо бытовой предмет или денег взаймы.

Первым из трех названных слов-терминов в русском языке появилось слово *челобитье*. Оно широко употребляется в летописях и других памятниках русской письменности, начиная с XIV столетия. Много примеров с этим словом в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского: «Послаша послы к великому князю с челобитьемъ о старине» (Новгородская I летопись, под 6901 г.); «И Псковичи послаша съ челобитьемъ Федора посадника Шибалкинича подъ Вороночь ко князю Витовту въ рать» (Псковская I летопись, под 6934 г.).

Внутренняя форма слова *челобитье* предельно ясна. Ученые ставят его в связь со словосочетанием *бить челом* 'кланяться до земли' (буквально: 'бить лбом об пол, приветствуя кого-либо или униженно прося о чем-либо'). Позже словом *челобитье*, или *челобитная*, стал называться документ, содержащий уничижительную просьбу. Таким образом, *челобитье* обозначает не только подчиненное, но и униженное положение просящего, полную зависимость от лица, к которому он обращается с просьбой.

Слово *челобитная* как официальный документ прожило большую жизнь: в остаточном виде оно сохранилось вплоть до XIX века, а в предыдущие века, включая XVIII, употреблялось активно, сосуществуя с синонимичным ему словом *прошение*, которое в меньшей мере, чем *челобитная*, выражает значение уничижительности: «Челобитная или просительное письмо об отпуске из службы от государя своего» (Приклады. М., 1708); «А в прошлом 1719 году подал я ему челобитную, чтоб мне завод построить винокурной» (Посошков. Книга о скудости и богатстве). Вместе с тем и термин *прошение* встречается в памятниках рус-

ской письменности XIV—XVII веков: «Прислаше князь великой во Псковъ на княжение князя Володимера Андрѣевича, а не по Псковскому прошению, ни по старинѣ» (Псковская I летопись, под 6969 г.). Нередки случаи объединения в одной фразе слов *челобитье* и *прошение*, что, с одной стороны, свидетельствует о синонимичности их, а с другой — оттеняет некоторые нюансы значения: «Се яз, Федосей, митрополит всея Руси пожаловал есмь сына своего князя Дмитрея Ивановича по прошению его и по челобитью, дал есмь ему село» (Жалованная грамота 1462 г.).

Употребляясь наряду со словом *прошение*, слово *челобитная* утрачивает экспрессивный характер, нейтрализуется. Это нашло отражение и в толковых словарях русского языка, и в произведениях русских писателей XIX века. В «Словаре языка Пушкина» слово *челобитье* определено как «письменное прошение». О нейтральном употреблении этого термина свидетельствуют такие примеры: «Сей необыкновенный человек прославился в околотке сочинением всякого роду писем, челобитьев, партикулярных пашпортов...» (История села Горюхина); «Я не даром подал мошенику челобитье: вору-то стало совестно» (Капитанская дочка). Русские писатели XIX века после Пушкина, а тем более советские писатели использовали слова *челобитье*, *челобитная* лишь как средство стилизации: «Непослушная сторона решила послать гонцов к самой императрице с челобитной за подписями двух тысяч восьмисот человек» (Шишков. Емельян Пугачев).

Постепенно *прошение* вытеснило слово *челобитная*. В первом академическом словаре русского литературного языка, увидевшем свет в самом конце XVIII века, — «Словаре Академии Российской» *прошение* определено так: «в приказном наречии значит: письменное изъявление какого-либо своего желания, подаваемое в присутственное место или начальнику». В более поздних толковых словарях русского языка оно истолковывается аналогично, в нем подчеркивается деловой характер и письменное ходатайство: «Прошение в сенат должен был сочинить поверенный» (С. Аксаков. Детские годы Багрова-внука); «Я уже был у начальства! Ходил в суд, хотел прошение подать, они и прошения не взяли» (Чехов. Темнота).

Слово *прошение* употреблялось в XIX и начале XX века как термин, обозначающий письменную просьбу, направленную в официальную инстанцию официальному лицу. Это термин делового стиля языка, не несущий какой-либо экспрессии. Слово *прошение* является производным от глагола *просить*, значение его прозрачно, истолкование не представляет затруднения.

Теперь остается лишь ответить на вопрос, почему же понадобилось заменить ясное, хорошее, очень давно известное языку

прошение словом *заявление*. В пользу термина *прошение*, кажется, говорит и то, что деловой документ, называемый этим термином, начинается словами: *прошу* предоставить, *прошу* допустить, *прошу* разрешить и т. д. Сохранение этого термина должно бы также обеспечиваться наличием в активном фонде современного русского языка слов *просить*, *просьба*, *проситель*. Однако *прошение* уступило место *заявлению*.

Слово *заявление* в толковых словарях современного русского языка объяснено как 'письменная просьба, составляемая по установленной форме и подаваемая на имя официального лица или учреждения'. Однако такое значение возникло сравнительно недавно. Оно не зафиксировано не только в «Словаре Академии Российской», но и в Толковом словаре В. Даля. Нет слова *заявление* и в «Словаре языка Пушкина», в котором соответствующие понятия обозначались словами *прошение* и *челобитье*.

В современных толковых словарях слово *заявление* в значении 'письменная просьба' никогда не начинает словарную статью, а подается как более позднее, производное от значения 'официальное сообщение в устной или письменной форме'. В Толковом словаре В. Даля глагол *заявить*, от которого и слово *заявление*, определен: 'объявлять, предъявлять, донести, дать знать о чем'. Документ, обозначаемый словом *заявление*, излагает не просьбу, а сообщение чего-либо, уведомление о чем-либо. Такое значение находит отражение в примерах типа: «[Наполеон] не получал ни одного ответа на свои неоднократные заявления о желании вести переговоры» (Л. Толстой. Война и мир); «По радио передавали заявление Рузвельта на пресс-конферен-

ции по поводу возможной химической войны» (Инбер. Почти три года).

Постепенно, а особенно бурно в советское время, слово *заявление* стало употребляться в современном значении, как название документа, излагающего просьбу, адресованную официальному лицу или учреждению. Таким образом, на смену старым терминам *челобитная* и *прошение* приходит новый — *заявление*. Этот термин характеризует иные отношения между членами общества. Советский гражданин,

подавая заявление в завком, в суд, в дирекцию просит о чем-либо, но просит, сознавая свои права: «Вчера ночью он принес мне заявление о приеме в партию» (Ажаев. Далеко от Москвы); «[Аркадий:] Не артист я! Всё! Сам подал сегодня заявление, чтобы уволили!» (Розов. В добрый час!).

Слова социального содержания, отражающие старые правовые отношения, уходят из языка, заменяясь другими, более отвечающими новым условиям жизни. В таких случаях внеязыковые факторы оказываются сильнее языковых. В связи с этим и победил термин *заявление*.

Г. А. Качевская

● ХОЖАЛЫЙ

«Прошу разъяснить значение слова *хожалый*. В „Словаре русского языка“ С. И. Ожегова это слово отсутствует; в наше время оно почти не употребляется», — пишет А. Б. Пилявский из города Пушкино Московской области.

В дореволюционной России существовали «хожалые» — служащие при полиции в качестве рассыльного. В разговорной речи так могли назвать любого человека, имеющего низкий полицейский чин. Это слово встречается в произведениях Герцена, Писарева, Писемского, Лескова, Златовратского, Достоевского, Некрасова и других писателей. Употребляется оно в качестве прилагательного (*хожалый* городово́й, *хожалый* полицейский), но еще чаще — существительного: «А вот я сейчас позову *хожалого*, он тебя стащит в участок» (Горбунов. Сцены из народного быта);

«Часов в семь, у подъезда стояло... два жандарма и хожалый» (Боборыкин. В путь-дорогу). Находим слово *хожалый* не только в литературных произведениях XIX века, но и в деловых документах того времени: в докладной записке студентов Московского университета (1861), в газете (1901), в листовках московских большевиков (1905).

Было и другое значение у слова *хожалый* — «много ходивший, побывавший в разных местах». Например, в цитате из «Тараса Бульбы» Гоголя: «Все [козаки] были хожалые, езжалые: ходили по анатолийским берегам, по крымским солончакам и степям ... изъездили все Черное море». Встречается слово в сочетаниях *хожалый сказочник*, *хожалые певцы* (о странствующих сказочниках, певцах). В областной речи и в просторечии это слово употреблялось в разных значениях: хожалая тропинка (по которой часто ходят); хожалые деньги (предназначенные для расходов); хожалое платье (будничное, для повседневной носки). *Хожалой* называли сваху, а также сиделку при больном. «Я человек хожалый» — могло означать привычного к ходьбе, а также бывалого, много видевшего человека. В последнем значении встречаем это слово в «Вольнице» Ф. Гладкова: «Девки — по мне, сразу видать. Они и побунтовать непрочь. Хожалые! Настоящие ватажницы».

По происхождению слово *хожалый* сравнительно позднее, впервые зафиксировано Словарем 1847 года, образовалось от глагола *ходить*, по всей вероятности, по аналогии со словами *бывалый*, *захудалый*, *изветшалый*, *езжалый*.

Для современного русского языка слово *хожалый* является устарелым, поэтому его нет в одностомном «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова. Но его можно найти в более подробных современных толковых словарях — в 17-томном «Словаре современного русского литературного языка», в 4-томном «Словаре русского языка», а также в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова.

Л. П. Алекторова

● КУРЧАВЫЙ

И. М. Никитин из Московской области просит рассказать о происхождении слова *курчавый*.

Это слово обычно объясняется как результат метатезы (перестановки) из *кучерявый* (так предполагали Ф. Миклошич, Э. Бер-

некер, М. Фасмер). Но думается, что слово *курчавый* может быть объяснено иначе: это прилагательное, образованное с помощью суффикса *-ав-* от основы имени, не зафиксированного в литературном языке. Сравните диалектное рязанское *кўрчи* 'кудри': «Мой д'ёт жыл сто гадѡф, вѡласы бѡл'и дѡлгыи, кўрч'и» (Словарь современного русского народного говора. М., 1969). Синонимичны слову *курчавый* отмеченные в диалектах прилагательные *курчавый* и *курчавѡтый* с тем же значением.

Этимологически слово *курчи* 'кудри' может быть объяснено от праславянского *кѡгсь 'нечто согнутое, искривленное': 'пень с корнем, коряга; согнутый член тела и болезненное состояние, при котором согнуты члены тела, судорога'. Праславянское *кѡгсь в русском языке должно было дать *корчь*, но *о* в безударном положении часто изменялось в *у*. Сравните *корчѡга* 'котловина' и *курчѡжина* то же; *прикорнуть* и *прикурнуть* 'дремать, сидя согнувшись', в аналогичной позиции редуцированный в глаголе *бурчѡть* < *вѡчк- и т. д. При вторичном переносе ударения на корень мы получаем такие формы, как *курч* 'коряга' при *корчень* (смоленское), *пўрчѡться* < рѡгхати се, *бўрчнуть* и проч.

Таким образом, фонетически слова *курчи* и *курчавый* могут восходить к праславянскому *кѡгсь и *кѡгсавъѡ. Имеется еще ряд доказательств возможности такой этимологии. Глагол *корчѡться*, который в русском литературном языке и в большинстве русских говоров значит 'искривляться, изгибаться', в печорских говорах имеет значение 'витья (о волосах)'. Сравните еще словацкое *krčku vlasov* 'кудри', *krčkaviet* 'витья (о волосах)', болгарское *крѡкли*, *крѡкли* — (мн.ч.) 'кудри'. Все это позволяет восстановить для праславянского *кѡгсь, кроме указанных выше значений, значение 'завиток волос'. Дополнительной аналогией может служить болгарское диалектное *грѡкаф* 'кудрявый' при *грѡчка* (жен.) 'судорога, спазма'. Южнославянское и западнославянское *гѡгсь является вариантом к *кѡгсь, а последнее восходит к индоевропейскому *(s)ker- 'гнуть'.

В. А. Меркулова

● «ПРАЛИНОВАЯ» НАЧИНКА

К. В. Тоцгигин из Кургана спрашивает, правомерно ли в русском языке образование прилагательного *пралинóвый* от имени существительного *пралинé* (слово это можно встретить на этикетках шоколадных батончиков, изготавливаемых шоколадной фабрикой г. Куйбышева: «Шоколадный батон с пралиновой начинкой»). «Что это? — пишет К. В. Тоцгигин. — Появился неологизм, имеющий право войти в толковый словарь, в литературный язык? Или это просто чья-то досужая лингвистическая фантазия? Насколько естественно и правомерно такое образование? Имеются ли аналогии? И как в связи с появлением такого прилагательного изменяется функция конечного *e* в слове *пралине?*».

В толковые словари русского языка слово *пралинóвый* не попало (впрочем, там нет и существительного *пралине*). В Картоотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР (Ленинград) это слово представлено одной карточкой — выпиской из документа 1940 года, имеющего отношение к производству кондитерских изделий: «Мягкие конфеты всякие и прис, кроме глазированных шоколадом, пралиновых».

Прилагательное *пралиновый* широкого распространения в русском языке не имеет. Оно употребляется в речи работников кондитерской промышленности. Существительное *пралинé*, заимствованное из французского, в русском языке может употребляться в двух значениях: 1) по отношению к обсахаренным, поджаренным и измельченным орехам (соответствует французскому *praline*) и 2) по отношению к смеси шоколада (или шоколадной помадки) с орехами (соотносительно с французским *praliné* — название конфет).

На этикетке шоколадного батона слово *пралиновый* употреблено в соответствии со вторым значением существительного *пралине*. Хотя слово и используется в обиходе работников кондитерской промышленности, оно часто заменяется равноценным словом *шоколадно-ореховый*, например: шоколадно-ореховая начинка. Такое наименование есть и в номенклатуре кондитерских изделий.

Слово *пралиновый* образовано с помощью суффикса *-ов-*. Образование прилагательных с этим суффиксом от заимствованных несклоняемых существительных с конечной гласной *-é* — явление необычное. [Впрочем, в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971) находим произведенное по такому же образцу прилагательное *джерсóвый* и *джерсéвый* от *джерси* или *джерсé*.] От этих слов прилагательные или вовсе не образуются, например от *безé*, *суфлé*, *канапé*, *кафé*, *кабарé*, *галифé*, или обра-

зуются по типу *желé — желейный, шоссé — шоссейный, купé — купейный, пикé — пикейный*, где в качестве словообразующей морфемы выступает в несколько измененном виде суффикс *-н-*. Естественно было бы и от *пралине* ожидать прилагательное, образованное с помощью этого суффикса. Но предполагаемое слово *пралинейный* было бы неприемлемым, так как случайное совпадение его звукового состава с двумя значимыми единицами языка (с приставкой *пра-* и словом *линейный*) вызывает ненужные ассоциации и мешает правильному восприятию.

То, что в качестве словообразующего элемента в слове *пралиновый* оказался именно суффикс *-ов-*, объяснить можно, по-видимому, следующими причинами. Суффикс *-ов-*, как и *-н-* (с его разновидностями), относится к числу продуктивных. С суффиксом *-ов-* образовано большое количество прилагательных, в том числе от основ новообразований и поздних заимствований (не с конечным гласным *-é*). В *пралиновый* суффикс *-ов-* выступает в значении 'сделанный, изготовленный из чего-либо, с чем-либо'. Данное значение более четко проявляется в суффиксе *-ов-*, чем в *-н-*. Это обстоятельство подчеркивает В. В. Виноградов в книге «Русский язык»: «По-видимому, в профессиональных диалектах значение 'сделанный, изготовленный из чего-нибудь' осознается как характеристическая черта именно суффикса *-ов-* (ср.: *баббитный завод* и *баббитовые подшипники*)» (изд. 2-е. М., 1972).

Таким образом, суффикс *-ов-* не случайно оказался в составе прилагательного *пралиновый*. И все же это образование следует признать неудачным. Оно очень слабо ассоциируется с производящим его существительным *пралине*, не воспринимается как производное от него, ввиду утраты конечного гласного при словообразовании, а также из-за отсутствия аналогичных образований в русском языке. Все это затрудняет понимание смысла слова *пралиновый*.

В. Н. Цыганова

● ДЕЛУ ВРЕМЯ, ПОТЕХЕ ЧАС

Н. М. Бакаев из Целиноградской области просит объяснить значение выражения «Делу время, потехе час» и рассказать о его происхождении. «Обозначает ли слово *время*, — пишет он, — какой-то определенный период, скажем, три или четыре часа, или оно просто образное выражение».

Современное значение выражения «Делу время, потехе час» предполагает как будто разницу в значениях слов *время* и *час*, а потому и толкуется в некоторых современных изданиях, например в «Словаре русских пословиц и поговорок» В. П. Жукова, следую-

щим образом: «Основное время делам, а забавам, веселью только Досуг». Такое значение вполне подтверждается употреблением этого выражения в произведениях русских писателей: «Само собой разумеется, что я не против развлечений, но по условиям нашей действительности развлечения нуждаются в ограничениях: „делу — время, а потехе — час“» (Горький. Об анекдотах...); «Началось учение, — теперь в гости нельзя ходить... Это проводилось у нас очень строго: делу время, а потехе час. В учебное время — никаких развлечений, никаких гостей» (Вересаев. Воспоминания). Иногда понятие «час» уточняется: время потехи «сокращается» до одного часа: «Я уже вижу, как они работают, эти чертенята. Пойдем. Делу время, потехе, как это говорится, один час» (Катаев. Время, вперед!).

Судя по современному употреблению, мы действительно должны считать, что поговорка с советует делам отдавать много времени, а забаве, потехе — часок, очевидно, под потехой понимая развлечения, когда можно посмеяться, повеселиться, потешиться (см.: Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. Крылатые слова. М., 1966). Этот ошибочный смысл был придан выражению еще в XIX веке, так как изменилось синтаксическое построение выражения (стали писать и говорить с противительным союзом *а*: «Делу время, а потехе час»; уже в Предисловии к «Собранию писем царя Алексея Михайловича», изданному в 1856 году, находим такое написание) и устарели значения входящих в него слов *час* и *потеха*.

Расскажем об истории этого выражения.

«Царь и великий князь Алексей Михайлович, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец» был страстным охотником. Он охотился зимой на зверей — это была «зимняя царская потеха», летом с охотничьими птицами — соколами, кречетами — «летняя царская потеха». Охота с ловчими птицами в те времена считалась самой благородной. О размахе царской потехи и о любви к ней говорят письма Алексея Михайловича к двоюродному брату Афанасию Ивановичу Матюшкину, который воспитывался вместе с царем во дворце, был таким же страстным охотником и по вступлении Алексея Михайловича на престол назначен московским ловчим, то есть главным начальником всей царской охоты. Эти письма рассказывают о соколиной охоте, которая в наше время вывелась. Впрочем, «Комсомольская правда» (10 октября 1973) сообщила, что в Киргизии возродили этот древнейший вид охоты. В Семиз-Беле создано экспериментальное охотничье хозяйство с питомником и школой ловчих птиц. Здесь дрессируют ловчих птиц — ястребов, соколов, беркутов — тем же методом, что и в древности, вынашиванием, то есть приучают к сидению у охотника на руке.

В письмах Алексей Михайлович (а писал он отовсюду, когда уезжал из Москвы) интересовался здоровьем ловчих птиц (все птицы имели имена), просил прислать живых гусей и уток, которые нужны ловчим птицам для корма, для притравливания или для того, чтобы приучить ловчих птиц хватать добычу; просил купить и прислать колокольцев, которые привязывались к ногам ловчей птицы или прикреплялись к хвостовому перу, чтобы по звуку бубенчика можно было определить, куда отлетела птица; живо описывал охоту, на которой был.

Вот отрывок из одного письма царя к своему ловчему: «Да отпустили сокола Семена Ширяева дикомыть [перелинявшего на свободе]: такъ безмѣрно коково хорошо летѣлъ, такъ погналъ, да осадилъ в одномъ концѣ два гнѣзда шилохвостей, да полтретья гнѣзда чирять, такъ в другореть погналъ, такъ понеслось одно утя шилохвость, и милостию божиею и твоими молитвами и счастиемъ, какъ еѣ мякнетъ по шѣе, такъ она десятью [десять раз] перекинулася да ушла пѣша в воду опять: такъ хотѣли по ней стрелять, початели [подумали], што худо заразилъ [плохо поразил], а онъ еѣ такъ заразилъ, што кишки вонъ; такъ она поплавала немношко да побежала на берегъ, а сокол-отъ и сѣлъ на ней» (Собрание писем царя Алексея Михайловича. М., 1856).

О широко поставленной летней царской потехе свидетельствуют современники, иностранцы, которые поражались ее размахом и красотой соколов и кречетов, богатым убранством сокольников и самих птиц. Один из иностранцев писал: «...Явился туда царский сокольник с 6 сокольниками, в драгоценном убранстве из царских одежд. У каждого из них на правой руке была богатая перчатка с золотыми обшивками и на перчатке сидело по кречет. Птицам надеты были на голову новенькие шелковые шапочки (клубочки), а к левой ноге привязаны золотые шнурки (должики). Всех красивее из кречетов был светло-бурый, у которого на правой ноге блистало золотое кольцо с рубином необыкновенной величины».

Для ухода за птицами, для их выпашивания, кормления и, наконец, для самой охоты содержался большой штат сокольников и «начальных людей». Существовал особый ритуал, «какъ государь жалуешь верьховыхъ сокольниковъ изъ рядовыхъ въ начальные сокольники», в каком порядке совершается это действие, что надевают, что говорят, как кланяются и т. д. Красоте процедуры и убору не только людей, но и птиц уделялось большое внимание: «А мало поноровя, подсокольничій молвить: начальные, *время наряду и часъ красотѣ*. И начальные емлютъ со стола нарядъ: первый, Парфентій, возьметъ клубочекъ, по бархату червчатому [красному] шить серебромъ...; второй, Михей, возьметъ колокольцы серебряные позолочены... И уготовя весь нарядъ на рукахъ, подо-

педь къ подскольничему, начальныя сокольники наряжаютъ кречета».

Все эти сведения и многие другіе, столь же подробныя и интересныя, мы узнаемъ изъ «Книги, глаголемой Урядникъ: новое уложение и устройство сокольничья пути» [соколиной охоты], написанной в 1656 году, и которую «всякій охотник, — по словамъ другого страстнаго любителя охоты, но более позднего времени (XIX век), С. Т. Аксакова, — долженъ читать съ умилениемъ». Авторъ «Урядника» пишетъ, что самъ царь «указалъ быть новому сему образцу и чину, для чести и повышенія его государевы красныя и славныя птичьи охоты, сокольничья чина». Здесь прославляется и восхваляется соколиная охота, ибо «зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча... Красносмотрителенъ же и радостенъ высокова сокола летъ».

Царская потеха занимала большое мѣсто в жизни царскаго двора. И, конечно, времени на эту летнюю потеху уходило немало, далеко не одинъ часъ. Очевидно, прочитавъ «Урядникъ» и увидевъ, что в немъ охоте придается слишкомъ большое значеніе, Алексей Михайловичъ и написалъ слова, ставшіе потомъ несколько измененной поговоркой: «Правды же и суда и милостивыя любви и ратнаго строя виколиже позабывайте: дѣлу время и потѣхъ часъ». Обратите вниманіе: «и потехе часъ», не «а потехѣ часъ!» Царь хотѣлъ сказать, что, отдавая много времени и силъ любимому развлеченію, не надо забывать и гражданскія обязанности: всему должно быть свое время.

Алексей Михайловичъ при этомъ использовалъ известную в то время формулу: чему-то одному — время и чему-то другому — часъ (см. выше: «время наряду и часъ красоте»). Например: «Пению время и молитве часъ» — пению псалмовъ во время церковной службы отводится время совсемъ не въ ущербъ молитвѣ. Выраженіе это попало в первый сборникъ русскихъ пословицъ, поговорокъ, загадокъ XVII вѣка («Повѣсти или пословицы всенароднѣйшія по алфавиту». Изд. П. Симони. СПб., 1899), но не стало крылатымъ. А болѣе близкое и понятное каждому человеку, болѣе широкое в своемъ значеніи «Делу время, потехе часъ» стало народной поговоркой. *Часъ* здѣсь синонимъ слову *время*. Такое употребленіе свойственно древнерусскому языку, впрочемъ, и современному тоже. В Сборникѣ богослужебныхъ песнопеній читаемъ (см.: «Материалы для Словаря древнерусскаго языка» И. И. Срезневскаго): «Текуще въ озеро студеное... глаголаху святіи мученици: не устрашимъся *часа зимнааго* [Идя в ледяное озеро... сказали святые мученики: не побоймся зимнеаго *времени*] (Стихирарь XII вѣка).

Итак, возникшее в XVII веке, но получившее жизнь в языке гораздо позже, очевидно, после издания «Урядника», выражение «Делу время, потехе час» должно употребляться в значении 'всему свое время', хотя часто, даже писатели, противопоставляют *дело — потехе, время — часу* и придают другое значение этому выражению: делу — основное время, а забаве, веселью — досуг.

В. П. Фелицына

● ПОГОН

И. М. Никитин из Московской области интересуется происхождением слова *погон*.

Погоны (наплечные нашивки на мундире) появились в русской армии в начале XVIII века. Слово *погон* не получило полного объяснения в этимологических словарях. Академик Я. К. Грот считал слово *погон* заимствованием из предполагаемого польского * *rogon*, поскольку в польском есть *ogon* 'хвост'. М. Фасмер справедливо расценивал эту этимологию сомнительной.

Слово *погоны* относится к лексике, характеризующей область культуры. Поэтому заимствования здесь вполне возможны, например *эполеты* из французского и *аксельбанты* из немецкого. Но форма слова *погон* — славянская. Предположение о происхождении из польского неправомерно в первую очередь потому, что в польском нет *погон* в этом значении. Перед нами скорее всего русское слово. Оно появилось как обозначение части мундира с появлением самой реалии. Возникло не само слово, уже существовавшее до этого в языке, а его новое значение.

Существительное *погон* образовано от глаголов *погонять*, *погнать*. Глаголы *гнать*, *гонять* значат 'заставлять двигаться (не только живые существа, но и предметы)'. Поэтому слово *погон* широко употреблялось в русском языке для обозначения движущегося предмета, места, по которому движется предмет, и меры его движения: в сельском хозяйстве *погон* — это подвижная скоба на бороне; в морском деле — дуга, по которой передвигается румпель и само движение его; в артиллерии — круг, по которому вращается орудие со станком и т. д.

Погоном называется ремень у ружья, ляжка, на которой носили лотки. Ремень и ляжка подвижные, их можно было сделать длиннее или короче. Естественно, что полоски, планки, вставляющиеся в специальные петли на плечах мундира (подвижную, съемную часть одежды), тоже стали называть *погонами*.

По-видимому, слово *погон* как обозначение части мундира пришло в язык военных и в общелитературный из профессиональ-

ного языка портных. Вот употребление глаголов *обогнать*, *обгонять* в значении 'обшивать': «Надъ падёл абагна́ть лёвтьчкѣй»; *обгонка* 'кайма на скатерти, платье и т. п.': «Бісерѣм или еще чѣм абго- нят, тисѣмъчкѣй абашѣют пѣ пѣдалу, па вѣрѣту, пѣ рукава́м — это абгонка» (А. Ф. Иванова. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969). Аналогичным примером словообразования *погон* от *погнать*, *гнать* может служить русское слово *позумент* из французского *passement* (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка) от *passer* 'проходить; проводить, пропускать'.

В. А. Меркулова

КРОССВОРД «РУССКАЯ СТАРИНА»

Ответы. См. стр. 114, 115

По горизонтали: 3. Трав-
ник. 5. Бердыш. 7. Каре-
та. 10. Ратуша. 11. Булава.
15. Тархан. 16. Атаман. 18. Гу-
док. 19. Алдан. 20. Капрал.
22. Свиток. 24. Устав. 25. Че-
пец. 28. Рекрут. 29. Гривна.
30. Аксамит.

По вертикали: 1. Яр-
лык. 2. Шишак. 4. Балахон.
5. Булат. 6. Шущун. 7. Камка.
8. Аятын. 9. Свирель. 12. Та-
ран. 13. Салоп. 14. Бурнус.
17. Палица. 20. Кивер. 21. Лю-
нет. 22. Струг. 23. Кичка.
26. Чуйка. 27. Аршин.

При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (главный редактор),
Е. А. ВАСИЛЕВСКАЯ, В. П. ВОМПЕРСКИЙ, К. В. ГОРИНKOVA,
В. П. ДАНИЛЕНКО, В. Я. ДЕРЯГИН, И. Г. ДОБРОДОМОВ,
В. А. ЕРЕМИН, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, Л. М. ЛЕОНОВ, А. И. ОВЧАРЕНКО,
И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Л. И. СКВОРЦОВ,
Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. П. ФИЛИН

Ответственный секретарь О. А. ХАМИЦАЕВА

Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2.
Телефон: 202-65-25

Зав. редакцией И. М. Беспалова
Художественный редактор Т. А. Михайлова
Корректоры В. В. Беляев, Н. М. Кузьмина

Сдано в набор 12/VI-1974 г. Подп. к печ. 22/VIII-1974 г. Т-12283 Тираж 75 000 экз.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂ Усл. печ. л. 8,4 Бум. л. 2,5 Уч.-изд. л. 10,5 Зак. 757